

ISSN 3034-3364 (Print)
ISSN 3034-3356 (Online)

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 3 / 2025



ООО «Наука и образование»
ФГКВОУ ВО «КВВАУЛ им. А.К. Серова» МО РФ



16+

ИСТОРИЯ.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Сетевое издание

www.social-economic.ru



№ 3
2025





ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ



Сетевое издание / Online edition

№ 3 от 25.09.2025

Выходит 4 раза в год

www. social-economic.ru

Основан в 2019 г.

ISSN 3034-3364 (Print) ISSN 3034-3356 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «История. Культурология. Политология» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-79416 от 13 ноября 2020 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
Договор № 453-12/2019

(до 30.10.2024 г. наименование в Перечне «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки» ISSN 2686-8350)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД РФ.

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич – доктор социологических наук, профессор.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Медведев Валерий Иванович – доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника по учебной и научной работе, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова;

Касьянов Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК: Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР: Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛЬ (СОУЧРЕДИТЕЛИ): ООО «Наука и образование; Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени героя Советского Союза А.К. Серова» Министерства Обороны Российской Федерации

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6.

Тел./whatsapp.: 8 (988) 167-67-67

E-mail: milena.555@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF:

Ivan V. Uporov – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

CHIEF EDITOR:

Mikhail Yu. Popov – Doctor of Sociology, Professor.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Valery I. Medvedev – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov;

Valery V. Kasyanov – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism, Kuban State University.

HEAD OF THE EDITORIAL OFFICE:

Elena A. Shelkova

FIRST: Elena A. Shelkova

CORRECTOR: Mikhail Yu. Popov

THE MURDERERS (CO-FOUNDERS): LLC «Science and Education; Federal State Treasury Military Educational Institution of Higher Education «Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov» of the Ministry of Defense of the Russian Federation

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: AND PUBLISHER:

350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, lane Narodny, 2/1, of. 6.

Tel./whatsapp.: 8 (988) 167-67-67

E-mail: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Понеделков Александр Васильевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Заместитель председателя редакционного совета:

Савеленко Вячеслав Михайлович – генерал-майор авиации в отставке, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова.

Члены редакционного совета:

Азизова Наиля Руслановна – доктор культурологии, руководитель учебно-методического отдела ООО ДПО «Университет профессионального стандарта»;

Антонович Иван Иванович – Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, Чрезвычайный и полномочный посол, Республика Беларусь;

Васьков Максим Александрович – доктор социологических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры регионалистики и евразийских исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Виктор Збигнев – доктор политологии, профессор, Вроцлавский университет, Польша;

Волкова Полина Станиславовна – член Союза композиторов Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и культурологи, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Гаврилова Надежда Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет;

Грошев Роман Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Военная академия ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого;

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства и политологии, Адыгейский государственный университет;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Alexander V. Ponedelkov – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Ethnology, South Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of improving the efficiency of state and Municipal management.

Deputy Chairman of the Editorial Board:

Vyacheslav M. Savelenko – retired Major General of Aviation, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov.

Members of the Editorial Board:

Naila R. Azizova – Doctor of Cultural Studies, Head of the Educational and Methodological Department of DPO «University of Professional Standards» LLC;

Ivan I. Antonovich – Honored Scientist of the Republic of Belarus, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Republic of Belarus;

Maxim A. Vaskov – Doctor of Sociology, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Regionalism and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Viktor Zbigniew – Doctor of Political Science, Professor, University of Wroclaw, Poland;

Polina S. Volkova – Member of the Union of Composers of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Nadezhda Yu. Gavrilova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technologies, Tyumen Industrial University;

Roman V. Groshev – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great;

Zuriet A. Zhade – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State and Political Science, Adygea State University;

Железняков Александр Сергеевич – доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Киселёва Наталья Витальевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Российская таможенная академия (Ростовский филиал);

Кислицын Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственный университет;

Логинова Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева;

Мартыненко Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Ницевич Виктор Францевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры, Московский политехнический университет;

Ратушняк Валерий Николаевич – Заслуженный деятель науки РФ, Герой труда Кубани, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет;

Старостин Александр Михайлович – доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, Ростовский государственный экономический университет;

Токтосунова Адаш Искандеровна – доктор политических наук, профессор, проректор по учебной работе Восточного университета им. Махмуда Кашгари, председатель общественной организации «Диалог культур и цивилизаций», Республика Кыргызстан;

Узунов Владимир Владимирович – доктор политических наук, доцент, директор, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Alexander S. Zheleznyakov – Doctor of Political Sciences, Head of the Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Natalia V. Kiseleva – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Russian Customs Academy (Rostov branch);

Sergey A. Kislitsyn – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management, Branch of the Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University;

Marina V. Loginova – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Library and Information Resources, N.P. Ogarev Mordovian State University;

Vladimir V. Martynenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Viktor F. Nicevich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department, Moscow Polytechnic University;

Valery N. Ratushnyak – Honored Scientist of the Russian Federation, Hero of Labor of Kuban, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Kuban State University;

Alexander M. Starostin – Doctor of Political Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Institute for Interdisciplinary Studies of Global Processes and Globalization, Rostov State University of Economics;

Adash I. Toktosunova – Doctor of Political Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs of the Eastern University. Mahmuda Kashgari, Chairman of the public organization «Dialogue of Cultures and Civilizations», Republic of Kyrgyzstan;

Vladimir V. Uzunov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Director, Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Циткилов Петр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет;

Чапурко Татьяна Михайловна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Чимаров Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Шефель Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия.

Peter Ya. Tsitkilov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Technologies, Southern Federal University;

Tatyana M. Chapurko – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Sergey Yu. Chimarov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Sergey V. Shefel – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Crimean branch of the Russian State University of Justice.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Касьянов В.В., Самыгин П.С., Яхутль Ю.А.</i> Участие казаков в Специальной военной операции РФ в контексте трансформации института казачества в современном российском обществе	13
<i>Куренкова Е.А., Дворковая М.В.</i> Новые вызовы для современной исторической науки	20

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Адаменко С.В., Адаменко В.В.</i> Особенности исполнения песенного фольклора в зависимости от интерпретации фольклора на сцене	27
<i>Ерлан Жалгас</i> Синергия культуры и политики: культурные проекты как механизм поддержки общественных инициатив	36
<i>Киселева О.В., Акоева Н.Б.</i> Вопросы выбора месторасположения для провинциального краеведческого музея	47
<i>Колчин Е.Ю.</i> Ритуализация повседневных практик в эпоху постмодерна и цифровизации	54
<i>Макевнин А.В.</i> Культурные риски типизации в практиках современного городского планирования	60
<i>Резник О.В.</i> Человек искусства в современной российской литературе (на примере произведения Г.Ш. Яхиной «Эйзен»)	65
<i>Селезнева С.Е.</i> Сетевой анализ взаимодействий Музея-заповедника истории Дальнего Востока: к оценке потенциала исследовательского метода	71
<i>Хабаров А.А.</i> Секуляризация в картинах Ингмара Бергмана	79
<i>Чекмарёв М.В.</i> Возникновение и эволюция понятий «культура» и «религия», их значение для современного понимания культурного процесса	84
<i>Щербакова Е.Н., Чэнь Цзы Жэнь</i> Сказка «Репка» в аспекте диалога культур: Россия – Китай	90

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Аверин А.Н., Бутова А.С., Пуцер К.В.</i> Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию о проблемах демографии и социальной политики	99
---	----

Попов М.Ю., Вакула И.М., Чапурко Т.М., Пилюгина Т.В., Самсонов А.А.

Коррупция как инструмент антироссийской идеологии
коллективного запада 105

Янгиров И.И.

Феномен развития идеологии экстремизма
в современной политической практике 116

CONTENTS

HISTORY

- Valery V. Kasyanov, Peter S. Samygin, Yuri A. Yakhutl*
The participation of Cossacks in the Special Military Operation
of the Russian Federation in the context of the transformation
of the Institution of Cossacks in modern Russian society 13
- Evgeniya A. Kurenkova, Marina V. Dvorkovaya*
New challenges for contemporary historical science 20

CULTURAL SCIENCE

- Snezhanna V. Adamenko, Vladimir V. Adamenko*
Features of the performance of song folklore depending
on the interpretation of folklore on stage 27
- Yerlan Zhalgas*
Synergy of culture and politics:
cultural projects as a mechanism for supporting public Initiatives 36
- Olga V. Kiseleva, Natalia B. Akoeva*
Analysis of the choice of location for the provincial museum of local lore 47
- Egor Yu. Kolchin*
Ritualization of everyday practices in the era of postmodern and digitalization 54
- Andrey V. Makevnnin*
Cultural risks of typification in contemporary urban planning practices 60
- Oksana V. Reznik*
A man of art in contemporary russian literature
(on the example of the work of G.Sh. Yakhina «Eizen») 65
- Sofya E. Selezneva*
Network Analysis of the interactions of the V.K. Arseniev museum
of far eastern history: assessing the potential of the research method 71
- Artyom A. Khabarov*
Secularization in the paintings of Ingmar Bergman 79
- Maksim V. Chekmarev*
Origin and evolution of terms «Culture» and «Religion»,
their meaning for the modern understanding of the future processes 84
- Elena N. Shcherbakova, Chen Ziran*
The tale of «The Turnip» in the context of cultural dialogue:
Russia and China 90

POLITICAL SCIENCE

- Alexander N. Averin, Anastasia S. Butova, Kirill V. Putzer*
Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly
on the problems of demography and social policy 99

*Mikhail Yu. Popov, Ivan M. Vakula, Tatyana M. Chapurko,
Tatyana V. Pilyugina, Artem A. Samsonov*

Corruption as a tool of the collective west's anti-russian ideology 105

Ilhaz I. Yangirov

The phenomenon of the development
of the ideology of extremism in modern political practice 116

ИСТОРИЯ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-2>

УДК 94:-057.36:355.4(470+571)



Attribution

cc by

УЧАСТИЕ КАЗАКОВ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РФ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА КАЗАЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Касьянов В.В.¹, Самыгин П.С.², Яхутль Ю.А.³

^{1, 3}Кубанский государственный университет,

²Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. В статье анализируется вклад казачества в обеспечение национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе, характеризующемся проведением Специальной военной операции в контексте перспектив трансформации института казачества, изменения его основополагающих функций и роли в развитии российской государственности. Подчеркивается, что в настоящее время развитие казачества отмечено активным участием казаков в различных направлениях государственной службы, среди которых на первый план выходит военная служба, являющаяся традиционной для представителей отечественного казачества. Авторы отмечают, что на данный момент как для казаков, так и для органов государственной власти сохраняет свою актуальность проблема регулярного использования того военного потенциала, который характерен для российской казачьей общности. Представители казачества, как показывают результаты эмпирических исследований, рассматривают участие в СВО как контекст для решения актуальных для казаков проблем, которые включают объединение военизированных казачьих структур в единую военную силу, создание регулярных военных подразделений, состоящих из казаков. Интерес государства связан с перспективой формирования действенного мобилизационного ресурса, состоящего из казачьих вооруженных соединений, что находит отражение в действующем отечественном законодательстве, регламентирующем порядок прохождения представителями казачества службы в соответствующем резерве. При написании статьи применены принципы историзма и научной объективности, а также сравнительный и структурно-функциональный методы.

Ключевые слова: казачество, казачье общество, казачья культура, социальный институт, институционализация, социокультурная общность, государственная политика, государственная служба, национальная безопасность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE PARTICIPATION OF COSSACKS IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF COSSACKS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Valery V. Kasyanov¹, Peter S. Samygin², Yuri A. Yakhutl³

^{1, 3}Kuban State University,

²Rostov State University of Economics

Abstract. The article analyzes the contribution of the Cossacks to ensuring the national security of the Russian Federation at the present stage, characterized by a special military operation, in the context of the prospects for the transformation of the institution of the Cossacks, changing its fundamental functions and role in the development of Russian statehood. It is emphasized that at present the development of the Cossacks is marked by the active participation of Cossacks in various areas of public service, among which military service, which is traditional for representatives of the national Cossacks, comes to the fore. The authors note that at the moment, both for the Cossacks and for government authorities, the problem of regular use of the military potential that is characteristic of the Russian Cossack community remains relevant. Representatives of the Cossacks, as the results of empirical research show, consider participation in their own military as a context for solving problems relevant to the Cossacks, which include the unification of paramilitary Cossack structures into a single

military force, the creation of regular military units consisting of Cossacks. The interest of the state is connected with the prospect of forming an effective mobilization resource consisting of Cossack armed formations, which is reflected in the current domestic legislation regulating the procedure for representatives of the Cossacks to serve in the appropriate reserve. When writing the article, the principles of historicism and scientific objectivity, as well as comparative and structural-functional methods are applied.

Keywords: cossacks, cossack society, cossack culture, social institution, institutionalization, sociocultural community, public policy, civil service, national security.

Funding: Independent work.

Введение.

В течение последних десятилетий в различных регионах Российской Федерации наблюдались процессы возрождения и активного развития казачества, в результате которых оно стало играть важную роль в решении различных задач, стоящих перед государством и обществом на федеральном и региональном уровнях, в обеспечении национальной безопасности страны в целом. В данном контексте, большое значение приобретает то обстоятельство, что военная служба исторически выступала для представителей казачества в качестве основного вида деятельности.

Современные российские исследователи в постсоветский период отечественной истории активно обращаются к теме о роли казачества в обеспечении национальных интересов и защиты Родины [1; 2; 3]. Они отмечают, что с момента создания казачьих войск в России главной их повинностью была сторожевая служба, поглощавшая большую часть времени, отрывавшая их от занятий земледелием [4, с. 30–31]. При этом согласно государственной концепции, казаки активно содействовали решению как вопросов местного значения, так и защиты рубежей Родины. Современными целями государственной политики в области казачества являются становление и развитие государственной и иной службы российского казачества, а также возрождение духовно-культурных основ казачества.

В настоящее время представители казачества принимают активное участие в Специальной военной операции (СВО), что может иметь следствием изменение сущности и принципов функционирования казачества как социального института.

Некоторые современные исследователи феномена казачества в современном российском обществе полагают, что участие в боевых действиях в период СВО будет способствовать переосмыслению представителями казачества своей роли в жизнедеятельности отечественного социума.

Так, с точки зрения Г.С. Денисовой и В.В. Ковалева, активный вклад казачества в достижение целей России в рамках СВО может способствовать трансформации последнего из «конгломерата общественных организаций» в единое со-

общество, характеризующееся высокой степенью единства и сплоченности, и имеющее приоритетной целью защиту страны и обеспечение ее национальной безопасности, что соответствует тем культурно-историческим традициям казаков, которые складывались в рамках данной общности в течение нескольких столетий [5, с. 29].

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость анализа вклада казачества в обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, характеризующимся проведением Специальной военной операции, в контексте перспектив трансформации института казачества, изменения его основополагающих функций и роли в развитии российской государственности.

Обсуждение. Результаты.

В ходе процессов возрождения и развития казачества, начало которого пришлось на период 1980-х годов, в среде самого казачества, а также в научном сообществе неоднократно поднимались вопросы как о социально-правовом статусе представителей рассматриваемой общности, так и о предназначении казачества, его роли в жизни современного российского общества. Государство проявляло стремление к тому, чтобы привлечь казаков к несению военной и иной службы, использовать потенциал формирующихся казачьих обществ для осуществления оборонительных и других функций, реализации деятельности, направленной на обеспечение национальной безопасности страны. Так, в 1990-е годы функционирование создаваемых казаками организаций регламентировалось соответствующими президентскими указами, закрепляющими понятие «государственный реестр» и «порядок привлечения казаков к несению службы» [6; 7]. Важнейшей вехой в развитии нормативно-правовой базы, регулирующей государственную политику в отношении казачества, стало принятие профильного федерального закона, посвященного порядку прохождения казаками государственной службы [8].

Содержание рассматриваемого направления государственной политики закреплено в Указе главы российского государства, определяющего цели и задачи политики в отношении представителей отечественного казачества. В тексте данного документа, казачество рассматривается как общность социокультурного характера, основ-

ным предназначением которой является служение российскому обществу и государству. Что касается органов государственной власти, то их деятельность, как следует из текстов официальных документов, направлена на то, чтобы содействовать консолидации представителей различных казачьих обществ, сохранять и использовать имеющийся, в рамках данной общности, потенциал в части, касающейся служению российскому народу. Речь здесь, как уже отмечалось выше, идет о создании действенных механизмов привлечения казаков к несению военной и иной службы, в участии в решении тех задач, которые стоят перед государством на современном этапе и включают, в первую очередь, деятельность, направленную на обеспечение национальной безопасности [9].

В течение последних лет представители казачества в России активно привлекались к выполнению тех стратегически важных для государства задач, которые связаны, в первую очередь, с обороной страны. С началом обострения ситуации на Украине и роста военных угроз вокруг России отмечается усиление военной активности казачества: так, начиная с 2014 г. соответствующая активность различных казачьих сообществ стала массовым явлением. Как подчеркивается в специальных исследованиях, многочисленные казачьи организации на территории постсоветской Украины, возникновение которых относится к периоду 1990-х годов, были изначально ориентированы на сближение с Российской Федерацией. Подобные устойчивые объединения казаков, отмечает О.В. Рвачева, стремились к дистанцированию от тех казачьих организаций, которые имели националистические ориентации: Союз казаков Юго-Востока Украины, Союз казаков Украины «Войско Запорожское», «Верное казачество» и ряд других. Эти организации были изначально пророссийскими, будучи ориентированными на максимальное сближение с нашей страной, что находило проявление в большом количестве организованных ими акций и мероприятий [10, с. 210–211].

Значительная часть казачьих организаций, возникших на территории постсоветской Украины, были духовно близки представителям российского казачества и создаваемым им структурам, имея общее с ними происхождение, традиции, культурно-исторические ценности и т.д. В данной ситуации совершенно закономерным было то, что эти казаки выступили против украинских националистических формирований, перейдя на сторону ополченцев Крыма и Донбасса. Что касается российских казаков, то они участвовали в вооруженном противостоянии с украинскими неонацистами на добровольной основе, а соответствующие казачьи вооруженные формирования были интегрированы в военные соединения созданных Луганской и Донецкой республик. С началом Специальной военной операции представители российского казачества активно включились в решение задач Российской Федерации в рамках вооруженного противостояния с Воору-

женными силами Украины, направленного на защиту мирного населения Донбасса, демилитаризацию и денацификацию Украины.

В различных источниках называется разное количество казачьих отрядов, принимающих участие в СВО, что создает трудности с определением точного числа казачьих соединений, которые вовлечены в рассматриваемое вооруженное противостояние. В открытых источниках наиболее часто присутствует информация о деятельности таких военных формирований казаков, как 6-й казачий полк имени атамана М.И. Платова, отряды «Таврида», «Терек», «Ермак», «Тигр», «Барс», казачья бригада «Дон» и некоторых других. Что касается численности казаков, которые участвуют в СВО, то она достигает двадцати тысяч человек [10, с. 213].

Важным направлением деятельности казачьих организаций также является поддержка участников Специальной военной операции: представители данных организаций, в частности, осуществляют регулярную доставку в зону СВО различной гуманитарной и иной помощи. Все это позволяет сделать вывод, в соответствии с которым, казаки в целом и южно-российские казаки, в частности, активно вовлечены в проведение Специальной военной операции. Здесь, по мнению К.В. Воденко, проявляется культурно-историческая и территориальная близость казаков с новыми территориями, часть которых (речь идет об отдельных районах республик Донбасса) до революции входила в состав Области войска Донского [11, с. 80].

Таким образом, представители отечественного казачества в рамках СВО осуществляют защиту исторических казачьих земель от украинских неонацистов, стремящихся распространить на данной территории чуждые его жителям идеологические и культурные нормы. Активное участие казаков в проведении Специальной военной операции свидетельствует об их приверженности традиционным отечественным ценностям духовно-нравственного характера, ориентации на служение российскому народу и государству.

Необходимо отметить, что помимо участия в собственно казачьих вооруженных формированиях, многие лица, которые идентифицируют себя с казачеством, задействованы в проведении СВО в составе других регулярных армейских подразделений. Как подчеркивает атаман «Верного казачества» А.С. Селиванов, казачьи военные структуры имеют на вооружении множество разновидностей современного оружия, а также характеризуются высокой степенью оснащенности средствами индивидуальной бронезащиты; практика показывает, что казаки экипированы не хуже, а зачастую даже лучше, чем военнослужащие обычных регулярных военных подразделений [12]. Причем, довольно часто эта экипировка приобретается не на государственные деньги, как, собственно, это и было в дореволюционный период, когда казаку государство было

обязано выделить только денежное довольствие на время его службы, фураж для коня, оружие и боеприпасы к нему, а остальное он покупал сам.

Разумеется, сегодняшняя реальность не предполагает полного воспроизводства системы взаимодействия органов государственной власти с казачьим военным потенциалом, имевшей место в дореволюционную эпоху; процесс привлечения казаков на военную службу в течение последних нескольких лет подвергался пересмотру со стороны государства, что нашло отражение в содержании действующего отечественного законодательства, регламентирующего прохождение казаками службы в так называемом мобилизационном резерве [13].

С точки зрения Г.С. Денисовой и В.В. Ковалева, активное участие казаков в Специальной военной операции не просто способствует развитию казачества как совокупности общественных организаций, но и содействует его консолидации в устойчивую социокультурную общность, представители которой осуществляют миссию по вооруженной защите своей страны и обеспечению ее национальной безопасности, что соответствует многовековым казачьим культурно-историческим традициям.

Как свидетельствуют результаты прикладных исследований, полученных указанными учеными на основе социологических опросов, у представителей казачества имеются определенные ожидания, связанные с участием в СВО; эмпирические данные показывают, что своеобразным водоразделом позиций, характерных для представителей казачества, выступает их статус, связанный с принадлежностью к реестровому или нереестровому казачеству [Денисова, Ковалёв 2023: с. 29]. Для представителей реестрового казачества, в частности, характерны ожидания, в соответствии с которыми участие казаков в Спецоперации будет способствовать не только решению проблем государственного масштаба, но и таких, которые касаются непосредственно казаков и связаны с централизацией казачьих военных структур, созданием вооруженных казачьих формирований, действующих на постоянной основе.

Рассматриваемые ожидания приобрели актуальность еще на ранних этапах казачьего возрождения в 1990-е годы [14, с. 117], однако, в настоящее время сложились условия, необходимые для того, чтобы данные вопросы получили практическую реализацию. В целом представители казачества, относящиеся ко всем существующим в настоящее время тринадцати казачьим войскам (аналогичной точки зрения придерживается, и значительная часть нереестрового казачества), декларируют поддержку всем основным направлениям государственной политики Российской Федерации в отношении казачества, закрепленных в тексте соответствующей Стратегии, рассчитанной на период с 2021 по 2030 год.

В настоящее время существует объективная необходимость в том, чтобы адаптировать казачьи военные традиции к требованиям современных вооруженных конфликтов: указанная деятельность уже осуществляется, что имеет результатом создание войсковых казачьих подразделений, снабженных новейшими видами оружия и осуществляющих военную деятельность с высокой степенью эффективности.

В то же время, как справедливо отмечают Г.С. Денисова и В.В. Ковалев, рассматриваемая низовая инициатива, исходящая от представителей казачьих обществ, объективно нуждается в ресурсном обеспечении со стороны органов государственной власти, выступающих в качестве основного актора процесса казачьего возрождения. Так, с точки зрения указанных исследователей, на данный момент необходимы определенные изменения в государственной политике, направленной на представителей казачьих обществ: речь, в частности, идет о том, чтобы изменить структуру и содержание учебной деятельности детей и молодежи, проходящих обучение в образовательных организациях казачьего профиля. В подобных учебных заведениях должна быть предусмотрена более основательная и глубокая военная подготовка. Что же касается собственно казачьих воинских формирований, то они могут создаваться в структуре Росгвардии, а военная подготовка реестровых казаков – осуществляться на базе специальных казачьих лагерей, что соответствует воинским казачьим традициям [5, с. 29].

В период Специальной военной операции казачество смогло проявить себя как общность, представители которой осуществляют вооруженную защиту своего Отечества: в данных условиях более понятными стали возможности казаков, связанные с обороной страны, обеспечением ее национальной безопасности. Следует отметить, что государственная власть, как следует из содержания Стратегии политики государства в отношении казачества, также видит в казаках прежде всего воинов. При этом содержание и характер участия казачества в СВО характеризуется кардинальными отличиями от аналогичного участия представителей казачьих обществ в тех военных конфликтах, которые происходили в период 1990-х годов.

В первые постсоветские десятилетия участие казаков в вооруженных конфликтах на территории республик бывшего СССР и Югославии имело достаточно стихийный характер. Данное участие осуществлялось на добровольной основе, не будучи связанным при этом с официальной позицией представителей отечественной правящей элиты: в этот период времени представители казачества фактически, как считает О.В. Рвачева, действовали «на свой страх и риск». Что касается мотивов участия казаков в военных действиях, осуществляющихся за пре-

делами Российской Федерации, то они, с точки зрения данной исследовательницы, базировались либо на исторических традициях тех народов, которые близки казакам по религиозным ценностям и исповедуют православное христианство (конфликты на территории бывшей Югославии и в Приднестровье), либо были направлены на защиту народов, традиционно ориентирующихся на поддержку со стороны России (грузино-абхазская война) [10, с. 215–216].

На участие казачества в военных конфликтах в 1990-е годы накладывала свой отпечаток слабая организация казачьих сообществ при отсутствии связи и поддержки со стороны государства, однако, и в этот период времени казаки действовали в фарватере внешней политики Российской Федерации и их действия в целом соответствовали национальным интересам страны и ее безопасности; казачество фактически продвигало и обозначало позицию российского государства там, где правящие элиты не могли, по тем или иным причинам, открыто обозначить свои внешнеполитические цели и приоритеты.

В первой четверти XXI участие российского казачества в военных действиях претерпело кардинальные изменения: в первую очередь, данное участие стало более организованным и получило поддержку со стороны государства, что имело закономерным следствием значительное увеличение численности казаков, участвующих в деятельности соответствующих вооруженных формирований. Участие в боевых действиях со стороны казаков получило более широкое освещение в средствах массовой информации по сравнению с теми конфликтами, в которых представители казачества участвовали в период 1990-х годов.

Заключение.

В целом в настоящее время военный и другие аспекты деятельности казачьих обществ характеризуются более широкой, по сравнению с предыдущим периодом времени, взаимосвязью с политикой российского государства, направленностью на реализацию его внешне- и внутриполитических целей, и задач, обеспечение национальной безопасности страны.

Современный этап развития казачества отмечен активным участием казаков в различных направлениях государственной службы, среди которых на первый план выходит воинская служба, являющаяся традиционной для казаков. Российское казачество принимает активное участие в специальной военной операции как в рамках специальных казачьих воинских формирований, так и в составе регулярных подразделений российских вооруженных сил.

На данном этапе как для органов государственной власти, так и для представителей казачьих обществ сохраняет свою актуальность проблема использования характерного для казачьей общности военного потенциала на постоянной основе. Представители казачества, как показывают результаты эмпирических исследований, рассматривают участие в СВО как контекст для решения актуальных для казаков проблем, включающих объединение войсковых казачьих обществ в структурно организованную военную силу России, создание казачьих военных подразделений, действующих на постоянной основе и т.д. В свою очередь, государство проявляет заинтересованность в создании эффективного казачьего мобилизационного ресурса, что закрепляется в официальных документах, регламентирующих прохождение казаками военной службы в российском армейском резерве.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Изд-во Рос. киновидеокомпании, 1993. 311 с.
2. История казачества Азиатской России. Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. Екатеринбург : НИСО УрО РАН, 1995. 252 с.
3. Казачество на страже Отечества. Сборник научных статей по истории русского казачества / Сост. Д.М. Володихин. М. : «Снежный Ком», 2023. 162 с.
4. Футорянский Л.И. Оренбургские казаки на защите отечества (исторический обзор) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 5(124). С. 30–35. EDN: NTUWPP
5. Денисова Г.С. Казачество в современной России: обретение социального статуса / Г.С. Денисова, Ковалёв В.В. // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 3. С. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2 EDN: LNVOFN

6. Указ Президента Российской Федерации от 09.08.1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» // Система Гарант. URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/8195> (дата обращения 04.06.2025).
7. Указ Президента Российской Федерации от 16.04.1996 г. № 563 «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» // Система Гарант. URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/9214> (дата обращения 04.06.2025).
8. Федеральный закон от 05.12.2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» // Система Гарант. URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/23152> (дата обращения 05.06.2025).
9. Указ Президента Российской Федерации от 09.08.2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» // Система Гарант. URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/45821> (дата обращения 06.06.2025).
10. Рвачева О.В. Участие казачества в вооруженных конфликтах в конце XX – начале XXI в.: к вопросу о специфике казачества как современной военной силы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 3. С. 206–218. DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.3.17 EDN: KJDCTZ
11. Вдовенко К.В. Возрождение и институционализация казачества на Юге России: этапы, особенности и современное состояние // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 3. С. 74–87. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.4 EDN: SIWUTV
12. Селиванов А. Казаки и Спецоперация. // Сайт сеть казачьих сайтов. URL : https://skwrz.ru/news/kazaki_i_specoperacija/2022-07-29-2286 (дата обращения 07.06.2025).
13. Федеральный закон от 23.03.2024 г. № 59-ФЗ. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной службе российского казачества». // Система Гарант. URL : <http://kremlin.ru/acts/news/73721> (дата обращения 07.06.2025).
14. Зейналова Л.М. Основные проблемы современного российского казачества / Л.М. Зейналова, А.В. Нешитой // Вестник института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 1(22). С. 113–117. EDN: AZDTNX

References:

1. Voskoboinikov G. L. Cossacks and cavalry during the Great Patriotic War of 1941-1945. Moscow: Publishing House of the Russian Film Company, 1993. 311 p.
2. The history of the Cossacks of Asian Russia. Vol. 2: The second half of the XIX – early XX century. Yekaterinburg : NISO Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1995. 252 p.
3. The Cossacks guard the Fatherland. Collection of scientific articles on the history of the Russian Cossacks / Comp. D.M. Volodikhin. M. : «Snowball», 2023. 162 p.
4. Futoryansky L.I. Orenburg Cossacks defending the Fatherland (historical review) // Bulletin of Orenburg State University. 2011. № 5(124). P. 30–35. EDN: NTUWPP
5. Denisova G.S. Cossacks in modern Russia: gaining social status / G.S. Denisova, V.V. Kovalev // Bulletin of the Institute of Sociology. 2023. Vol. 14. № 3. P. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2 EDN: LNVOFN
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 08/09/1995 № 835 «On the State Register of Cossack Societies in the Russian Federation» // The Garant System. URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/8195>. (date of application 06/04/2025).
7. Decree of the President of the Russian Federation dated 04/16/1996 № 563 «On the procedure for attracting members of Cossack societies to public and other service» // The Garant System. URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/9214> (date of application 04.06.2025).
8. Federal Law № 154-FZ dated 05.12.2005 «On the Civil Service of the Russian Cossacks» // The Garant System. URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/23152> (date of application 05.06.2025).
9. Decree of the President of the Russian Federation dated 08/09/2020 № 505 «On Approval of the Strategy of the State Policy of the Russian Federation in relation to the Russian Cossacks for 2021–2030» // Sistema Garant. URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/45821> (date of application 06.06.2025).
10. Rvacheva O.V. Participation of the Cossacks in armed conflicts in the late XX – early XXI century: on the issue of the specifics of the Cossacks as a modern military force // Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4. The Story. Regional studies. International relations. 2024. Vol. 29. № 3. P. 206–218. DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.3.17 EDN: KJDCTZ
11. Vdovenko K.V. The revival and institutionalization of the Cossacks in the South of Russia: stages, features and current state // Bulletin of the Institute of Sociology. 2023. Vol. 14. № 3. P. 74–87. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.4 EDN: SIWUTV
12. Selivanov A. Cossacks and Special Operation. // Website a network of Cossack websites. URL : https://skwrz.ru/news/kazaki_i_specoperacija/2022-07-29-2286 (date of application 06/07/2025).
13. Federal Law № 59-FZ dated 03/23/2024. On amendments to the Federal Law «On the Civil Service of the Russian Cossacks» // The Garant system. URL : <http://kremlin.ru/acts/news/73721> (date of application 06/07/2025).
14. Zeynalova L.M. The main problems of modern Russian Cossacks / L.M. Zeynalova, A.V. Neshitoy // Bulletin of the Institute of World Civilizations. 2019. Vol. 10. № 1(22). P. 113–117. EDN: AZDTNX

Информация об авторах

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
ORCID: 0000-0002-9844-1802
culture@kubsu.ru

Самыгин Петр Сергеевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
ORCID: 0000-0002-6690-0277
samygin78@yandex.ru

Яхутль Юрий Асланбиевич

доктор исторических наук,
доцент,
профессор кафедры истории России,
Кубанский государственный университет
ORCID: 0000-0002-6750-4110
a075ca@yandex.ru

Valery V Kasyanov

Doctor of Sociology,
Doctor of History,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department of Russian History
at the Faculty of History, Sociology,
and International Relations
Kuban State University
ORCID: 0000-0002-9844-1802
culture@kubsu.ru

Petr S. Samygin

Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
Rostov State Economic University
ORCID: 0000-0002-6690-0277
samygin78@yandex.ru

Yuri A. Yakhutl

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of Russian History,
Kuban State University
ORCID: 0000-0002-6750-4110
a075ca@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.08.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.09.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-13>
УДК 930.2



Attribution
cc by

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Куренкова Е.А., Дворковая М.В.

Государственный университет просвещения

Аннотация. Современная историческая наука сталкивается с комплексом вызовов, обусловленных глобальными изменениями в обществе. Эти вызовы затрагивают теоретические основы, методы исследования и социальную роль истории. Соотношение научной истории и социально ориентированного историописания менялось в соответствии с эволюцией научных моделей – от классической к неклассической и постнеклассической. В основе этого изменения лежит трансформация понимания научной объективности и роли исследователя. В условия современности наблюдается переход истории из сугубо академической сферы в поле острой общественно-политической борьбы и национальной идентичности. Возрастает интерес к осмыслению исторического опыта, в нестабильном, быстро меняющемся мире прошлое становится главным ориентиром для поиска ответов на вызовы настоящего. Историческая наука сегодня приобретает новое, беспрецедентное значение, является архитектором идентичности, хранителем суверенитета, политическим ресурсом. История – это не застывший памятник, а живой, непрерывный диалог между прошлым и настоящим. Когда этот диалог подменяется монологом власти, страдает вся общественная система. Сохранение исторической правды, во всей ее сложности и многогранности, – это основа для формирования зрелого, ответственного и устойчивого общества.

Ключевые слова: историческая наука, идентичность, фальсификация, историческая память, коллективная память, историческое сознание, цивилизация, вызовы, трансформация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

NEW CHALLENGES FOR CONTEMPORARY HISTORICAL SCIENCE

Evgeniya A. Kurenkova, Marina V. Dvorkovaya

Federal State University of Education

Abstract. Contemporary historical scholarship faces a complex set of challenges stemming from global changes in society. These challenges affect the theoretical foundations, research methods, and social role of history. The relationship between scholarly history and socially oriented historiography has shifted in line with the evolution of scholarly models—from classical to non-classical and post-non-classical. At the core of this change lies a transformation in the understanding of scholarly objectivity and the role of the researcher. In today's world, history is shifting from a purely academic sphere to a field of intense socio-political struggle and national identity. Interest in understanding historical experience is growing; in an unstable, rapidly changing world, the past is becoming the primary reference point for finding answers to the challenges of the present. Historical scholarship today is acquiring a new, unprecedented significance, serving as an architect of identity, a guardian of sovereignty, and a political resource. History is not a frozen monument, but a living, continuous dialogue between the past and the present. When this dialogue is replaced by a monologue from the authorities, the entire social system suffers. Preserving historical truth, in all its complexity and multifacetedness, is the foundation for the formation of a mature, responsible, and sustainable society.

Keywords: historical science, identity, falsification, historical memory, collective memory, historical consciousness, civilization, challenges, transformation.

Funding: Independent work.

Введение. Данная статья посвящена актуальной теме – современной исторической науке. В современной постнеклассической парадигме про-

тивопоставление строгой науки и социально ориентированного подхода смягчается. Историк всегда действует в определенном социальном и

ценностном контексте. Поскольку объекты исследования включают в себя самого человека, важно определять границы и этику вмешательства. Сегодня история стала «публичной», а исторические нарративы – инструментом легитимации политики, сплочения общества или, наоборот, его раскола.

Попытки разных стран переписать учебники истории, героизировать или, наоборот, демонизировать те или иные периоды для оправдания текущих действий создают огромную этическую дилемму для историка: следовать фактам и научной методологии или подстраиваться под «социальный заказ» [1]. Прошлое не меняется, но его интерпретация – постоянно. Сегодня мы видим, как одни и те же события (например, распад СССР) кардинально по-разному трактуются не только в разных странах, но и внутри одного общества, в зависимости от политических взглядов.

Цель данной статьи – сделать анализ новых вызовов для современной исторической науки.

Задачи:

1. Изучить литературу по теме исследования.
2. Выявить актуальные проблемы современной исторической науки.
3. Определить пути преодоления вызовов истории в условиях современности в аспекте факторов ее формирования.

Результаты. Академическая наука, привыкшая к сложному языку и осторожным выводам, часто проигрывает в публичном пространстве ярким, упрощенным и мифологизированным трактовкам. Возникает разрыв между тем, что знают профессиональные историки, и тем, во что верит общество. Задача современной науки — научиться доносить свои сложные идеи до широкой аудитории, не упрощая их до потери смысла. Это вопрос популяризации через качественные медиа, публичные лекции, сотрудничество с музеями и создание современных учебников.

В эпоху информационных войн и массовой дезинформации задача отделения фактов от мифов критически важна. Государство, обладая доступом к архивам и ресурсами, может способствовать этой работе. Финансовая и организационная поддержка качественного исторического кино, книг и выставок (как это делают, например, Российское историческое или военно-историческое общество) – это позитивная практика. Хорошие примеры – проекты типа «Бессмертного полка» на его начальном, народном этапе, который способствовал сохранению памяти о ВОВ. Забота о памятниках, мемориалах, архивах – это прямая обязанность государства, важная для национальной идентичности.

Основная проблема исторической науки сегодня – это фальсификация, отношение к ней. История

формируется под влиянием политических факторов, как на государственном, так и на международном уровне. Термин «историческая политика» изначально несет в себе противоречие. История как наука основана на критическом анализе источников, дискуссиях и плюрализме мнений. Политика же часто стремится к консолидации, упрощению и созданию единого, удобного нарратива [7]. Когда государство начинает проводить «историческую политику», возникает огромный риск, что цель «противодействия фальсификациям» подменится целью «исключения любых точек зрения, неудобных для текущего политического курса» [5].

А.В. Николаев сформулировал ряд методов влияния политики на интерпретацию исторических процессов: «Методы реализации исторической политики можно условно разделить на пять групп. К первой группе относится создание специальных институтов, которые используются, чтобы насаждать определенные трактовки прошлого. Для этого политические элиты вмешиваются в деятельность средств массовой информации, что относится ко второй группе методов. В-третьих, это манипуляции с архивами, которые остаются закрыты ми для большинства исследователей. В-четвертых, разрабатываются меры контроля над деятельностью историков. Возникает целая система официальных и неофициальных способов поощрения идейно близких той или иной политической силе историков. В-пятых, это политическое вмешательство в содержание учебных пособий» [8].

Самый эффективный способ борьбы с фальсификациями – это открытость источниковой базы. Когда документы доступны независимым исследователям, журналистам, любителям истории, это создает здоровую конкурентную среду идей и не позволяет навязывать единственную точку зрения [4].

Сейчас происходит трансформация от информационного общества к манипуляционному. Если информационное общество было сосредоточено на доступе к информации, то в «манипуляционном» обществе ключевой проблемой становится не недостаток информации, а ее избыток и, главное, борьба за интерпретацию. Информатика становится инструментом влияния, создания нужных нарративов и управления сознанием.

Указанные выше факторы приводят к двум фундаментальным изменениям в том, как общество воспринимает и конструирует прошлое:

1. Потребность перехода от европоцентричной нарративной глобальной истории к сравнительной истории цивилизаций. Это прямой ответ на глокализацию. Единый «великий рассказ» истории, где прогресс шел из Древней Греции и Рима через Европу к современному западному миру, перестает быть убедительным. Народы и цивилизации, находившиеся на периферии этого нарратива, теперь требуют своего места в исто-

рии. Сравнительный подход позволяет увидеть разные цивилизации как самостоятельные, а не как отклонение от европейской нормы.

2. Процесс ренарративизации, ведущий к «войне нарративов». Это ответ на «манипуляционное» общество. Поскольку единой точки зрения больше нет, каждая группа (государство, цивилизация, этническая или политическая общность) начинает создавать и продвигать собственную версию прошлого. Эти версии часто являются инструментом современной политики, легитимизации власти или мобилизации общества. В условиях столкновения цивилизаций эти конкурирующие нарративы вступают в открытый конфликт – отсюда и «война нарративов» [7].

Предлагаемым решением автор исследования считает метод компаративного источниковедения – метод, основанный на неклассической феноменологической концепции. Нарративная история работает с уже готовыми интерпретациями и конструктами. Историк, создавая нарратив, неизбежно привносит свои субъективные взгляды и культурные предпосылки. Суть компаративного источниковедения как строгой науки предлагает сместить фокус с интерпретаций назад, к первоисточникам. Задача историка – не сразу строить рассказ, а тщательно изучить каждый источник, понять его внутреннюю структуру, мотивы автора, условия создания, не подгоняя его под заранее заданную схему. Компаративный (сравнительный) анализ позволяет сопоставить данные, полученные из независимых источников разного происхождения (например, русские летописи и западноевропейские хроники о одном и том же событии; документы двух противоборствующих сторон). Это позволяет построить более объективную, верифицируемую и междисциплинарную картину прошлого [5].

Важно понимать, что фальсификация – это не только приписывание несуществующих подвигов, но и замалчивание реальных событий. Борьба за историю часто ведется на двух фронтах: против откровенных мифов и против односторонних трактовок, выдаваемых за единственную правду. Идеальная государственная позиция в области истории, по мнению автора, должна заключаться не в проведении «политики» и навязывании «верного взгляда», а в создании условий для свободного развития исторической науки и просвещения [3].

Обсуждение. Новые вызовы для современной исторической науки сводятся к следующим аспектам:

1. Необходимость осмысления смены научных парадигм, влияния постмодернизма на понимание исторического времени и истины, а также междисциплинарного взаимодействия.

2. Требование осмыслить историю в контексте острых современных проблем: конфликта между ростом потребления и ограниченностью ресурсов.

3. Развитие и интеграция новых цифровых методов исследования, таких как историческая информатика и квантитативная история.

4. Взаимодействие с феноменом исторической политики (политики памяти), определение места и функции исторического образования в условиях современных вызовов.

Исследователи-историки отмечают: «Сегодня можно констатировать, что российская историческая наука вступила в фазу научной революции. Прежняя парадигма в условиях СВО показала свою нефункциональность и связанность с пропагандой противника. На уровне государственного дискурса она после долгих подходов оказалась отброшена (Указ № 314). На уровне конкретных институций и персоналий – носителей прежней парадигмы идёт сопротивление и саботаж. Либералы-историки сегодня играют в «дурака», прикидываясь, что не понимают сути трансформаций, иначе трактуют понятия. Реально они ожидают отката назад, надеются на либеральную реставрацию, по сути, явно или опосредованно в условиях системного противостояния с Западом выступают на стороне противника» [2].

Анализ источников позволяет выделить несколько путей, которыми историческая наука отвечает на эти вызовы. Теоретические поиски историков позволяют переосмыслить прошлое через междисциплинарные подходы, интегрирующие методы социологии, политологии, антропологии и цифровых технологий для анализа исторических процессов. Историки стремятся сделать свои знания практически значимыми, участвуя в дискуссиях о глобальных проблемах, предлагая историческую перспективу для понимания современных кризисов. Идет адаптация образовательных программ к новым условиям, включая подготовку педагогов, преодоление языковых и культурных барьеров в интегрирующихся регионах для сохранения и передачи исторического знания [9].

Историки сегодня меньше интересуются причинно-следственными связями («что привело к чему») и предопределенностью событий. В центре внимания оказывается случайность, непредопределенность, наличие в прошлом множества возможностей и альтернатив, которые не были реализованы. Это делает историю более сложной и открытой [7]. Новый предмет исследования исторической науки – человек взаимодействующий. Акцент смещается с абстрактного «человека в истории» на индивида, включенного в сети социальных связей и коммуникации. Историк изучает не изолированного субъекта, а человека в его отношениях с другими.

Заключение. Ценности, которые были незыблемы в прошлом (например, имперская модель государства, сословное общество), сегодня переосмысливаются через призму демократии,

прав человека и национального самоопределения. Современное информационное общество предоставляет доступ к самым разным точкам зрения. То, что для одной группы является героизмом, для другой может выглядеть как трагедия. Классическая история часто была историей «великих людей» и государств. Сегодня больше внимания уделяется истории обычных людей, меньшинств, что усложняет единую, монолитную картину прошлого. Неоднозначность – это при-

знак живого, а не догматического отношения к истории.

Осмысление исторического наследия и формирование потребности в нём – это ключевая задача для систем образования, культуры и СМИ. Потребность в общении с историей формируется тогда, когда человек видит в ней не набор реликвий, а живой источник ответов на современные вопросы и основу своей идентичности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Багдасарян В.Э. Историческая политика / В.Э. Багдасарян, В.В. Бушуев. М. : ИНФРА-М, 2023. 336 с. DOI: 10.12737/1229517 ISBN: 978-5-16-016767-1 EDN: SPIDHG
2. Историческая наука в условиях современных вызовов и трансформаций (круглый стол) / В.Э. Багдасарян [и др.] // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 36–69. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-36-69 EDN: LDZSJO
3. Дискин И.Е. Консервативная модернизация. М. : РОССПЭН, 2021. 341 с. EDN: MOQVIX
4. Мазур Л.Н. Архив как институт памяти: особенности институциональной трансформации / Л.Н. Мазур; Сост. Н.А. Антипин // Архив в социуме – социум в архиве: Материалы научн.-практ. конф. Челябинск, 2021. С. 100–103. EDN: YIABJZ
5. Маслова И.А. Концептуальные вызовы в современных исторических исследованиях // Историческая этнология. 2017. Т. 2. № 1. С. 95–107. EDN: ZPDEGV
6. Моисеенко Г.Г. Необходимость борьбы с фальсификацией истории России как условие обеспечения национальной безопасности // Молодой ученый. 2024. № 38(537). С. 143–145. EDN: IZLGJI
7. Муромцева Л.П. Понятийно-терминологические проблемы современной историографии истории России / Л.П. Муромцева, В.Б. Перхавко // Региональная история: междисциплинарные подходы, научные и ценностные ориентиры: Сборник научных трудов IV Международных Усмановских чтений, посвящённых 100-летию со дня рождения видного российского историка Хамзы Фатыховича Усманова. Уфа, 2023. С. 181–183. EDN: OBCBFD
8. Николаев А.В. Актуальные уроки истории в новой политике международных отношений // Научные записки молодых исследователей. 2023. № 11(4). С. 63–72. EDN: BQACAV
9. Попов А.В. Культурная и документальная память: соотношение, свойства и актуализация // Документальное наследие и историческая наука: материалы форума / А.В. Попов; Отв. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2020. С. 429–436. EDN: LUUIKK

References:

1. Bagdasaryan V.E. Historical politics / V.E. Bagdasaryan, V.V. Bushuev. M. : INFRA-M, 2023. 336 p. DOI: 10.12737/1229517 ISBN: 978-5-16-016767-1 EDN: SPIDHG
2. Historical science in the context of modern challenges and transformations (round table) / V.E. Bagdasaryan [et al.] // Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences. 2024. № 6. P. 36–69. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-36-69 EDN: LDZSJO
3. Diskin I.E. Conservative modernization. M/ : ROSSPEN, 2021. 341 p. EDN: MOQVIX
4. Mazur L.N. Archive as an institute of memory: features of institutional transformation / L.N. Mazur; Comp. N.A. Antipin // Archive in society – society in the archive: materials of scientific research.-practical conference. Chelyabinsk, 2021. P. 100–103. EDN: YIABJZ
5. Maslova I.A. Conceptual challenges in modern historical research // Historical Ethnology. 2017. Vol. 2. № 1. P. 95–107. EDN: ZPDEGV
6. Moiseenko G.G. The need to combat the falsification of Russian history as a condition for ensuring national security // Young Scientist. 2024. № 38(537). P. 143–145. EDN: IZLGJI
7. Muromtseva L.P. Conceptual and terminological problems of modern historiography of the history of Russia / L.P. Muromtseva, V.B. Perkhavko // Regional history: interdisciplinary approaches, scientific and value orientations: collection of scientific papers of the IV International Usmanov Readings dedicated to the 100th anni-

versary of the birth of the prominent Russian historian Hamza Fatykhovich Usmanov. Ufa, 2023. P. 181–183. EDN: OBCBFD

8. Nikolaev A.V. Actual lessons of history in the new policy of international relations // Scientific notes of young researchers. 2023. № 11(4). P. 63–72. EDN: BQACAV
9. Popov A.V. Cultural and documentary memory: correlation, properties and actualization / A.V. Popov; Ed. by L.N. Mazur // Documentary heritage and historical science: materials of the forum. Yekaterinburg : Ural University Press, 2020. P. 429–436. EDN: LUUIKK

Информация об авторах

Куренкова Евгения Алексеевна

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры истории России,
Государственный университет просвещения
ea.kurenkova@guppros.ru

Evgeniya A. Kurenkova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Russian History,
State University of Education
ea.kurenkova@guppros.ru

Дворковая Марина Васильевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России,
Государственный университет просвещения
marinadvorkovaya@yandex.ru

Marina V. Dvorkovaya

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Russian History,
State University of Education
marinadvorkovaya@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.09.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Елена Лес

Капризы Осени

У осени так много настроений!
С утра пообещала сгоряча,
Что солнечный денек, погожий, летний
Пожалует нам с барского плеча.
Однако передумала к обеду,
И солнце затащили облака –
Как будто неприятную беседу
Она в своих хоромы завела.
И к вечеру совсем разбушевалась,
Швыряла в гнев листья на траву,
А ближе к ночи горько разрыдалась –
Дождь лил всю ночь, но кончился к утру.
Как всякая красавица, наверно,
Капризна осень, ветрена порой,
И часто нрав показывает скверный,
Но так чертовски хороша собой!

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-11>

УДК 39:784.4



Attribution

cc by

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФОЛЬКЛОРА НА СЦЕНЕ

Адаменко С.В., Адаменко В.В.

Краснодарский государственный институт культуры

Аннотация. В настоящее время сценический фольклор находится в стадии активного развития, что порождает новые поиски и эксперименты в способах воплощения народной песни. Именно эта актуальная тенденция и является предметом рассмотрения в данной статье. Сценическое исполнение русской народной песни всегда было ключевым инструментом для продвижения и сохранения фольклорных традиций. При этом передача музыкального и песенного наследия через сцену сопряжена с трудностями, ведь сценическая версия, адаптированная для зрителя, неизбежно отличается от оригинального звучания, тесно связанного с его исторической и культурной средой. Хочется обратить внимание на то, что сценическое воспроизведение фольклора, само по себе, является искусством второго порядка. Основная трудность заключается в том, что необходимо приблизить фольклорный материал к современному зрителю, но при этом сохранить определенные особенности, присущие фольклору, такие как смысловая, текстовая и музыкальная основы. Чтобы правильно интерпретировать прочтение народной песни на сцене, необходимо ориентироваться на аутентичное традиционное искусство, поскольку оно содержит в себе самый уникальный народный стиль исполнения. При воссоздании музыкального и песенного фольклора режиссеру приходится прикладывать колоссальные усилия, чтобы, скажем, достоверно передать атмосферу народных гуляний и различных ритуалов. Успех современных певцов, входящих в состав вокальных ансамблей, во многом зависит от их педагогов. Именно наставники закладывают основы исполнительского мастерства и знакомят учеников с богатством музыкального фольклора. При этом стоит подчеркнуть, что формирование неповторимого стиля исполнителя или коллектива напрямую связано с квалификацией преподавателя: его глубокими знаниями теории музыки, осведомленностью об истории и развитии русского фольклора, а также его развитым художественным вкусом. Для того, чтобы сценическое воплощение фольклора было по-настоящему убедительным, необходимо погрузиться в его детальное изучение. Ни одно выступление с народной песней не обходится без отточенных художественных форм и выразительной музыкальной драматургии. Главным аспектом педагогической деятельности руководителя гастрوليрующего фольклорного коллектива является правильная художественная обработка его музыкального материала. Песенный фольклор, который можно смело назвать богатым наследием, является уникальным, самобытным и ярким материалом. Этот материал предоставляет неограниченные возможности для исполнительского раскрытия не только в вокальном плане, но и в речевой интонации, сценической пластике, а также в мимике. Песня, музыка, декламация, танец и пантомима – это краеугольные камни фольклорного исполнительства. Их виртуозное объединение, служащее для передачи слушателю истинного художественного замысла музыкального произведения, представляет собой высокое искусство. В то же время, овладение каждым из этих компонентов как самостоятельным ремеслом – это титанический труд, требующий абсолютной преданности делу. Таким образом, эффективное руководство певческим коллективом предполагает глубокое понимание не только музыкального искусства, но и смежных областей, таких как литература, хореография, живопись и театр. Эти разнообразные знания должны быть объединены для формирования целостного художественного образа, будь то законченное произведение, сценическое представление или музыкальная композиция. Отсутствие у руководителей широкой художественной подготовки, особенно в области драматургии, при наличии лишь музыкального образования, часто приводит к тому, что их работа сводится к чисто музыкальной интерпретации. Живая нить народной песенной традиции продолжает тянуться сквозь века, прорастая в современном обществе и оставаясь краеугольным камнем нашего культурного наследия. Современная музыкальная сцена активно черпает вдохновение из песенного фольклора, исследуя его во всем многообразии – от чистых истоков до виртуозных профессиональных воплощений. В начале XX века началось целенаправленное изучение возможностей сценического воплощения песенного фольклора. Практическим руководством в этой области стало пособие «Режиссура народных песен» Л.В. Марковой и Л.В. Шаминой, которое предлагало конкретные методы и приемы, ос-

© Адаменко С.В., Адаменко В.В.

нованные на опыте драматического искусства и системе Станиславского, для создания ярких и выразительных сценических интерпретаций народных песен. Особенности исполнения народной песни были детально рассмотрены Н.К. Мешко и Ю.А. Толмачевым. Среди других ученых, внесших вклад в изучение сценического песенного фольклора, следует упомянуть Л.А. Антипову, Н.В. Калугину, С.Л. Браз, В.М. Щурова, И.И. Земцовского. Исследователи С.Ю. Власов и А. Демченко посвятили свои работы изучению исполнения фольклора на сцене различными коллективами.

Ключевые слова: традиционная культура, особенности исполнения в народной манере, фольклорная музыка, народные песни, исполнение фольклорных песенных композиций на сцене, интерпретация фольклора, работа на сцене, опыт выступления фольклорного ансамбля на сцене.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FEATURES OF THE PERFORMANCE OF SONG FOLKLORE DEPENDING ON THE INTERPRETATION OF FOLKLORE ON STAGE

Snezhanna V. Adamenko, Vladimir V. Adamenko

Krasnodar State Institute of Culture

Abstract. The relevance of the article is due to the fact that at the present stage of the development of stage folklore, new searches and experiments in the embodiment of the folk song itself are continuing. At all times, the best and most effective propaganda of folklore traditions has been precisely the stage performance of a Russian folk song. It is worth noting that transferring musical and song folklore can be a very difficult task, and all due to the fact that the stage version of the folk song itself is divorced from the original, which was created in a certain environment of birth and development. Let's not forget to mention that performance on stage is a folklore reproduction, which, in itself, is a secondary art. The main difficulty lies in the fact that it is necessary to bring folk material closer to the modern viewer, but at the same time preserve certain features that are inherent in folklore, such as semantic, textual and musical foundations. In order to correctly interpret the reading of a folk song on stage, it is necessary to focus on authentic traditional art, since it contains the most unique folk style of performance. When there is a reproduction of musical and song folklore, it cannot take place without taking into account the established canons and laws developed by other genres directly related to the stage, such as dramatic art. Incredibly great efforts are required from the director, for example, the interpretation of scenes of folk festivals and various rituals. Modern singers who are members of various vocal groups are taught by their teachers the basics of performing skills, as well as familiarization with musical folklore. Do not forget that the creative personality of any performer or collective directly depends on the professional training of a teacher in the field of music theory, knowledge about the history and development of folklore in Russia, as well as on his artistic taste. In order to convincingly interpret such a phenomenon as folklore on stage, it will be necessary to engage in a deep study of it. No appearance with a folk song on stage can fail to be accompanied by the completeness of artistic forms, as well as the increased emphasis of musical drama. The main aspect of the pedagogical activity of the head of a touring folk group is the correct artistic processing of its musical material. Song folklore, which can be safely called a rich heritage, is a unique, unique and vibrant material. This material provides unlimited possibilities for performing disclosure not only in vocal terms, but also in verbal intonation, stage plasticity, as well as in facial expressions. The main means of folklore performance can be directly called song, music, recitation, dance and pantomime. Skillfully combining them together in order to reveal the true artistic intent of a musical composition is a difficult task. As for mastering them as independent directions, it is a titanic and responsible work. Thus, effective leadership of a singing group requires a deep understanding of not only musical art, but also related fields such as literature, choreography, painting, and theater. These diverse knowledge areas must be combined to create a cohesive artistic image, whether it be a complete work, a stage performance, or a musical composition. The lack of broad artistic training, particularly in the field of drama, among singers with only a musical background often leads to their work being limited to purely musical interpretation. The living thread of folk song tradition continues to stretch across the centuries, sprouting in modern society and remaining the cornerstone of our cultural heritage. The contemporary music scene actively draws inspiration from song folklore, exploring it in all its diversity – from pure origins to virtuosic pro-

fessional interpretations. At the beginning of the 20th century, a purposeful study of the possibilities of stage embodiment of song folklore began. The manual «Directing Folk Songs» by L.V. Markova and L.V. Shamina became a practical guide in this area, offering specific methods and techniques based on the experience of dramatic art and the Stanislavsky system for creating vivid and expressive stage interpretations of folk songs. The features of performing folk songs were thoroughly examined by N.K. Meshko and Yu.A. Tolmachev. Among other scholars who have contributed to the study of stage song folklore, we should mention L.A. Antipova, N.V. Kalugin, S.L. Braz, V.M. Shchurov, and I.I. Zemtsovsky. Researchers S.Yu. Vlasov and A. Demchenko have dedicated their works to the study of folklore performances on stage by various groups.

Keywords: traditional culture, features of performance in a folk manner, folklore music, folk songs, performance of folklore song compositions on stage, interpretation of folklore, work on stage, experience of a folk ensemble on stage.

Funding: Independent work.

Введение.

В двадцатом веке стремление изучать и популяризировать народную песню привело к необходимости обучать народному пению людей, воспитанных вне традиций. В практике преподавания была выработана универсальная манера русского народного пения. Методика основана на естественном звучании голоса и типе речи, изучаемом наукой о вокале. Она основана на естественном звучании голоса и типе речи, изучаемом наукой о вокале.

При обучении народному вокалу развивается навык пения, при этом сохраняется речевое звучание и естественное разговорное произношение слов во время пения. «Открытое» пропевание гласных (на «ля») делает звук ярким, пронзительным, «прямым». В народном пении голосовые связки смыкаются плотнее, что придает тембру интенсивность, высокое напряжение и силу.

Диапазон голоса народных певцов обычно укладывается в одну октаву. В основном используется грудной режим пения и звучание в одном регистре («грудном»), в то время как при переходе на высокие ноты можно использовать головной режим фальцета [3, с. 4].

Народное пение, которому обучают в учебных заведениях, как и академическое пение, подчиняется определенному канону вокальной техники. Эстрадный вокал не ограничен канонами, он используется в самых разных стилях со своими особенностями: поп, джаз, рок и так далее. В эстрадном пении индивидуальный стиль любого талантливого исполнителя может стать образцом для подражания, и разнообразие стилей пения не поддается обобщению.

При этом базовые голосовые навыки остаются общими для всех стилей. К таким навыкам относятся контроль певческого дыхания, чистота музыкальной интонации, дикция, умение пользоваться резонаторами, певческими регистрами.

Традиционная культура существует там, где сохраняется традиционный общинный уклад жизни. Фольклористы до сих пор привозят ценные об-

разцы живой народной музыкальной традиции из экспедиций в глубинку.

Существует несколько направлений в представлении народных песен на сцене. Давайте рассмотрим их более подробно.

Его можно назвать «этнографическим» (фольклорным, научным). Задачи исполнителей продиктованы научными интересами изучения и сохранения аутентичных традиций народного пения. Музыкальный фольклор рассматривается как объект, тщательно изучаются его особенности и природа естественного существования. Исполнители стараются как можно точнее передать все особенности традиционного исполнения песни [3, с. 7].

Песня исполняется без обработки, и воспроизводятся вокальный стиль, диалект, костюмы, жесты и обстановка, присущие исполнению песни в традиционной среде. Такие песни часто исполняются в узких кругах ученых и экспертов, но они также доходят и до более широкой аудитории. Есть группы, которые культивируют аутентичный музыкальный фольклор.

Исполнение народных песен, как и любой вид музыкальной деятельности, развивает общие музыкальные способности. Помимо владения певческим голосом в народной манере, у ребенка развивается артистизм, умение подать себя, общаться с аудиторией и другие коммуникативные навыки [3, с. 8].

Обучение народному пению также подразумевает погружение в своеобразную традиционную культуру, в особый мир музыкального фольклора, богатый образами и художественными смыслами. Народное пение развивает позитивный взгляд на мир, умение находить связи в его многообразных явлениях.

Фольклор не следует рассматривать как пережиток прошлого, как нечто архаичное и неуместное. Пойте народные песни, изучайте новые жанры и обращайте внимание на их важность в традиционной культуре. Исполнение народной песни погрузит вас в мир музыкального фольклора – области художественного творчества, которая по-прежнему востребована сегодня.

Источники и методология. Наше исследование строилось на фундаменте достижений коллег и нашем практическом опыте в деле сохранения и приумножения культурного наследия региона и страны. В методологическом плане мы применили комплексный подход, объединяющий семиотический, герменевтический и феноменологический методы для анализа традиционного фольклора в контексте его сценической реализации.

Обсуждение.

Прежде всего, я хотел бы подчеркнуть, что русская народная культура, безусловно, разнообразна и богата. Она славится своим нематериальным наследием, которое включает в себя обычаи, обряды, фестивали, исполнительское искусство и т.д.

Песенный и танцевальный фольклор также можно отнести к богатейшему наследию, которое отличается собственной самобытностью и включает в себя уникальный материал, нуждающийся в популяризации в наши дни [10, с. 5].

Для успешной популяризации фольклорного творчества среди подрастающего поколения используется один из наиболее эффективных способов – сценическое исполнение русских народных песен.

В связи с тем, что в настоящее время существует огромное количество различных фольклорных коллективов, такие ансамбли занимают одно из главных мест в народном исполнительстве. Следует отметить, что это как раз связано с тем, что данный вид народного творчества очень самодостаточен и исторически имеет глубокие национальные народные традиции.

Каждый фольклорный коллектив без исключения имеет незыблемую основу, которая называется традиционным музыкальным творчеством.

Когда работа над воплощением песенного и танцевального искусства на сцене в самом разгаре, перед руководителем ансамбля встает не одна сложная задача. Чтобы найти правильное решение, сначала нужно досконально изучить эту проблему и вспомнить, как изначально исполнялись эти песни в бытовой традиции.

Ни для кого не секрет, что народные песни издавна исполнялись в сопровождении танцев, игр и различных жестов. В зависимости от региона, России существуют специфические особенности исполнения песен с движением, например, на юге нашей страны это курская «Тимония», в Сибири – «Матаня», а на севере нашей родины – хороводный танец «Негодяй» и многие другие.

Следует отметить, что в последнее время, с активным развитием хореографического и хорового искусства, интерес к традициям нашего народа действительно возрос:

– календарно-обрядовые;

– хороводные;

– шуточные и другие.

Вы не сможете работать над ними, не ознакомившись предварительно с исполнительской народной традицией, и именно поэтому, когда вы заменяете сценический номер, вы должны учитывать именно те движения, которые естественным образом могут возникнуть в повседневной жизни при исполнении песни [12, с. 22].

Хотелось бы отметить, что важным этапом работы над композицией песни является понимание всего, что происходит в тексте, а также выбор мизансцены, которая соответствует самому образу произведения. Важно в процессе отработки движений для участников на сцене ни в коем случае не усложнять движения в танце, а исходить из простоты и свободы, присущих истинным носителям традиций.

Воплощение вокального и хореографического народного искусства на сцене также связано с необходимостью научиться понимать само содержание песни; и, исходя из этого, режиссер решает сделать этот номер более статичным или динамичным. Все это напрямую зависит от текста произведения и особенностей жанра.

Прежде чем руководитель отправит фольклорный ансамбль на публичное выступление, необходимо каждому из членов команды помочь подобрать правильные образы, чтобы понять всю смысловую нагрузку композиции, а также было бы правильно найти олицетворение своего образа не только в жизни, но и в литературе, кино и т.д.

Интересным фактом является то, что работа над своим воображением и художественным образом благотворно влияет на эмоциональный и духовный мир человека, обогащая его новыми красками. Благодаря этим процессам, в процессе сценического становления исполнителя, он сможет открыть в себе новые художественные качества [12, с. 23].

Сценическое воплощение традиционной песни требует особого подхода, состоящего из двух ключевых элементов. Первый – это освоение аутентичной вокальной манеры, основанной на глубоком понимании лингвистических нюансов, диалектных различий и особенностей произношения, присущих народному творчеству. Второй – это изучение и применение вокальных техник, специфичных для различных региональных традиций, с учетом как вокальных, так и речевых особенностей исполнения.

Всех, кто занимается народным творчеством, можно условно разделить на две ярко выраженные группы:

1. Исполнители, несущие искренность. Эти люди глубоко переживают исполняемое произведение, передавая весь его смысл и эмоциональную палитру.

2. Исполнители, исполняющие механически. Их основная черта – пение без личного вовлечения в композицию, простое воспроизведение заученного материала. Главным недостатком таких певцов является исполнение песни при явном безразличии и даже отчужденности, читающихся в их глазах.

Для подлинных хранителей народной песенной традиции исполнение – это не просто воспроизведение мелодии, а **глубокое проживание ее сути**.

Они передают смысловое и образное богатство песни, находя для этого новые, неповторимые оттенки звучания. Даже знакомая мелодия, преподнесенная с такой искренностью и значимостью, способна произвести на слушателя глубочайшее впечатление.

Исполнитель честно и глубоко проживает жизнь, поднимая обыденное до уровня искусства. Он обнажает душу песни, избегая фальши и притворства. Подлинные таланты заражают своей верой и неповторимым взглядом на мир, который проявляется во всем: от мимолетного жеста до случайной фразы. Чтобы песня тронула слушателя, артист должен сначала сам прочувствовать ее, увидеть ее суть.

Формирование художественного образа начинается с глубокого анализа музыкальной и поэтической составляющих песни, а также с понимания ее жанровых особенностей. В первую очередь, необходимо определить тему, идею и «сверхзадачу» произведения (например, ритуальное значение или жанровую принадлежность) [15, с. 40].

Тема – это то, о чем повествует песня. Разные жанры народной песни затрагивают разные темы. Лирические песни посвящены чувствам и переживаниям, исторические – важным событиям и личностям, былины – сказочным элементам, а танцевальные и хороводные – бытовым ситуациям.

«Сверхзадача» же является авторской интерпретацией этой идеи, выраженной в стремлении сформировать у аудитории определенное отношение к затронутой в песне проблеме. Она отвечает на вопросы о мотивации исполнения и желаемом эмоциональном отклике. В своей работе хормейстер и режиссер ориентируются на воплощение этой «сверхзадачи».

Понимание сути народной песни и ритуала начинается с определения их исторического и социального контекста. Знание того, когда и в каких условиях исполнялась песня или проводился ритуал, позволяет глубже понять ее замысел, основную мысль и главную цель.

Создание необходимой атмосферы в представлении достигается путем формирования соответствующего настроения и общего впечатления.

Темпоритм является основополагающим элементом как в исполнении народных песен, так и в музыкально-драматических спектаклях. В музыке темп определяет скорость звучания, а ритм – последовательность звуков различной продолжительности.

Темпоритм сценического действия формируется за счет чередования темпов, индивидуальных особенностей персонажей, скорости передвижения актеров, а также переходов между различными частями постановки, эпизодами и мизансценами.

Подобно тому, как театральные постановки делятся на акты и сцены, народная песня также имеет свою внутреннюю организацию, которая может проявляться в виде отдельных куплетов или их групп.

Концертное воплощение народной песни требует освоения всего пространства сцены – невозможно представить, например, коллектив, поющий полтора часовую программу в дальнем углу сцены или сбоку на рампе... Являясь многослойной, многообъемной, в конце концов, многоуровневой системой, сцена диктует свои жесткие правила. Например, пространство от авансцены до начала кулис – так называемый, «первый слой» – максимально приближает артиста к зрителям, когда каждая эмоция, вздох, взгляд или звук будут обязательно «считаны» залом, самые важные эмоциональные моменты заставят всех замереть или, напротив, облегченно вздохнуть. Следующий «слой» сценического пространства – второй, и находится он напротив вторых кулис. Эта зона используется для коллективного действия: часто это перемещение небольшим группами (их общение, противостояние, взаимодействие), это элементы хореографических построений, создание ближайшего к главным героям контекстного обрамления. Третий и четвертый слои позволяют включать всю глубину сценического пространства в происходящее действие, это зоны массовых сцен, масштабных перестроений, «диорамных» картин. Таким образом, каждый из уровней сцены помогает создать «полнокровное» повествование [17, с. 15].

Атмосфера любого сценического представления рождается благодаря гармоничному сочетанию различных художественных элементов: от продуманных декораций и мастерского светового дизайна, до тщательно подобранного реквизита и различных костюмов.

Световое решение, в свою очередь, служит для оживления и динамизации представления, позволяя режиссеру управлять вниманием аудитории, выделять важные элементы, передавать эмоциональные нюансы и указывать на временные и пространственные рамки действия.

Сценический образ строится на фундаменте костюмов и атрибутов, которые не только создают атмосферу, но и говорят о многом. Костюм – это своего рода историческая справка, указыва-

ющая на время, место и социальное положение, а реквизит – инструмент, который оживляет действие и придает глубину персонажам [17, с. 26].

Когда народное произведение обретает сценическую жизнь, это становится отражением творческой индивидуальности и мастерства постановщика.

Суть сценического воплощения – это проникновение в самую сердцевину песни и поиск адекватных художественных средств, для ее выражения. Эти средства могут быть как застывшими, так и подвижными, но всегда подчинены логике самой песни.

Перенести народную песню на сцену – задача, требующая тонкого баланса. С одной стороны, необходимо учитывать законы театра, с другой – бережно сохранить самобытность фольклора. При любой постановке следует помнить, что сценическая форма должна быть неразрывно связана с содержанием песни, служа его выражением. Чтобы народная песня достигла уровня высокого искусства, исполнитель должен обладать не только вокальными данными, но и обширными знаниями в области театра и исполнительского искусства. Это позволит ему эффективно использовать весь арсенал выразительных средств – костюмы, декорации, свет, цвет, хореографию и сценическое движение – для достижения желаемого эффекта. Разумеется, не каждое выступление народного певца нуждается в столь масштабной театральной поддержке. Однако основой современного исполнительства является артистизм – способность органично существовать на сцене, раскрывать внутреннюю драматургию песни, глубоко проникать в ее суть и воплощать это понимание в убедительном образе.

Артистизм – это умение творчески выражать себя и искусно менять образ в зависимости от обстоятельств.

Невозможно по-настоящему исполнить народную песню, не обладая артистизмом. Этот артистизм, объединяющий музыкальные и театральные таланты, жизненно важен для полного раскрытия замысла песни и формирования яркого сценического образа. Каждый участник коллектива, а в особенности солист, представляет собой неповторимую творческую индивидуальность. Артистизм должен быть неотъемлемым элементом любого творческого процесса. В пении, например, простое следование нотам и правильное произношение слов не делают исполнение полноценным; песня должна дышать жизнью и излучать эмоции [11, с. 21].

Чтобы успешно воплотить песенный фольклор на сцене, необходимо учитывать жанр произведения и его исторические корни в народной среде. Руководитель фольклорного ансамбля, при-

ступая к созданию сценической версии, обязан черпать вдохновение и руководствоваться исключительно народными традициями. В то время как народная хореография традиционно занимает важное место в репертуаре взрослых народных хоров, для детских фольклорных ансамблей более целесообразным представляется акцент на игровых песнях и театрализованных формах. Развитие этих аспектов народного творчества у детей имеет не меньшее значение, чем формирование вокальных навыков. В младших возрастных группах включение игровых элементов в структуру репетиционного процесса, в частности, в качестве вводной и заключительной частей, способствует повышению эмоциональной вовлеченности, активизации импровизационных способностей и улучшению запоминания песенного материала.

Каждая хоровая группа имеет в своем распоряжении богатый набор хореографических средств, включающий в себя различные движения, поклоны, вращения и другие выразительные элементы. Синтез вокала и хореографии, являющийся отголоском древних обычаев, предполагает, что руководитель хора должен тщательно наставлять воспитанников в освоении танцевальных па, отражающих самобытность региона.

Когда танец является неотъемлемой частью хорового произведения, вокальная партия должна занимать центральное место. Хореография же призвана не просто сопровождать, но и обогащать, раскрывая содержание песни более полно и глубоко. Классификация хороводов и их песенного репертуара по содержанию на игровые и танцевальные стала возможной благодаря двум основным факторам: развитию драматического искусства и, в особенности, пантомимы, которая получила более выраженную сюжетную линию [20, с. 40].

Инструментальная музыка выделилась в самостоятельное направление, существуя как отдельный жанр, но при этом, оставаясь важной частью песен и танцев, где она служила аккомпанементом.

Хороводы следует воспринимать как небольшие музыкальные спектакли, где участники, двигаясь по кругу или в два ряда, разыгрывают сюжет, заложенный в песне. Ведущая роль принадлежит солисту, который задает тон, начиная каждую строфу, а хор подхватывает и продолжает ее. Тексты игровых песен охватывают широкий спектр тем, но всегда отражают сцены из повседневной жизни народа.

Танцы, в отличие от хороводов, требуют от исполнителей большей технической подготовки и виртуозности. Русский танец (или пляска) делает акцент на взаимодействии между партнерами, на хореографическом рисунке, на эмоциональной и технической составляющих. Плясовые

песни способны, в прямом смысле, поднять зрителей с мест и заставить их плясать. Нередко при исполнении плясовых («частых») песен коллективами фольклорного направления возникает мощный энергетический посыл, сравнимый с пением настоящих носителей – аутентичных мастеров. Такое приближение к сути, сердцу песни достигается сочетанием комплекса исполнительских качеств – вокального мастерства, хореографической подготовки, знания сценических законов и умения держать себя на сцене, навыком ношения народной одежды (костюма), умением создать полноценный и убедительный художественный образ, живое и эмоциональное создание музыки «здесь и сейчас» [22, с. 17].

Как ни странно, в наиболее уязвимом положении, с точки зрения представленности в сценической практике, находятся лирические протяжные песни, которыми народная русская культура славится на весь мир. Конечно, для убедительного исполнения протяжной русской лирики (как многоголосной, так и сольной) необходим и высокий уровень вокально-технического мастерства, и яркость художественного образа. Но вопросы жизни и смерти, любви и предательства, духовного совершенствования, затрагиваемые в этих песнях, требуют от зрителя глубокого осмысления, сосредоточенности, внимательности в процессе слушания. Сможет ли певец вовлечь зрительный зал в такие энергозатратные процессы, погрузить слушателей в это состояние («измерение»), зависит от него. Часто мы становимся слушателями концертных программ, в которых этот жанр представлен одним (очень редко – двумя) концертным номером, а иногда не представлен вовсе. В противовес протяжным, подавляющую долю народных песен, исполняемых на сцене, составляют песни в умеренных и подвижных темпах (лирические, шуточные, игровые и т.д.).

Поэтическая составляющая песенного фольклора при переносе в условия сценического исполнения часто претерпевает значительные изменения. Чаще всего это связано с объемом полного песенного текста – от десяти – двенадцати строф (иногда и больше) в сценической версии остаются 3–5, реже 6–8 строф. Такое сокращение должно быть не механическим, а направленным на сохранение идейного и смыслового ядра композиции.

При подготовке песни к концерту коллективы часто перерабатывают ее, учитывая индивидуальные вокальные особенности своих артистов. Музыкальное сопровождение должно гармонизировать с местными обычаями хорового пения. Особый вопрос – определение оптимального темпа для концертной аранжировки. Изначально каждая композиция имеет свой характерный темп, но в процессе адаптации его нередко нарушают, либо ускоряя, либо неоправданно

замедляя. Мастерство вокалистов проявляется в их тонком чувстве ритма. Хотя способность долго держать ноту ценится, лучшие певцы не злоупотребляют этим, предпочитая классическую чистоту исполнения, избегая необоснованных изменений темпа.

Нередко при аранжировке народных песен допускается просчет – излишнее добавление инструментов. Истинная суть русских народных песен заключается в исполнении а капелла.

Любая песня, обогащенная сценическим действием, превращается в «спектакль», своего рода театрализацию. Для достижения максимальной сценической выразительности, режиссеру необходимо сконцентрироваться на формировании уникального творческого имиджа артиста. Основой народного пения является его аутентичность и естественное звучание. Успешное развитие ансамбля подразумевает, что его руководитель грамотно использует и развивает природные задатки каждого участника.

Результаты.

Концертная деятельность – это сердцевина творческой жизни народного вокального коллектива. Она является кульминацией всего репетиционного и образовательного пути. Участвуя в концертах, коллектив получает возможность полностью раскрыть свои таланты, продемонстрировать накопленные художественные достижения, а также явить публике свою слаженность, сценическую концентрацию, музыкальную выразительность и зрелищность.

Опыт выступлений на сцене, включая волнение и радость от успешного исполнения, мотивирует артистов к дальнейшему развитию. Они осознают, что для достижения мастерства необходимо постоянное самосовершенствование. Концерты служат катализатором для этой работы, поддерживая исполнителей в оптимальной форме [22, с. 18].

После каждого концерта важно проводить анализ, выявляя сильные и слабые стороны, чтобы в дальнейшем их улучшать. Видеозаписи выступлений предоставляют студентам возможность детально изучить каждый аспект своего творчества.

Искренняя любовь к фольклору и подлинному творчеству помогают преодолевать препятствия. Такая работа пробуждает интерес к самому процессу созидания.

В отношении будущих сценических ансамблей, важно, чтобы используемые ими фольклорные элементы, которые часто воспринимаются и реализуются спонтанно и однобоко, сохраняли свою изначальную глубину и смысл.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Антипова Л. А. Концертно-исполнительская практика и сценическое воплощения фольклора. М., 1993.
2. Абашева Э.С. Русское народное песенное творчество на современной эстраде // Диалоги о культуре и искусстве: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с Международным участием. Пермь, 2016. EDN: ZFYQHR
3. Антипова Ю.В. Стиль фьюжн: к вопросу о различных формах диалога в отечественной массовой музыке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4(78). EDN: YKKMUN
4. Ветлугина Н.А. Музыкальное развитие ребенка. М., 1968.
5. Введение в психологию / Под ред. А.В. Петровского. М., 1996. 468 с.
6. Горюнова Л. Мир народного творчества. Музыка в школе. № 1. М. : Просвещение, 1990.
7. Готовцев Г.А. «Мифология и фольклор». Программа и методические рекомендации. М. : Новая школа, 1993.
8. Гусев В.Е. О коллективности в фольклоре. Дialectика личного и массового творчества. Специфика фольклорных жанров. Л. : Наука, 1967.
9. Детский фольклор: Примерная программа для фольклорных и этнографических кружков. М. : ВНМЦ, 1987.
10. Дорохова Е.А. Региональные песенные системы как объект структурно-типологических исследований. Рукопись / Е.А. Дорохова, М.А. Енговатова. 2001.
11. Захава Б.Е. Мастерство актера и режиссера. М. : Просвещение, 1973.
12. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч. : в 10 т. М., 1993. Т. 1.
13. Кабанов А.С. Воспитательное воздействие музыкального фольклора на участников художественной самодеятельности / А.С. Кабанов; Министерство культуры РСФСР; НИИ культуры // Художественная самодеятельность. Традиции, мастерство, воспитание: Сборник научных трудов № 141. М. : НИИ культуры, 1985. 142 с.
14. Картавцева М.Г. Школа русского фольклора. М. : МГИК, 1994. 72 с.
15. Калугина Н.В. О сценическом воплощении народных песен. Сборник. Вып. 17. М., 1985. С. 61–65.
16. Комарова Т.С. Дети в мире творчества. М., 1995.
17. Красовская Ю. Концертная жизнь народной песни // Советская музыка. 1971. № 4.
18. Каргин А.С. О некоторых проблемах современной теории и практики фольклора: между идеей возрождения и этнокультурным бизнесом // Традиционная культура. 2012. № 1. EDN: OYHXNN
19. Каган М.С. Мир общения. М., 1988.
20. Кабанов А.С. К проблеме сохранения песенной фольклорной традиции в современных условиях // Художественная самодеятельность: вопросы развития и руководства: Сборник статей. М., 1980.
21. Мешко Н.К. Искусство народного пения. М., 1996. Ч. 1.
22. Мешко Н.К. Искусство народного пения. М., 2000. Ч. 2.
23. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.
24. Маркова П.В. Режиссура народной песни / П.В. Маркова, Л.В. Шамина. М., 1984.
25. Мельников М.Н. Русский детский фольклор. М., 1987. EDN: STLQEV

References:

1. Antipova L.A. Concert performance practice and the stage embodiment of folklore. M., 1993.
2. Abasheva E.S. Russian folk songwriting on the modern stage // Dialogues on culture and art: Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Perm, 2016. EDN: ZFYQHR
3. Antipova Yu.V. Fusion style: on the issue of various forms of dialogue in Russian mass music // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2017. № 4(78). EDN: YKKMUN
4. Vetlugina N.A. Musical development of a child. M., 1968.
5. Introduction to psychology / Edited by A.V. Petrovsky. M., 1996. 468 p.
6. Goryunova L. The world of folk art. Music at school. № 1. M. : Enlightenment, 1990.
7. Gotovtsev G.A. «Mythology and folklore». The program and methodological recommendations. M. : New School, 1993.
8. Gusev V.E. About collectivity in folklore. The dialectic of personal and mass creativity. The specifics of folklore genres. L. : Nauka Publ., 1967.

9. Children's folklore: A sample program for folklore and ethnographic circles. M. : VNMC, 1987.
10. Dorokhova E.A. Regional song systems as an object of structural and typological research. The manuscript / E.A. Dorokhova, M.A. Engovatova. 2001.
11. Zakhava B.E. The skill of an actor and director. M. : Prosveshchenie, 1973.
12. Ilyin I.A. The path of spiritual renewal // Collected works : in 10 vol. M., 1993. Vol. 1.
13. Kabanov A.S. The educational impact of musical folklore among the scholars of artistic self-activity / A.S. Kabanov; Ministry of Culture of the RSFSR; Research Institute of Culture // Artistic self-activity. Traditions, skill, education: Collection of scientific papers № 141. M. : Research Institute of Culture, 1985. 142 p.
14. Kartavtseva M.G. School of Russian folklore. M. : MGIK, 1994. 72 p.
15. Kalugina N.V. On the scenic embodiment of folk songs. Collection. Vol. 17. M., 1985. P. 61–65.
16. Komarova T.S. Children in the world of creativity. M., 1995.
17. Krasovskaya Y. Concert life of a folk song // Soviet music. 1971. № 4.
18. Kargin A.S. On some problems of modern theory and practice of folklore: between the idea of revival and ethno-cultural business // Traditional culture. 2012. № 1. EDN: OYHXNN
19. Kagan M.S. The world of communication. M., 1988.
20. Kabanov A.S. On the problem of preserving the song folklore tradition in modern conditions // Artistic self-activity: issues of development and leadership: collection of art. M., 1980.
21. Meshko N.K. The Art of Folk Singing. M., 1996. Part 1.
22. Meshko N.K. The Art of Folk Singing. M., 2000. Part 2.
23. Multiculturalism and transformation of post-soviet societies. M., 2002.
24. Markova P.V. Directing a folk song / P.V. Markova, L.V. Shamina. M., 1984.
25. Melnikov M.N. Russian children's folklore. M., 1987. EDN: STLQEV

Информация об авторах

Адаменко Снежанна Викторовна

Заслуженная артистка Кубани,
доцент,
Краснодарский государственный институт культуры
sniezhanmaa@mail.ru

Snezhanna V. Adamenko

Associate Honored Artist of Kuban,
Associate Professor,
Krasnodar State institute of Culture
sniezhanmaa@mail.ru

Адаменко Владимир Викторович

Заслуженный деятель искусств Кубани,
доцент,
Краснодарский государственный институт культуры
ldkguki@mail.ru

Vladimir V. Adamenko

Associate Honored Artist of Kuban,
Associate Professor,
Krasnodar State institute of Culture
ldkguki@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.06.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.08.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-1>

УДК 32.019.5:316.7



Attribution

cc by

СИНЕРГИЯ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИКИ: КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК МЕХАНИЗМ ПОДДЕРЖКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ

Ерлан Жалгас

«Дирекция по реализации государственного творческого заказа» акимата города Астаны

Аннотация. В статье анализируется синергетический эффект, возникающий при взаимодействии культурных и политических процессов в современном Казахстане. В работе культура рассматривается как инструмент «мягкой силы», который наряду с трансляцией государственных ценностей способствует социальной консолидации и формированию позитивного международного имиджа. Исследование сфокусировано на двух конкретных кейсах города Астаны: установление мирового рекорда по созданию портрета Бауыржана Момышулы и организация рекордного по численности оркестра домбристов. Научная новизна заключается в предложении и обосновании модели «событийного рекорда», описывающей стратегическую интеграцию крупномасштабных культурных проектов в государственную политику для укрепления национального единства и продвижения реформ. В Исследовании доказывалось, что подобные проекты выходят за рамки сугубо развлекательных событий, превращаясь в эффективный механизм патриотического воспитания и катализатор гражданской активности. Результаты подтверждают эффективность таких проектов для вовлечения граждан, особенно молодежи, в поддержку государственных преобразований и для формирования национальной идентичности. Анализ общественного резонанса показывает, как стратегически спланированные акции генерируют мощный социальный импульс, который успешно используется для достижения политических целей в контексте текущих конституционных реформ в стране.

Ключевые слова: культурная политика, мягкая сила, национальный брендинг, общественные инициативы, социальная консолидация, национальная идентичность, патриотическое воспитание, культурная дипломатия, Рухани жаңғыру, кейс-стади, Казахстан.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SYNERGY OF CULTURE AND POLITICS: CULTURAL PROJECTS AS A MECHANISM FOR SUPPORTING PUBLIC INITIATIVES

Yerlan Zhalgas

«Directorate for the Implementation of the State Creative Order» of the Akimat of Astana

Abstract. This article analyzes the synergy at the intersection of cultural and political processes in contemporary Kazakhstan. The study examines culture as an instrument of «soft power» that, in addition to transmitting state values, fosters social cohesion and shapes a positive international image. The research focuses on two specific case studies from the city of Astana: setting a world record by creating a large-scale portrait of Bauyrzhan Momyshuly, and organizing a record-breaking orchestra of dombra players. The study's scholarly contribution lies in proposing and substantiating the «event-based record» model, describing the strategic integration of large-scale cultural projects into state policy aimed at strengthening national unity and advancing reforms. The study argues that such projects transcend their role as mere entertainment, becoming effective mechanisms for patriotic education and catalysts for civic engagement. The findings confirm the effectiveness of these projects in engaging citizens, particularly youth, in supporting state-led reforms and shaping national identity. An analysis of the public response demonstrates how strategically planned events generate significant social momentum that can be successfully leveraged to achieve political objectives, a crucial factor in the context of the country's ongoing constitutional reforms.

Keywords: cultural policy, soft power, nation branding, public initiatives, social cohesion, national identity, patriotic education, cultural diplomacy, Rukhani Zhangyru, case study, Kazakhstan.

Funding: Independent work.

Введение.

В современной архитектуре государственности культура претерпевает фундаментальную трансформацию, превращаясь из объекта патрона в стратегический ресурс национального развития. Особую актуальность приобретает изучение механизмов, посредством которых государственные культурные стратегии находят практическое воплощение в конкретных проектах, способных генерировать широкий общественный резонанс и формировать позитивные национальные нарративы.

Проблема исследования заключается в существующем разрыве между теоретическим пониманием роли культуры как инструмента «мягкой силы» и недостаточной проработкой конкретных механизмов трансляции политических доктрин в эмоционально заряженные культурные события.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, в условиях глобализации и информационных вызовов современные государства все активнее обращаются к культурным ресурсам для укрепления национальной идентичности и международного позиционирования [11].

Во-вторых, реализация в Казахстане масштабной программы «Рухани жаңғыру» (2017 г. – настоящее время) и проведение конституционных реформ в рамках концепции «Нового Казахстана» требуют научного осмысления эффективности культурных механизмов социальной мобилизации.

В-третьих, опыт реализации крупномасштабных культурных проектов в столице Казахстана представляет уникальный случай для изучения синергетического взаимодействия «вертикальных» государственных стратегий и «горизонтальных» общественных инициатив.

Международный контекст также подтверждает значимость данной проблематики. Согласно новой стратегической рамке Европейского союза «Culture Compass for Europe» (2025–2029 гг.), культурная политика рассматривается как трансверсальный элемент государственного управления, способный решать комплексные социально-политические задачи. Исследования в области кросс-культурного сотрудничества демонстрируют возрастающую роль культурных проектов в формировании региональной идентичности и социальной сплоченности [14].

Цель данного исследования состоит в выявлении и концептуализации механизмов синергетического взаимодействия государственной культурной политики и общественных инициатив на примере крупномасштабных культурных проектов города Астаны, а также в обосновании модели «событийного рекорда» как эффективного инструмента культурного менеджмента.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести деконструкцию и анализ теоретических основ взаимодействия культуры и политики в контексте концепций «мягкой силы» и «национального брендинга».
2. Раскрыть стратегический и идеологический контекст современной культурной политики Казахстана через детальный анализ программы «Рухани жаңғыру».
3. Осуществить углубленное изучение двух репрезентативных культурных мега-проектов города Астаны с применением методологии кейс-стади.
4. Концептуализировать и верифицировать на эмпирическом материале модель «событийного рекорда» как целенаправленной управленческой технологии.
5. Оценить эффективность и потенциальные риски рассмотренной модели в контексте достижения целей национальной культурной политики.

Методологической основой исследования выступает комплексный междисциплинарный подход с применением кейс-стади как ведущего метода. Данный метод ориентирован на «плотное» описание и интерпретацию конкретных случаев для понимания более широких социальных процессов [17]. Дополнительно применяются методы контент-анализа стратегических государственных документов и медийных публикаций, а также сравнительный анализ для сопоставления казахстанских кейсов с релевантным международным опытом.

Теоретическую базу исследования составляют классические и современные работы в области политической социологии и исследований культуры. Фундаментальное значение имеют концепция «мягкой силы» Дж. Ная [16], теория «воображаемых сообществ» Б. Андерсона [1] и концепция символического капитала П. Бурдьё. Особое внимание уделяется современным исследованиям трансграничного культурного сотрудничества и региональной культурной политики [12; 14].

Эмпирическую базу исследования составляют нормативно-правовые документы Республики Казахстан в сфере культурной политики, включая Концепцию культурной политики на 2023–2029 годы, материалы программы «Рухани жаңғыру», данные о реализации конкретных культурных проектов в городе Астане, медийные публикации и материалы официальной фиксации рекордов. Важную роль играют материалы деятельности Коммунального государственного учреждения «Дирекция по реализации государственного творческого заказа» акимата города Астаны.

Научная новизна заключается в предложении и обосновании модели «событийного рекорда» как инновационного инструмента культурного менеджмента, описывающего стратегическую интеграцию крупномасштабных культурных проектов в государственную политику. Впервые на материале казахстанских кейсов проведен системный анализ синергетического взаимодействия «вертикального» политического планирования и «горизонтальной» общественной самоорганизации в сфере культуры.

Исследование вносит вклад в международные cultural policy studies, предлагая уникальный постсоветский кейс для сравнительного анализа.

Практическая значимость. Результаты исследования могут служить научно обоснованным инструментарием для государственных органов и культурных институтов при разработке и оценке эффективности культурной политики. Предложенная модель «событийного рекорда» применима для планирования крупномасштабных культурных проектов, направленных на решение задач патриотического воспитания, социальной консолидации и национального брендинга. Особую практическую ценность представляют выводы о роли муниципального уровня как ключевого драйвера реализации общегосударственных культурных стратегий, что актуально для других регионов Казахстана и стран постсоветского пространства.

Обсуждение. Результаты.

Культурная политика Казахстана в контексте модернизации.

Для адекватного понимания природы и целей культурных мега-проектов, реализуемых в Астане, необходимо поместить их в более широкий стратегический и идеологический контекст современной государственной политики Республики Казахстан. Этот контекст в последние годы определяет вектор не только культурного, но и всего общественного развития страны.

Современная культурная политика Казахстана базируется на прочном и последовательно развиваемом нормативно-правовом фундаменте, который определяет ее стратегические цели, ключевые принципы и механизмы реализации. Ключевыми документами в этой сфере являются Закон Республики Казахстан «О культуре» от 15 декабря 2006 года и Концепция культурной политики Республики Казахстан, утвержденная в новой редакции на 2023–2029 годы [4]. Эти основополагающие документы получают конкретное наполнение через ежегодные Послания Главы государства, которые задают актуальные политические векторы развития.

Главной целью культурной политики Казахстана на период до 2030 года провозглашено формирование единого культурного пространства страны, которое было бы конкурентоспособным, инклюзивным и открытым миру.

Для достижения этой макро-цели поставлены три взаимосвязанные стратегические задачи:

- обеспечения максимальной доступности культуры для всех слоев населения;
- повышения узнаваемости и конкурентоспособности казахстанской культуры на международной арене, что напрямую связано с задачами «мягкой силы» и национального брендинга [10];
- обеспечение сохранности, изучения и активной популяризации богатого историко-культурного наследия как фундамента национальной идентичности.

Центральным идеологическим стержнем, задавшим динамику культурной политике, стала общенациональная программа «Рухани жаңғыру» или «Модернизация общественного сознания», инициированная статьей Первого Президента Н.А. Назарбаева 12 апреля 2017 года. Основная цель программы была сформулирована предельно четко: сохранение и приумножение духовных и культурных ценностей нации как необходимое условие для успешной модернизации [2]. Важнейшей особенностью программы стало то, что она была структурирована как набор конкретных проектов, включая «100 новых учебников на казахском языке», «Сакральная география Казахстана», «Современная казахстанская культура в глобальном мире» и специальный проект «Туған жер» («Родная земля»).

Программа «Рухани жаңғыру» отражает современные тенденции в мировой культурной политике, где акцент смещается от пассивного сохранения наследия к активному конструированию культурной идентичности в глобализированном мире. Это соответствует международным подходам, зафиксированным в новейших стратегических документах, таких как европейская программа трансграничного культурного сотрудничества [12] и инициативы по цифровизации культурного наследия в рамках Horizon Europe [15]. Однако реализация столь масштабной программы столкнулась с определенными вызовами: широкомасштабное социологическое исследование, проведенное в 2019 г. выявило, что осведомленность населения о конкретном содержании программы остается неравномерной по регионам страны [3]. Этот факт стал важным сигналом для управленцев и подчеркнул критическую важность перехода от формально-отчетных мероприятий к реализации ярких, резонансных, эмоционально вовлекающих проектов. Стало очевидно, что для успеха программы необходимы масштабные, запоминающиеся события, которые могли бы стать ее «живыми визитными карточками».

Практическая реализация на муниципальном уровне. Кейс-стади города Астаны.

Теоретические конструкты и общегосударственные программы обретают реальную силу лишь тогда, когда находят свое воплощение в кон-

кретных проектах и событиях. Именно на муниципальном уровне происходит проверка жизнеспособности стратегических идей, и их трансформация в практические инициативы, способные мобилизовать общественную поддержку. Город Астана как столица нации играет в этом процессе особую роль, выступая полигоном для отработки передовых социокультурных технологий.

Этот подход согласуется с современными тенденциями в европейской культурной политике, где муниципальный уровень рассматривается как ключевой драйвер культурных инноваций. Согласно анализу культурного управления в европейских городах, именно локальный уровень обеспечивает наиболее эффективную связь между стратегическими целями и практической реализацией [11].

Ключевой структурой, на которую возложена миссия по практической реализации культурной политики в столице, является Коммунальное государственное учреждение «Дирекция по реализации государственного творческого заказа» акимата города Астаны. Данная организация создана как специализированный институт-оператор нового типа, призванный стать связующим звеном между государственными ресурсами и творческим потенциалом общества [7]. Миссия Дирекции выходит далеко за рамки простого распределения бюджетных средств и заключается в целенаправленном формировании благоприятной культурной экосистемы в городе.

Кейс 1: Гигантский портрет Бауыржана Момышулы.

Одним из наиболее ярких примеров практической реализации задач программы «Рухани жаңғыру» стал проект по созданию гигантского портрета-фотомозаики Бауыржана Момышулы в мае 2025 года. На поле столичного стадиона «Астана Арена» возникло монументальное изображение площадью 2736 квадратных метров [6]. Цели проекта имели глубокую символическую привязку: мероприятие было приурочено к 80-летию Победы и 115-летию со дня рождения легендарного военачальника.

Выбор фигуры Бауыржана Момышулы был стратегически выверенным решением, поскольку он является безусловным моральным авторитетом для всех поколений казахстанцев. Это решение отражает современный подход к использованию исторических нарративов в культурной политике, где акцент делается на универсально признанных героических фигурах, способных объединять различные социальные группы.

Механизм реализации стал ключевым фактором социального успеха проекта. К непосредственному созданию фотомозаики были привлечены 570 столичных школьников, воспитанников художественных кружков [5]. Это принципиальное управленческое решение позволило трансформировать мероприятие из пассивного зрелища в

акт коллективного со-творчества. Молодые люди собственными руками собирали образ национального героя, что способствовало глубокому внутреннему осмыслению его подвига. Такой подход соответствует современным принципам партисипативной культурной политики, где граждане рассматриваются не как пассивные потребители культурных продуктов, а как активные со-творцы культурных смыслов. Европейский опыт реализации программ культурного наследия также демонстрирует высокую эффективность проектов, основанных на прямом участии местных сообществ [15].

Результат проекта превзошел локальные масштабы. Созданный портрет был зафиксирован в Книге рекордов Гиннесса как «Самый большой портрет в мире» [8]. Этот факт мгновенно изменил статус события, трансформировав его в новость мирового значения.

Таким образом, проект виртуозно решил двудельную задачу: выполнил внутренние цели по патристическому воспитанию молодежи и сработал как эффективный инструмент национального брендинга.

Кейс 2: Рекордный оркестр домбристов.

Вторым знаковым проектом стало установление в октябре 2024 года рекорда по самому массовому исполнению музыкального произведения. В Астане 3243 домбриста, преимущественно дети и подростки, одновременно исполнили знаменитый күй Курмангазы «Балбырауын» [9]. Цели проекта были направлены на популяризацию ключевых элементов национального культурного кода.

Домбра в казахской культуре является одним из важнейших символов национальной идентичности, и массовое исполнение было призвано наглядно продемонстрировать неразрывную связь современного поколения с многовековыми культурными традициями. Этот подход отражает современные тенденции в области сохранения нематериального культурного наследия, где акцент делается не на музейном сохранении, а на живом воспроизводстве традиций новыми поколениями.

Механизм реализации вновь продемонстрировал высокую эффективность системы государственного творческого заказа. Абсолютное большинство участников акции составили дети, занимающиеся в бесплатных кружках, открытых при поддержке государства. Участие в таком грандиозном перформансе стало для юных музыкантов мощнейшим стимулом и источником гордости.

Результат был усилен через механизм официальной фиксации рекорда. Событие было зарегистрировано и внесено в Книгу рекордов Казахстана, что подчеркнуло его высокий общественный статус. Проект не только способствовал популяризации национального искусства, но и наглядно продемонстрировал успешность госу-

дарственной политики по поддержке детского творчества.

Сравнительный анализ и международный контекст.

Оба рассмотренных проекта демонстрируют уникальное сочетание централизованного планирования и децентрализованной реализации, что отличает казахстанскую модель от европейских подходов. В то время как европейская культурная политика развивается в направлении все большей децентрализации и горизонтального сотрудничества между различными уровнями управления [11], казахстанская модель показывает эффективность более централизованного планирования при условии обеспечения массового общественного участия на этапе реализации.

Важной особенностью обоих проектов является их ориентация на создание измеримых результатов в виде официально зафиксированных рекордов. Это отличает их от многих европейских культурных инициатив, которые часто фокусируются на процессе, а не на конкретных достижениях. Такой подход позволяет не только оценить эффективность проектов, но и создать долгосрочные символические активы для национального брендинга.

Обсуждение и синтез. Модель «событийного рекорда».

Эмпирический анализ двух культурных проектов в Астане позволяет перейти к синтезу и формированию обобщающей теоретической модели. Рассмотренные кейсы представляют собой элементы продуманной стратегии, где столица Казахстана функционирует как эффективная микромодель реализации общенациональной стратегии брендинга. Синтезируя полученные данные, мы можем описать эту технологию как модель «событийного рекорда».

Концептуальная основа модели.

В отличие от стандартного культурного мероприятия, оба рассмотренных проекта были изначально спроектированы с целенаправленной установкой на фиксацию официального рекорда. Этот элемент является центральным компонентом всей конструкции, который позволяет многократно усилить совокупное воздействие проекта. Модель «событийного рекорда» представляет собой стратегическую интеграцию крупномасштабных культурных проектов в государственную политику для укрепления национального единства и продвижения реформ.

Данный подход отражает современные тенденции в области культурной дипломатии, где акцент смещается от традиционных форм репрезентации к созданию резонансных событий, способных привлечь международное внимание [13].

Анализ европейского опыта показывает, что наиболее успешные культурные проекты по-

следних лет характеризуются именно способностью генерировать медийный резонанс и создавать долгосрочные символические активы.

Структурные компоненты эффективности.

Эффективность модели «событийного рекорда» обусловлена синергией нескольких ключевых факторов:

Многократное усиление медийного резонанса.

Факт установления рекорда мирового или национального уровня сам по себе является мощным информационным поводом, представляющим интерес не только для культурных, но и для общеностных и международных СМИ. Это соответствует современным тенденциям цифровизации культурных практик, где медийная составляющая становится неотъемлемой частью культурного воздействия [15].

Генерация позитивных коннотаций. Понятие «рекорд» в массовом сознании несет исключительно позитивные смысловые нагрузки: «достижение», «успех», «лидерство». Эти коннотации автоматически переносятся с факта рекорда на его содержание и на его организаторов, город и страну. Данный механизм соответствует принципам нейромаркетинга в культурной сфере, где эмоциональное воздействие играет определяющую роль.

Повышение мотивации участия. Участие в рекордном проекте становится значимым личным достижением, что повышает эмоциональную вовлеченность и запоминаемость события. Для молодежи это становится формой социального признания и самореализации, что особенно важно в контексте формирования гражданской идентичности.

Создание «символического факта». Официально зафиксированный рекорд становится непреложным фактом в истории города и страны, превращаясь в долгосрочный нематериальный актив национального брендинга. Этот аспект особенно важен в эпоху информационных войн, когда наличие объективно зафиксированных достижений служит защитой от негативных информационных кампаний.

Трехэтапная структура реализации.

Модель «событийного рекорда» может быть представлена в виде структурированного процесса:

Этап 1: Стратегическое планирование (Вертикальный импульс):

- Национальная стратегия (например, «Рухани жаңғыру») определяет ценностные приоритеты;
- Институциональный оператор (например, Дирекция по госзаказу) транслирует стратегию в конкретные задачи;
- Разработка проекта с элементом рекорда как ключевого PR-инструмента.

Этап 2: Реализация и мобилизация (Горизонтальная активность):

- Массовое вовлечение общественности как соучастников события;
- Официальная верификация и создание «символического факта».

Этап 3: Мультипликативный эффект (Синергетический результат):

- Медийный резонанс национального и международного уровня;
- Двойной социально-политический эффект: внутренняя консолидация и внешний брендинг.

Сравнительный анализ кейсов.

Систематизация основных характеристик рассмотренных проектов позволяет выявить общие закономерности:

Портрет Бауыржана Момышулы:

Символическое ядро: героизм, историческая память, преемственность поколений.

Механизм вовлечения: коллективное со-творчество 570 школьников

Результат: мировой рекорд Гиннеса, международный PR-эффект

Оркестр домбристов:

Символическое ядро: национальный культурный код, живые традиции.

Механизм вовлечения: массовый перформанс 3243 юных музыкантов.

Результат: национальный рекорд, демонстрация эффективности культурной политики.

Оба проекта демонстрируют единую логику: от общегосударственной стратегии через массовое вовлечение к созданию символического капитала и медийного резонанса.

Условия успешной реализации.

Успешная реализация модели «событийного рекорда» требует соблюдения нескольких критических условий:

- Наличие четкой государственной стратегии и политической воли;
- Существование профессионального институционального оператора;
- Обеспечение массового, добровольного участия общественности;
- Грамотное медийное сопровождение и международная верификация;
- Баланс между политическими целями и культурной аутентичностью.

Именно сочетание «вертикального» планирования и «горизонтальной» самоорганизации создает уникальную синергию, позволяющую достигать как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических целей через культурные механизмы.

Для наглядной демонстрации этой логики представим сравнительный анализ кейсов в виде таблицы 1, а саму модель, в виде структурной схемы (рис. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ культурных мега-проектов города Астаны

Критерий	Кейс 1. Портрет Бауыржана Момышулы	Кейс 2. Оркестр домбристов
Символическое ядро	Героизм, историческая память, преемственность поколений	Национальный культурный код, традиции, единство через музыку
Основная цель	Укрепление патриотического сознания, противодействие фальсификации истории	Сохранение и популяризация национального наследия, повышение престижа народного искусства
Механизм вовлечения	Прямое участие молодежи в создании арт-объекта (коллективное со-творчество)	Массовое участие учащихся музыкальных кружков в перформансе (демонстрация навыков)
Элемент рекорда	Мировой рекорд Гиннеса («Самый большой портрет в мире»)	Национальный рекорд Казахстана («Самый большой оркестр домбристов»)
Целевая аудитория	Молодежь (школьники), широкая общественность, международные СМИ	Дети и подростки, широкая общественность, национальные СМИ
Связь с госпрограммой	Проект «Рухани жаңғыру» (ценности, патриотизм, сохранение наследия)	Программа «Даму бала» (поддержка детского творчества), цели «Рухани жаңғыру»
Ключевой эффект	Формирование национальной гордости, международный PR-эффект	Демонстрация жизнеспособности традиций, легитимация господдержки детского творчества

Как видно из представленной таблицы, оба проекта, несмотря на различие в символическом содержании, построены по общей структурной логике. Они берут начало в общегосударственной стратегии, реализуются через вовлечение широких масс и используют технологию рекорда для максимизации эффекта. Эта общая логика

может быть представлена в виде формализованной модели, иллюстрирующей поэтапное развертывание процесса от стратегического замысла до получения конечного синергетического эффекта. Данная модель наглядно показана на рисунке 1.

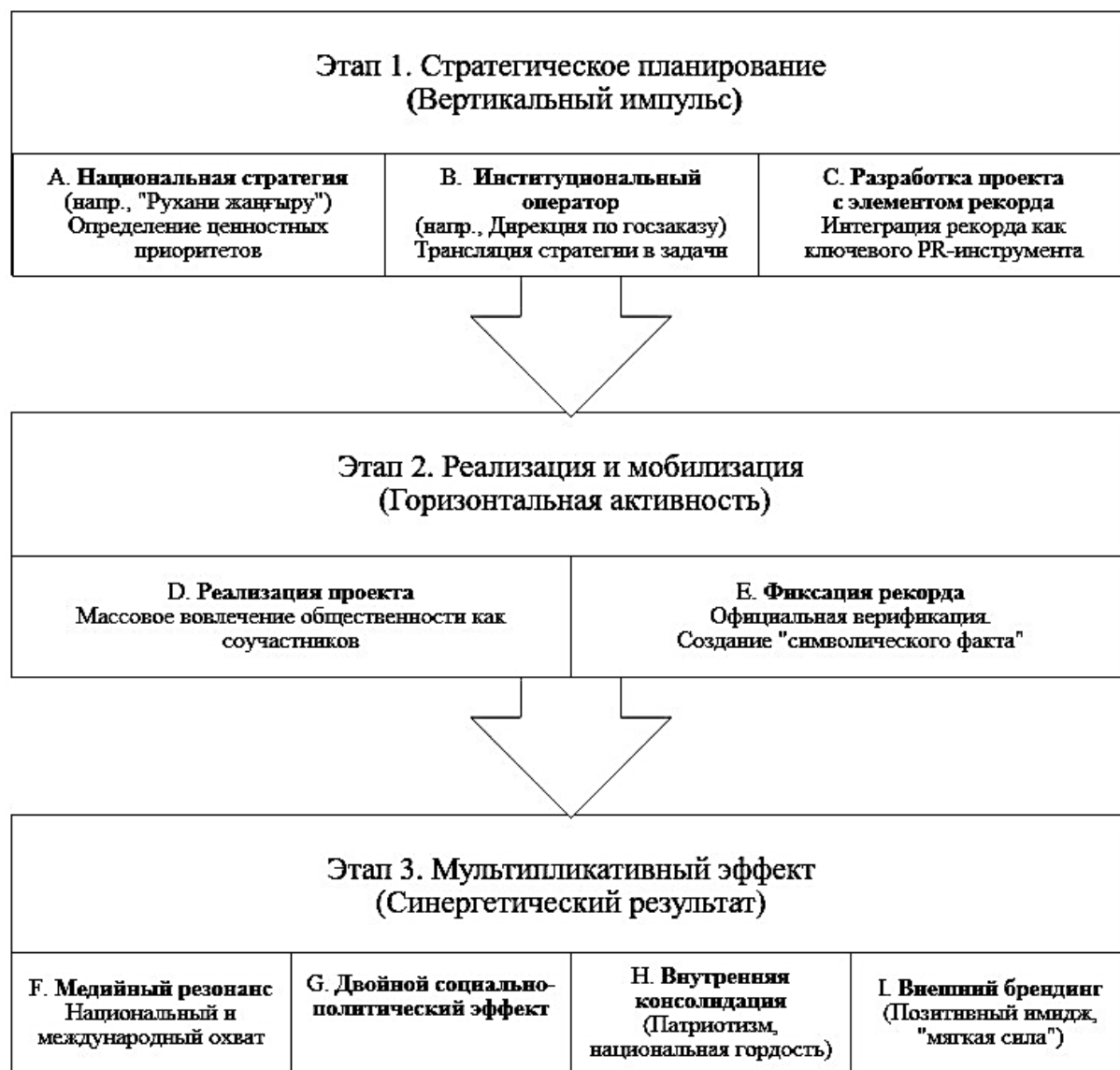


Рисунок 1 – Модель синергии культуры и политики через «событийный рекорд»

Рассмотренные кейсы демонстрируют, как на практике реализуется двуединая задача «мягкой силы». Проекты создают позитивные «стратегические нарративы» [16] о современном Казахстане. Нарратив для внутренней аудитории звучит так, «Мы, нация, которая помнит и чтит своих героев и имеет живые культурные корни. Государство создает для этого все условия, и мы вместе способны на великие свершения». Этот нарратив работает на укрепление социального оптимизма и патриотизма. Нарратив для внешней аудитории, это «Казахстан, современная, динамичная страна, способная на уникальные проекты мирового уровня, где с уважением относятся к своей истории и культуре».

Успешная реализация столь сложных проектов была бы невозможна без эффективного институционального дизайна и компетентного лидерства. Сегодня руководитель культурного учреждения, это стратегический менеджер и соци-

альный инженер. От него требуются не только организационные способности, но и глубокое понимание культурных кодов общества. Ключевая компетенция такого лидера, это способность «переводить» язык абстрактных политических доктрин на язык ярких, понятных и эмоционально привлекательных образов и событий. Эффективность управленческой модели, применяемой в Астане, получила и независимое внешнее признание, что подтверждается присуждением автору данной статьи международной премии «Бизнес Лидеры Центральной Азии 2025» в номинации «Лидер Культуры».

Международный контекст и особенности модели.

В контексте международного опыта, модель «событийного рекорда» обладает рядом преимуществ. В отличие от крупных международных мероприятий, где официальный нарратив может

быть подорван внешней критикой по политическим вопросам, проекты в Астане апеллируют к универсально позитивным ценностям: уважению к героям, любви к национальному искусству, таланту детей.

Европейский опыт трансграничного культурного сотрудничества также демонстрирует важность эмоциональной вовлеченности участников и создания долгосрочных культурных активов [12]. Однако казахстанская модель отличается более централизованным подходом к планированию и большим акцентом на достижение измеримых результатов.

Особенностью казахстанского подхода является способность интегрировать современные PR-технологии с аутентичным культурным содержанием. Это позволяет избежать обвинений в поверхностности или манипулятивности, поскольку проекты имеют глубокие культурные корни и реальную образовательную ценность.

Заключение.

Проведенное междисциплинарное исследование синергетического взаимодействия государственной культурной политики и общественных инициатив на примере крупномасштабных культурных проектов города Астаны позволяет сформулировать ряд ключевых выводов и определить перспективы дальнейших исследований.

Основные результаты исследования.

Анализ теоретических концепций и эмпирического материала убедительно доказывает, что в современных условиях культура превратилась в стратегический ресурс государственного управления. Эффективная культурная политика, основанная на принципах современного менеджмента, способна решать сложнейшие задачи по консолидации общества, формированию национальной идентичности и укреплению позиций страны на международной арене. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что абстрактные идеологические установки, заложенные в общенациональных программах, подобных «Рухани жаңғыру», могут быть успешно реализованы через конкретные, эмоционально заряженные и символически насыщенные культурные события.

Результаты исследования демонстрируют, что муниципальный уровень управления может и должен выступать ключевым драйвером в реализации общегосударственных культурных стратегий. Именно на уровне города, в непосредственном контакте с населением, происходит реальное «заземление» политических целей. Практика города Астаны показывает, что на этом уровне возможно организовать подлинно массовое вовлечение граждан, особенно молодежи, в реализацию государственных инициатив, трансформируя их из пассивных объектов управления в активных со-творцов культурной и политической реальности.

Научная новизна и теоретический вклад.

В ходе исследования была концептуализирована и эмпирически верифицирована модель «событийного рекорда» как высокоэффективный инструмент современного культурного менеджмента. Доказано, что целенаправленная интеграция элемента рекорда в дизайн культурного проекта позволяет многократно усилить его медийный и символический капитал. Эта модель позволяет решать двудеиную задачу: на внутреннем контуре она способствует патриотическому воспитанию и социальной консолидации, на внешнем контуре работает как действенный инструмент национального брендинга и «мягкой силы».

Научный вклад данной статьи заключается в нескольких аспектах.

Предпринят один из первых в казахстанской гуманитарной науке комплексный анализ масштабных культурных проектов не как разрозненных мероприятий, а как элементов целостной государственной стратегии.

Предложена и обоснована новая концептуальная модель «событийного рекорда», которая может быть использована как аналитический инструмент для изучения схожих феноменов.

Представленный эмпирически обоснованный анализ успешной имплементации культурной политики на постсоветском пространстве вносит вклад в международные исследования в области cultural policy studies, предлагая уникальный казахстанский кейс для сравнительного анализа.

Практическая значимость.

Результаты проведенного исследования могут служить научно обоснованным инструментарием для государственных органов и культурных институтов при разработке и оценке эффективности культурной политики.

Предложенная модель «событийного рекорда» применима для планирования крупномасштабных культурных проектов, направленных на решение задач патриотического воспитания, социальной консолидации и национального брендинга.

Особую практическую ценность представляют выводы о роли муниципального уровня как ключевого драйвера реализации общегосударственных культурных стратегий. Это актуально не только для других регионов Казахстана, но и для стран постсоветского пространства, сталкивающихся с похожими вызовами в области культурной политики и национального строительства.

Модель может быть адаптирована для различных культурных контекстов с учетом специфики национальных традиций, институциональных особенностей и ресурсных возможностей. Важным практическим выводом является необходимость поддержания баланса между государственным планированием и общественной инициативой.

циативой для обеспечения устойчивости и эффективности культурных проектов.

Ограничения исследования

Данное исследование имеет определенные ограничения, которые следует учитывать при интерпретации результатов.

Во-первых, анализ основан на двух кейсах из одного города, что ограничивает возможности генерализации выводов.

Во-вторых, исследование не включает долгосрочную оценку воздействия рассмотренных проектов на общественное сознание и поведение участников.

В-третьих, анализ сосредоточен преимущественно на позитивных аспектах модели, в то время как систематическое изучение потенциальных рисков и негативных последствий требует дополнительного исследования.

Перспективы дальнейших исследований

Перспективы дальнейших исследований лежат в нескольких направлениях.

Представляет значительный научный интерес проведение лонгитюдных социологических исследований, направленных на анализ того, как участие в культурных мега-проектах сказывается на ценностных ориентациях, моделях поведения и уровне гражданской активности молодежи в долгосрочной перспективе.

Дальнейшего изучения требует феномен цифровизации культурных практик и потенциал использования виртуальных форматов для расширения масштабов и повышения доступности культурных проектов. В контексте международных тенденций развития трансграничного культурного сотрудничества [12, 15] актуальным становится исследование возможностей адаптации модели «событийного рекорда» для международных культурных инициатив.

Перспективным направлением является сравнительный анализ эффективности различных моделей культурной политики в постсоветских государствах с учетом их политических систем, экономических возможностей и культурных особенностей. Такие исследования могли бы внести вклад в формирование более эффективных подходов к использованию культуры как инструмента государственного развития.

Заключительные замечания.

Анализ кейсов подтвердил, что успех культурных мега-проектов определяется синергией нескольких ключевых факторов: наличием четкой государственной стратегии и политической воли, существованием эффективного институционального оператора и, что самое важное, обеспечением массового, добровольного и эмоционально вовлеченного участия общественности. Именно сочетание «вертикального» планирования и «горизонтальной» самоорганизации рождает наиболее устойчивые и позитивные социальные эффекты.

Модель «событийного рекорда», продемонстрированная в Астане, представляет собой инновационный подход к реализации культурной политики, который может найти применение в различных национальных контекстах. Однако ее успешная реализация требует не только технического мастерства и ресурсного обеспечения, но и глубокого понимания культурных кодов общества, способности «переводить» абстрактные политические доктрины на язык ярких, понятных и эмоционально привлекательных образов и событий.

В условиях возрастающей роли культуры в международных отношениях и внутренней политике государств, опыт Казахстана в области создания эффективных механизмов культурной мобилизации представляет значительный интерес для международного научного сообщества и практиков культурной политики.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2001.
- Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее. Модернизация общественного сознания. 2017. URL : https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения 01.08.2025).

3. ОФ «Десента». Изучение общественного мнения по вопросам реализации программы «Рухани Жаңғыру». 2019. URL : <https://decenta.kz/wp-content/uploads/2020/05/Analiticheskij-doklad.pdf> (дата обращения 02.08.2025).
4. Концепция культурной политики Республики Казахстан на 2023–2029 годы. 2023. URL : <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000250> (дата обращения 03.08.2025).
5. Kazinform. 80 лет Победы. Портрет Бауыржана Момышулы вошёл в Книгу рекордов Гиннеса. 2025. URL : <https://www.inform.kz/ru/80-let-pobedi-portret-bauyrzhana-momishuly-zayavlen-na-registratsiyu-v-knigu-rekordov-ginnessa-85d212> (дата обращения 04.08.2025).
6. В Астане создали крупнейшую фотомозаику Бауыржана Момышулы. 2025. URL : <https://orda.kz/v-astane-sozdali-krupnejshuju-fotomozaiku-bauyrzhana-momishuly-401310> (дата обращения 05.08.2025).
7. КГУ «Дирекция по реализации государственного творческого заказа» акимата города Астаны. 2025. URL : <https://pk.uchet.kz/search/bin/231240008715> (дата обращения 06.08.2025).
8. Портрет Бауыржана Момышулы вошел в Книгу рекордов Гиннеса. 2025. URL : <https://ru.turkistan.today/life-style/12868-portret-bauyrzhana-momishuly-voshel-v-knigu-rekordov-ginnessa> (дата обращения 07.08.2025).
9. Более трех тысяч домбристов установили рекорд в Астане. 2024. URL : <https://www.zakon.kz/obshestvo/6454406-bolee-trekh-tysyach-dombristov-ustanovili-rekord-v-astane.html> (дата обращения 08.08.2025).
10. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. London : Palgrave Macmillan, 2007. DOI: 10.1057/9780230627727
11. Bailey C. Cultural Governance: Current and Future European Perspectives – ENCATC Advances in Cultural Management and Policy. Routledge / C. Bailey, E.T. Charalambous, G. Drion. 2024.
12. Council of Europe. Regional Programme on Cultural and Natural Heritage in South East Europe. 2023. URL : <https://www.coe.int/en/web/culture-and-heritage/see> (date of application 09.08.2025).
13. Mitter B. A Retrospective View on the Union's Cultural Policy: The Commission's Objectives in Distributing Project Funds across Europe's Creative Industries. Journal of European Integration. 2024. № 47(1). P. 1–22. DOI: 10.1080/07036337.2024.2382209
14. European Commission. Culture Compass for Europe: Strategic Framework for EU Cultural Policy 2025–2029. 2025. URL : <https://culture.ec.europa.eu/policies/strategic-framework-for-the-eus-cultural-policy> (date of application 10.08.2025).
15. European Research Executive Agency. European Cultural Heritage and the European Collaborative Cloud: Innovation in Transnational Cooperation. Horizon Europe Programme, Cluster 2. 2024. URL : https://rea.ec.europa.eu/funding-and-grants/horizon-europe-cluster-2-culture-creativity-and-inclusive-society/european-cultural-heritage-and-cultural-and-creative-industries_en (date of application 11.08.2025).
16. Най Дж.С. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М. : Тренд, 2004.
17. Yin R.K. Case Study Research: Design and Methods. 4th ed. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications, 2009.

References:

1. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. M. : KANONpress-C, 2001.
2. Nazarbayev N.A. A Look into the Future. Modernization of Public Consciousness. 2017. URL : https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizatsiya-obshchestvennogo-soznaniya (date of application 01.08.2025).
3. Decenta Public Foundation. Public Opinion Research on the Implementation of the Rukhani Zhangyru Program. 2019. URL : <https://decenta.kz/wp-content/uploads/2020/05/Analiticheskij-doklad.pdf> (date of application 02.08.2025).
4. The Concept of Cultural Policy of the Republic of Kazakhstan for 2023–2029. 2023. URL : <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000250> (date of application 03.08.2025).
5. Kazinform. 80 Years of Victory. Bauyrzhan Momyshev's Portrait Entered the Guinness Book of Records. 2025. URL : <https://www.inform.kz/ru/80-let-pobedi-portret-bauyrzhana-momishuly-zayavlen-na-registratsiyu-v-knigu-rekordov-ginnessa-85d212> (date of application 04.08.2025).
6. Astana creates the largest photo mosaic by Bauyrzhan Momyshev. 2025. URL: <https://orda.kz/v-astane-sozdali-krupnejshuju-fotomozaiku-bauyrzhana-momishuly-401310> (date of application 05.08.2025).
7. State Institution «Directorate for the Implementation of State Creative Orders» of the Astana City Akimat. 2025. URL : <https://pk.uchet.kz/search/bin/231240008715> (date of application 06.08.2025).
8. Bauyrzhan Momyshev's portrait entered the Guinness Book of Records. 2025. URL : <https://ru.turkistan.today/life-style/12868-portret-bauyrzhana-momishuly-voshel-v-knigu-rekordov-ginnessa> (date of application 07.08.2025).
9. More than three thousand dombra players set a record in Astana. 2024. URL : <https://www.zakon.kz/obshestvo/6454406-bolee-trekh-tysyach-dombristov-ustanovili-rekord-v-astane.html> (date of application 08.08.2025).
10. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. London : Palgrave Macmillan, 2007. DOI: 10.1057/9780230627727
11. Bailey C. Cultural Governance: Current and Future European Perspectives – ENCATC Advances in Cultural Management and Policy. Routledge / C. Bailey, E.T. Charalambous, G. Drion. 2024.
12. Council of Europe. Regional Programme on Cultural and Natural Heritage in South East Europe. 2023. URL : <https://www.coe.int/en/web/culture-and-heritage/see> (date of application 09.08.2025).

13. Mitter B. A Retrospective View on the Union's Cultural Policy: The Commission's Objectives in Distributing Project Funds across Europe's Creative Industries. *Journal of European Integration*. 2024. № 47(1). P. 1–22. DOI: 10.1080/07036337.2024.2382209
14. European Commission. Culture Compass for Europe: Strategic Framework for EU Cultural Policy 2025–2029. 2025. URL : <https://culture.ec.europa.eu/policies/strategic-framework-for-the-eus-cultural-policy> (date of application 10.08.2025).
15. European Research Executive Agency. European Cultural Heritage and the European Collaborative Cloud: Innovation in Transnational Cooperation. Horizon Europe Programme, Cluster 2. 2024. URL : https://rea.ec.europa.eu/funding-and-grants/horizon-europe-cluster-2-culture-creativity-and-inclusive-society/european-cultural-heritage-and-cultural-and-creative-industries_en (date of application 11.08.2025).
16. Nye J.S. Flexible power. How to succeed in world politics. M. : Trend, 2004.
17. Yin R.K. Case study: design and methods. 4th ed. Thousand Oaks, California: SAGE Publications, 2009.

Информация об авторе

Ерлан Жалгас

руководитель ГКУ «Дирекция по реализации
государственного творческого заказа»
акимата города Астаны, Казахстан
ORCID: 0009-0003-5064-2781
yerlan.zhalgas@internationalmail.org

Yerlan Zhalgas

Head of the State Institution «Directorate
for the Implementation of the State Creative Order»
of the Akimat of Astana, Kazakhstan
ORCID: 0009-0003-5064-2781
yerlan.zhalgas@internationalmail.org

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.08.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.09.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-3>

УДК 069.23



Attribution

cc by

ВОПРОСЫ ВЫБОРА МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Киселева О.В., Акоева Н.Б.

Краснодарский государственный институт культуры

Аннотация. Необходимость проведения анализа выбора месторасположения для провинциального краеведческого музея очень велика. От правильного выбора напрямую зависит успешная работа музея и реализация общего замысла в целом. Предметом исследования является провинциальный краеведческий музей. С помощью музея укрепляется связь жителей с их историческим наследием и именно он олицетворяет собой историю места своего нахождения. Целью исследования является определение основных принципов выбора места для создания провинциального краеведческого музея. Основным исследовательским методом служит функциональный анализ краеведческого музея, который показал, что именно историческая архитектура наилучшим образом представляет и сохраняют историческое наследие для будущих поколений. Такие объекты, в большинстве случаев, сами по себе являются произведениями искусства и не менее ценными экспонатами. Однако, в силу разных обстоятельств, идея не всегда может быть воплощена в том виде, в каком была задумана. В связи с этим, воссоздание утраченного исторического объекта может стать лучшим решением при выборе места для краеведческого музея. Это создаст возможности для усовершенствования внутренней планировки здания, проектирования большей прилегающей территории и выбора самого расположения. Такой вывод связан с глобальными изменениями методики проектирования новых форм музея. Так как на сегодняшний день музей выполняет функции центра развития туризма, образования и досуга, места презентационного мультимедийного показа культурного наследия. Музей является постоянно развивающимся креативным объектом, требующий динамичных изменений и совершенствований. Для этих целей правильно подобранное пространство станет наилучшим воплощением наибольшего количества требуемых задач.

Ключевые слова: провинциальный музей, музейное пространство, месторасположение музея, историческое наследие, музейная архитектура, памятник архитектуры, реставрация, строительство музея.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ANALYSIS OF THE CHOICE OF LOCATION FOR THE PROVINCIAL MUSEUM OF LOCAL LORE

Olga V. Kiseleva, Natalia B. Akoeva

Krasnodar State Institute of Culture

Abstract. This article discusses the need to analyze the location of a provincial local history museum. The successful operation of the museum and the overall vision depend on the right choice. The museum strengthens the connection between residents and their historical heritage, and it represents the history of the area where it is located. In most cases, these sites are works of art and valuable exhibits in their own right. The purpose of the study is to determine the basic principles of choosing a location for a provincial local history museum. The main research method is a functional analysis of the local history museum, which helps the authors identify the best way to present and preserve historical heritage for future generations. The authors conclude that the choice of a museum's location is indeed an important decision that directly affects its future. However, due to various circumstances, the idea may not always be realized as originally intended. Therefore, the reconstruction of a historical site can be the best solution for selecting a location for a local history museum, providing opportunities for improving the interior layout of the building, designing a larger surrounding area, and selecting the location itself. This is due to the global changes in the methodology for designing new museum forms.

Today, the museum serves as a center for tourism development, education, and leisure, as well as a multimedia presentation of cultural heritage. A museum is a constantly evolving creative object that requires dynamic changes and improvements. For these purposes, the right space will be the best embodiment of the greatest number of required tasks.

Keywords: provincial museum, museum space, museum location, historical heritage, museum architecture, architectural monument, restoration, museum construction.

Funding: Independent work.

Введение.

Создание музейного пространства – единая концепция, включающая в себя дальнейшую реализацию всех задач музея. Для достижения наилучшего результата важно учесть различные составляющие работы музея. Чтобы предусмотреть все нюансы необходимо подойти к вопросу комплексно. В создании концепции, как отдельной экспозиции, так и музея в целом необходимо мнение экспертной комиссии. Архитектору необходимо приложить немало усилий для передачи миссии музея через визуальный образ. Специалисты в области проектирования способны объединить в одном проекте работу различных экспертов [1]. Архитектурный памятник, интерьер и экспозиция должны дополнять друг друга. Учитываются корректировки научных сотрудников, художественных оформителей, строителей и технического персонала.

Правильно выбранное место создает желанную атмосферу для погружения посетителя в тематику, которой посвящен музей. Здания, где сами стены уже хранят историю, являются лучшим месторасположением для краеведческого музея, так как музей – это сердце истории, наивысшая ее концентрация. Такие объекты, в большинстве случаев, сами по себе являются произведениями искусства и не менее ценными экспонатами. Их история, безусловно, обогатит экспозиции музеев. Подлинность и достоверность становятся основными критериями, определяющими архитектурный стиль в целом. Созданный объект хранит в себе историю своего создателя и времени, когда он был создан. Эти вопросы поднимает в своих исследованиях М.М. Гойхман. Он отмечает, что исторический объект становится хранителем информации и с него начинается исследование историко-культурного наследия, т.е. историческая архитектура – это отражение истории в современности [2].

Интерес представляет работа Н.Л. Мысливец, которая отмечает, что музей является не только местом хранения культурного наследия, но и пространством активного взаимодействия посетителей с историей [3]. Музей – это проводник человека в его прошлое. Историко-культурная среда оказывает большое влияние на чувства, эмоции, знания и в конечном итоге на сознание, убеждения и поведение человека. Подлинные памятники архитектуры способствуют формированию исторического мировоззрения. Пребывание в таком месте отражается на поведении, морали и духовных ценностях – всем внутрен-

нем мире человека. И наоборот, отсутствие исторических и культурных объектов, не дает раскрыться в личности лучшим ее потенциальным качествам.

Важное значение для нашего исследования имела работа Л.Н. Мазур. Автор справедливо считает, что историко-культурный ландшафт населенного пункта представляет его лицо, соединяя в элементах ландшафта следы времени в одно целое [4]. Научное понятие *genius loci* в значении «гений или дух места» было введено советским культурологом, историком Н.П. Анциферовым (1889–1958) для описания своеобразия (души) города. Он представлял город как целостный историко-культурный организм в совокупности как материального, так и нематериального, воплощенного в историко-архитектурном пейзаже, названиях улиц и площадей, литературе, посвященной настоящему и прошлому, символах и образах. Анциферов отмечает: «Изучение города, как органического целого, дает опыт постижения историко-культурного организма, в его видоизменениях... Если сумеем воспользоваться живыми образами, это поможет ощутить прошлое живым, конкретным, а потому и доступным пониманию» [5, с. 45].

Кроме этого, размещение музея в объектах исторического и культурного наследия оказывает влияние на развитие территории [6], ведь часто такие сооружения требуют частичной или полной реставрации. Решение разместить в таком месте музей, становится стимулом к его восстановлению. Очевидно, что музей здесь играет роль инструмента воссоздания культурно-исторического наследия местности.

Музей, как и прежде, выполняет научно-исследовательскую, культурно-просветительскую функции [7]. Тем не менее, в современном мире эта культурная институция видоизменилась. Современные музеи пережили эволюцию от места, где хранятся предметы истории и искусства, до самостоятельных объектов искусства, одним из центров индустрии интеллектуальных развлечений [8]. Кроме этого, имеет обоснование мнение М.А. Беляевой и Т.А. Ладыгиной, что музей берет на себя роль лидера культурных индустрий и влияет на городское развитие [9]. Такая экспертно-защитная функция сохраняет и преобразовывает культурный капитал территории в экономический капитал. А именно, провинциальный краеведческий музей вносит вклад в сохранение и улучшение городской среды от производства в обращении с историей и позиционировании «духа

места». Таким образом, памятники архитектуры и музеи выполняют общие социальные функции, такие как гносеологическую, передавая достоверные знания, воспитательную, формируя мировоззрение человека, коммуникативную, сплачивая людей вокруг идеалов исторической истины, а также экспертно-защитную, сохраняя культурный капитал территории. Все это объединяет в единое целое музееведческое дело и историко-архитектурное наследие.

Целью исследования является определение основных принципов выбора места для провинциального краеведческого музея.

Задачи исследования: показать важное значение расположения провинциального краеведческого музея в городской или сельской среде; обозначить этапы формирования концепции строительства нового музейного комплекса.

Предметом исследования является провинциальный краеведческий музей.

Научная новизна исследования состоит в выявлении всех факторов, влияющих на выбор месторасположения провинциального краеведческого музея в современных условиях.

Методология и методы исследования. Основным исследовательским методом является функциональный анализ.

Обсуждение.

В населенных пунктах, насчитывающих 200 и более лет со дня основания, в большинстве случаев имеются сохранившиеся памятники архитектуры. Среди них учебные заведения, учреждения культуры, доходные дома, особняки и другие уникальные строения.

Исторические объекты помогают познанию подлинной истории родного села, города и страны в целом. Наличие таких объектов воспитывает в местных жителей чувство патриотизма и гордости за свою малую родину. Воспитание исторической истиной – главная цель во всей памятнико-охранной деятельности. Подобные здания располагаются в историческом центре населенного пункта, что также является наилучшим местом расположения музея. Культурная значимость должна проявляться и визуально и именно музей является ведущим объектом формирования архитектуры городского ансамбля.

Проблемы сохранения историко-культурных комплексов остаются актуальными на протяжении многих лет. Сохранение таких объектов является альтернативой хозяйственным преобразованиям окружающей среды и процессам урбанизации. Такие изменения далеко не всегда на стороне историко-культурных ценностей [10, с. 13]. Сельский или провинциальный культурный ландшафт можно считать обыденным явлением, однако в своей наибольшей неизменности он сохранился в периферийных и отдаленных от

административно-хозяйственных центров районов. Таким примером служит северная территория России. Сельская местность центральной части страны подверглась большим изменениям. Однако большое количество сельских музеев является подтверждением стирания граней культурного уровня между провинцией и городским населением. Музеефикация памятников – составная часть охраны культурного наследия [11, с. 382]. На сегодняшний день музеефикация наиболее выигрышный путь сохранения и использования памятника.

Однако не редки случаи, когда архитектурное наследие находится в частной собственности. Еще больше примеров говорит о ненадлежащем использовании произведений архитектурного искусства. Разрешение подобных ситуаций, как правило, затягивается на долгий срок или вовсе не имеет результата. Особенно часто такое происходит в провинциальных населенных пунктах. Выходом из подобного положения может служить строительство нового архитектурного комплекса по проекту сохранившегося или утраченного памятника архитектуры, иными словами – реконструкция. Практика постройки специально спроектированных зданий под музей на территории России незначительна. Вместо этого рекомендовалось приспособлять под музей заброшенные и находящиеся в плохом состоянии объекты архитектуры. Примером может послужить один из первых на Кубани – Темрюкский историко-археологический музей, основанный в 1920 году на базе естественно-исторической выставки Темрюкского реального училища [12, с. 28]. Однако история строительства музеев знает примеры блестящих архитектурных решений, специально предназначенных для музейного показа.

Роль музея как культурного института была существенно переосмыслена с конца XX по начало XXI вв. [13, с. 13]. На сегодняшний день музей как субъект культуры находится в рефлексирующем состоянии, в поиске нового статуса, новых форм работы и коммуникативных стратегий [14].

Помимо хранения культурного наследия прошлого, музей видится сегодня как современный объект, транслирующий актуальную культуру средствами новых технологий. С помощью мультимедийного контента и интерактивных экспонатов создается нужное эмоциональное настроение и атмосфера. Развитие идет по всем направлениям работы музея – концепция, экспозиционный дизайн, выставочные формы, экскурсионное сопровождение.

Музейное строительство в мире сегодня бурно видоизменяется и модернизируется. В фундамент нового здания закладывают диалог музея и экспозиции с посетителем. Современная архитектура создает задуманное впечатление раньше, чем посетитель увидит саму экспозицию [15].

За последнее время, в этом направлении активная деятельность ведется в Крыму. Создающие-

ся многочисленные музейные и выставочные и арт-пространства становятся местом притяжения туристов и фактором экономического развития. Один из таких примеров, обновленный исторический центр города Алупка. Реконструкция ее исторической части вернула городу облик XIX века. В аутентичном стиле оформлены фасады зданий, зоны отдыха, питьевой фонтан.

Другой пример – новая арт-резиденция «Тавриды» созданная в помещицком особняке Судака. В проектно-офисе работают детские кружки и секции, для всех желающих проводятся мастер-классы, выставки и лекции. Открыты шахматный клуб, гончарная мастерская, библиотека, коворкинг и многое другое.

Рассуждения о приоритете визуального образа помещения или удобства эксплуатации и сохранности экспонатов активно велись во все времена. Однако в условиях глобальных изменений методика проектирования новых форм усложняется. Это связано с необходимостью выполнения музеем функции центра развития туризма, образования и досуга, места презентационного показа культурного наследия [16].

В современном мире музеев, в какой-то степени, утратил свою таинственность и загадку. Внимания с наполнения фондов и выставок перешло на посетителя. Теперь именно он – главная составляющая экспозиции. То, как зритель воспринимает доносимую информацию, его комфорт и ощущения – наиболее важные аспекты в современном представлении работы музея. С переключением фокуса на посетителя изменилась и структура пространственной композиции музея.

Первостепенной стала важна не центричность, а последовательность восприятия экспозиции. Примером может стать краеведческий музей, где сохраняется четкая хронологическая последовательность экспозиций. Музей самостоятельно выполняет работу экскурсовода, ведет зрителя и рассказывает свою историю. Также новый подход в общей концепции – это динамичность, игра света, звуковое сопровождение. Однако, то, что комфортно и интересно для человека, иногда может быть губительно для экспонатов. Для нахождения компромисса, с учетом всех деталей необходимо всестороннее рассмотрение вопроса. В основе общей концепции создания музейного пространства лежит взаимосвязь всех сфер музейной деятельности.

При выборе места для строительства провинциального краеведческого музея необходимо учесть следующие факторы:

Природное окружение: рельеф, ландшафт, геологические характеристики – для организации открытой площадки. Это необходимо для проведения мероприятий и возможность размещения экспонатов на открытых экспозиционных площадках.

Форма и размер участка. При выборе участка его размер должен учитывать все размещаемые

пространства, а также иметь площадь для перспективного расширения музея. Прирост музейных фондов в год в среднем составляет 3–4 %. Их наполнение может удваиваться каждые 25–30 лет. При строительстве здания следует учитывать красные линии застройки и магистральные дороги. Расположение участка должно быть с отступом не менее 15 м, для создания озеленения защитной зоны.

Участок музея включает следующие функциональные зоны: входную, экспозиционную, рекреационную, административно-хозяйственную.

Входная зона служит местом сбора экскурсий и ожидания. Здесь осуществляется оплата посещения, размещается информация и афиши.

Экспозиционная территория является началом постоянной экспозиции в строении и предназначена для размещения экспонатов под открытым небом или выставок декоративно-прикладного искусства. Возможно устройство дендрария в экспозиционных целях. Здесь посетители получают первое впечатление от музея. Возможно наличие хозяйственной зоны для необходимых хозяйственных построек вне здания музея (гараж, склад). Вблизи следует разместить стоянку для транспорта. Вся территория ведет ко входу в сам музей.

Рекреационная зона служит местом отдыха, здесь осуществляется продажа сувенирной продукции, располагается гардероб, место для хранения. При проектировании фойе необходимо учесть размещение контроля и санузла. За рекреационной зоной располагаются выставочные залы, фондохранилище, кинолекторий, библиотека, научно-административные и технические помещения.

При проектировании экспозиционного пространства необходимо сделать его максимально большим, для разделения на секции временными конструкциями. Наиболее распространенным типом композиции здания является расположение экспозиции вокруг центрального входного зала. Осмотр организуется слева направо. Наилучшее расположение экспозиционной зоны – вблизи с фондохранилищем.

Основу музейной жизни составляют фонды – тот фундамент, на котором строится музейная работа, организовываются все без исключения виды музейной деятельности. Для этих целей необходимы специально оборудованные помещения для хранения и изучения музейных предметов. Специальные помещения требуются для научно-го персонала отдела фондов, реставраторов.

В реставрационной мастерской происходит работа с экспонатами. Для работы с экспозициями, фондами и реставрацией необходима близость хранения выставочного оборудования и инвентаря. Отдаленность хозяйственных помещений предусматривает расположение административ-

но-хозяйственной зоны и размещение рабочего персонала.

Для реализации научно-просветительской функции музею необходима лекционная зона. Залаудитория для учебных и различных творческих проектов с размещением большого количества посетителей. Важную роль в обслуживании научных сотрудников музея играет библиотека, в которой ведется комплектование краеведческой литературы. Ей при необходимости могут пользоваться и посетители.

Отличительной чертой современной музейной архитектуры является комплексное строительство музейного пространства, связанного между собой. Немаловажно наличие зоны под открытым небом. Все это объединяет музей в единый культурно-образовательный центр. Создание таких музейных пространств обеспечивает взаимосвязь прекрасного с полезным.

Возможность самостоятельно определять приоритеты жизни малых городов способна преодолеть пассивность его жителей и объединить их вокруг общей идеи. Если изменения, не будут ограничены жесткими рамками, откроется широкий спектр возможностей для развития [17].

Заключение.

С сожалением, необходимо констатировать, что значительная часть российских муниципальных музеев размещена в уже существовавших зданиях, приспособленных под музей. Это мешает

их дальнейшему развитию в связи с дефицитом помещений, отсутствием достойного бюджета на обновление и модернизацию. Поэтому важное значение для становления культурного кластера города или сельского поселения имеет строительство современного музейного здания.

Выбор места расположения музея действительно является важным моментом и напрямую влияет на его будущее. Однако, в силу разных обстоятельств, идея не всегда может быть воплощена в том виде, в каком была задумана. Воссоздание исторического объекта может стать лучшим решением при выборе места для краеведческого музея, создавая возможности для усовершенствования внутренней планировки здания, проектирование большей прилегающей территории и выбор самого расположения.

Удачный выбор месторасположения будущего музейного пространства в значительной степени зависит от его создателей. Отдельные энтузиасты или группы неравнодушных людей играют ведущую роль в этом деле. Их аргументированное видение, идеи и стремление превращают абстрактную концепцию в жизнь. Будет ли музей располагаться в отреставрированном объекте культурного наследия, в новом здании по проекту утраченного или в современном культурном пространстве – в любом случае, от идеи до воплощения, создателям музея предстоит преодолевать препятствия. Но цель, подкрепленная огромным желанием, непременно найдет пути к своей реализации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бублик Н.В. Образ музея будущего // *European Journal of Arts*. 2015. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-muzeya-buduschego/viewer> (дата обращения 28.04.2025). EDN: UGVSDL
2. Гойхман М.М. Влияние пространственной организации на восприятие и взаимодействие посетителей в современных музеях // *Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции*, М., 2025. С. 93–95. URL : [item.asp?id=80577963](https://cyberleninka.ru/article/n/pamyat-o-proshlom-v-prostranstve-sovremennogo-goroda/viewer) (дата обращения 28.04.2025). EDN: LAGPKV
3. Мысливец Н.П. Память о прошлом в пространстве современного города // *Социологический альманах*. 2018. Вып. 9. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pamyat-o-proshlom-v-prostranstve-sovremennogo-goroda/viewer> (дата обращения 06.08.2025). EDN: POJAGF
4. Мазур Л.Н. Музей в меморативном пространстве провинциального города // *Документ. Архив. История. Современность: Сборник научных трудов*. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. Вып. 22. С. 254–276. URL : https://elar.ufr.ru/bitstream/10995/117198/1/dais_2022_22_023.pdf (дата обращения 09.06.2025). EDN: YQOPEC
5. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1922.
6. Ласкина И.И. Современный музей как фактор развития // *Культура*. 2013. № 3. URL : <https://bujet.ru/article/222913.php> (дата обращения 06.08.2025).
7. Нежигай Э.Н. Коллекционирование и частные музеи Краснодарского края: к постановке проблемы // *Культурная жизнь Юга России*. 2025. № 2(97). С. 53–64. DOI: 10.24412/2070-075X-2025-2-53-64 EDN: VKVNMK

8. Попкова В.А. Пространственная структура современного музея. Три линии развития // Научный лидер. 2021. № 22(24). URL : <https://scilead.ru/article/599-prostranstvennaya-struktura-sovremennogo-muzeu> (дата обращения 06.08.2025). EDN: YBOBFQ
9. Беляева М.А. Музей как субъект культурных индустрий и городского развития / М.А. Беляева, Т.А. Ладыгина // Технологос. 2022. № 4. С. 117–130. DOI: 10.15593/perm.kipf/2022.4.10 EDN: FDBZFP
10. Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект наследия / Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. М. : Институт Наследия; СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 620 с. ISBN: 5-86007-463-8 EDN: VMWXUB
11. Шулепова Э.А. Основы музееведения. М. : Едиториал УРСС, 2005. 507 с.
12. Карева Н.В. Музеи Кубани / Н.В. Карева, А.Г. Еременко. Краснодар : Традиция, 2011. 216 с.
13. Майстровская М.Т. Музей как объект культуры. Искусство экспозиционного ансамбля – начало XXI века. М. : Прогресс-Традиция, 2022. 580 с.
14. Каверина Е.А. Музей как субъект креативных индустрий: предыстория // Общество. Среда. Развитие. 2002. № 3. С. 80–85. DOI: 10.53115/19975996_2022_03_080-085 EDN: TDBIVN
15. Бабушкина Е.С. Архитектура современных музейных зданий. Формирование смысловых моделей // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektura-sovremennyh-muzeynyh-zdaniy-formirovanie-smyslovyyh-modeley/viewer> (дата обращения 09.06.2025).
16. Скрипкина Л.И. Строительство новых музеев в контексте глобальных вызовов современности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/stroitelstvo-novykh-muzeev-v-kontekste-globalnyh-vyzovov-sovremennosti/viewer> (дата обращения 09.06.2025). EDN: VKECHF
17. Сычев А.А. Право на малый город: от публичных пространств к креативному действию / А.А. Сычев, К.В. Фофанова // Социокультурный потенциал малых городов России. 2022. С. 25–34. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-401-7/2022/2 EDN: FEXXNI

References:

1. Bublik N.V. The image of the Museum of the future // European Journal of Arts. 2015. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-muzeya-buduschego/viewer> (date of application 04/28/2025).
2. Goikhman M.M. The influence of spatial organization on the perception and interaction of visitors in modern museums // Collection of scientific articles of the III International Scientific and Practical Conference. M., 2025. P. 93–95. URL : [item.asp?id=80577963](https://scilead.ru/item.asp?id=80577963) (date of application 04/28/2025). EDN: LAGPKV
3. Myslivets N.L. Memory of the past in the space of a modern city // Sociological almanac. 2018. Iss. 9. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pamyat-o-proshlom-v-prostranstve-sovremennogo-goroda/viewer> (date of application 08/06/2025). EDN: POJAGF
4. Mazur L.N. Museum in the commemorative space of a provincial city // Document. Archive. History. Modernity: a collection of scientific papers. Yekaterinburg : Ural University Publishing House, 2022. Iss. 22. P. 254–276. URL : https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/117198/1/dais_2022_22_023.pdf (date of application 06/09/2025). EDN: YQOPEC
5. Antsiferov N.P. The soul of St. Petersburg. Petrograd : Brockhaus-Efron, 1922.
6. Laskina I.I. Modern Museum as a factor of development // Culture. 2013. № 3. URL : <https://bujet.ru/article/222913.php> (date of application 08/06/2025).
7. Nezhigai E.N. Collecting and private museums of the Krasnodar Territory: towards a problem statement // Cultural life of the South of Russia. 2025. № 2 (97). P. 53–64. DOI: 10.24412/2070-075X-2025-2-53-64 EDN: VKVHMK
8. Popkova V.A. Spatial structure of a modern museum. Three lines of development // Scientific leader. 2021. № 22(24). URL : <https://scilead.ru/article/599-prostranstvennaya-struktura-sovremennogo-muzeu> (date of application 08/06/2025). EDN: YBOBFQ
9. Belyaeva M.A. Museum as a subject of cultural industries and urban development / M.A. Belyaeva, T.A. Ladygina // Technologos. 2022. № 4. P. 117–130. DOI: 10.15593/perm.kipf/2022.4.10 EDN: FDBZFP
10. Vedenin Yu.A. Cultural landscape as a heritage object / Yu.A. Vedenin, M.E. Kuleshova. M. : Institute of Heritage; SPb. : Dmitry Bulanin, 2004. 620 p. ISBN: 5-86007-463-8 EDN: VMWXUB
11. Shulepova E.A. Fundamentals of museology. M. : Unified URSS, 2005. 507 p.
12. Kareva N.V. Museums of Kuban / N.V. Kareva, A.G. Eremenko. Krasnodar : Tradition, 2011. 216 p.
13. Maistrovskaya M.T. Museum as a cultural object. The art of the exposition ensemble – the beginning of the XXI century. M. : Progress-Tradition, 2022. 580 p.
14. Kaverina E.A. Museum as a subject of creative industries: background // Society. Wednesday. Development. 2002. № 3. P. 80–85. DOI: 10.53115/19975996_2022_03_080-085 EDN: TDBIVN
15. Babushkina E.S. Architecture of modern museum buildings. Formation of semantic models // Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts, 2016. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektura-sovremennyh-muzeynyh-zdaniy-formirovanie-smyslovyyh-modeley/viewer> (date of application 06/09/2025).
16. Skripkina L.I. Construction of new museums in the context of global challenges of our time // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2015. № 6. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/stroitelstvo-novykh-muzeev-v-kontekste-globalnyh-vyzovov-sovremennosti/viewer> (date of application 06/09/2025). EDN: VKECHF

17. Sychev A.A. The right to a small town: from public spaces to creative action / A.A. Sychev, K.V. Fofanova // Socio-cultural potential of small towns in Russia. 2022. P. 25–34. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-401-7/2022/2 EDN: FEXXNI

Информация об авторах

Киселева Ольга Викторовна

магистрант,
Краснодарский государственный институт культуры;
специалист по маркетингу,
Централизованная библиотечная система
города Краснодара
Olgakiseleva193@mail.ru

Olga V. Kiseleva

Master's Student,
Krasnodar State Institute of Culture;
Marketing Specialist,
Centralized Library System of the city of Krasnodar
Olgakiseleva193@mail.ru

Акоева Наталья Борисовна

доктор исторических наук,
доцент,
профессор кафедры,
Краснодарский государственный институт культуры
Olgakiseleva@mail.ru

Natalia B. Akoeva

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department,
Krasnodar State Institute of Culture
Olgakiseleva@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.08.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.09.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-4>
УДК 130.2



Attribution
cc by

РИТУАЛИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА И ЦИФРОВИЗАЦИИ

Колчин Е.Ю.

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

Аннотация. Цель исследования – охарактеризовать специфику постмодернистского ритуала и выявить культурные факторы, повлиявшие на трансформацию ритуальных практик. В статье рассматриваются особенности повседневности как культурного пространства, в котором ритуал утрачивает устойчивые символические структуры, превращаясь в гибкий, фрагментарный и медиазависимый феномен. Раскрываются характерные черты постмодернистского ритуала: эстетизация, символическая многозначность, игровая природа, утрата привязки к сакральному пространству и времени, а также его роль в формировании индивидуальной идентичности. Особое внимание уделяется влиянию процессов глобализации, цифровизации и массовой культуры на характер символического действия. Научная новизна исследования заключается в систематизации признаков постмодернистского ритуала; результаты исследования формулируют понимание постмодернистского ритуала как культурного инструмента самопроектирования и коммуникативного взаимодействия в условиях текучей современной реальности.

Ключевые слова: ритуал, постмодерн, повседневность, социокультурные практики, идентичность, перформативность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

RITUALIZATION OF EVERYDAY PRACTICES IN THE ERA OF POSTMODERN AND DIGITALIZATION

Egor Yu. Kolchin

National Research Mordovian State University named After N.P. Ogarev

Abstract. The purpose of the study is to characterize the specifics of postmodern ritual and identify cultural factors that influenced the transformation of ritual practices. The article examines the features of everyday life as a cultural space in which ritual loses stable symbolic structures, turning into a flexible, fragmentary and media-dependent phenomenon. The characteristic features of postmodern ritual are revealed: aestheticization, symbolic ambiguity, playful nature, loss of attachment to sacred space and time, as well as its role in the formation of individual identity. Particular attention is paid to the influence of globalization, digitalization and mass culture on the nature of symbolic action. The scientific novelty of the study lies in the systematization of the features of postmodern ritual; the results of the study formulate an understanding of postmodern ritual as a cultural tool for self-projection and communicative interaction in the conditions of fluid modern reality.

Keywords: ritual, postmodernity, everyday life, socio-cultural practices, identity, performativity.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли ритуала в современном постмодернистском обществе, в котором традиционные формы символического действия утратили свою монополию, уступив место гибким, фрагментарным и медиазависимым практикам. Как отмечает В.И. Шиповская, «ритуалы присутствуют в любой культуре и лю-

бом обществе на всех стадиях его развития, от первобытности до постмодерна <...> любая культура, субкультура, контркультура, социальный институт, а также любая сфера жизнедеятельности, включая саму повседневную рутину, имеют свои собственные ритуалы, сопряжённые с ролевым поведением» [8, с. 164, 168].

В условиях повсеместной цифровизации, глобализации и переопределения границ между са-

кральным и профанным ритуальные действия не исчезают, а трансформируются, становясь частью повседневного культурного опыта. Эти процессы порождают новый тип ритуала, отличающийся от традиционного по структуре, функциям и символическому содержанию.

Постмодернистский ритуал отражает динамичную, нестабильную реальность и ориентирован на эстетическое восприятие, самопрезентацию и мгновенную эмоциональную вовлечённость.

Несмотря на интерес к теме ритуала в современных гуманитарных науках, аспекты его проявления в условиях постмодерна остаются недостаточно изученными. Между тем, анализ постмодернистских ритуалов позволяет глубже понять, каким образом культурные механизмы адаптируются к меняющемуся символическому ландшафту и какую роль играют ритуальные формы в производстве идентичности, социальных связей и коммуникативного опыта.

Теоретическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных авторов, анализирующих ритуал в контексте философии, культурологии и социологии (В.В. Глебкин, В.А. Кузьменков, В.И. Шиповская, Э. Рэтклифф, В. Бакстер, М. Аурискикко, П. Чайлдс и Н. Мартин). Повседневность и её связь с сакральным исследовали Е.В. Горбунова, О.В. Мащитко, Н. Миронов, Н. П. Цыгуля и др.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения её результатов при анализе современных культурных практик, в том числе в медийной, маркетинговой, образовательной и социокультурной сферах. Материалы статьи могут быть использованы в рамках курсов по культурологии, философии культуры, социологии повседневности, а также при разработке программ, направленных на исследование и проектирование культурных ритуалов в постмодернистском контексте. Кроме того, исследование может служить основой для дальнейшего изучения трансформаций символических форм в глобализированном информационном обществе.

Обсуждение.

Повседневность представляет собой многослойный феномен культуры, наполненный значимыми паттернами действий, которые воспроизводятся с определенной периодичностью и образуют основу человеческого существования. Пространство повседневности, хотя и воспринимается субъектами как нечто самоочевидное и естественное, на самом деле является сложно организованной системой, функционирующей по определенным законам и правилам. Ритуализация повседневных практик выступает центральным механизмом упорядочивания жизненного мира и наделения его культурными смыслами.

На наш взгляд, целесообразно поставить следующие вопросы: Обязательно ли ритуальность и быт противоречат друг другу? Какое отношение к

ритуалу имеет сакральность, присутствует ли она в постмодернистской повседневности и, если да, в каком качестве?

В соответствии с мнением Н. Миронова, «нам довелось жить в эпоху, когда в человеческой жизни происходит коренная трансформация всех аспектов бытия, когда в нашей жизни появляются совершенно новые сферы, и в то же время практически полностью исчезают другие, чрезвычайно важные измерения. И в первую очередь это касается сферы сакрального» [5].

А.В. Савкина предлагает понимать под сакральным «элемент социального воображаемого, относящийся к ценностям определенной социальной группы, характеризующийся использованием в коммуникации символов с особым способом смыслопридания, существованием не-для-всех, приватностью, с чем связана его функция как основы для формирования «поля доверия» группы, его способность «образовывать» институты, и пограничным, предельным характером, исключительностью, особой пространственно-временной маркировкой, иррациональными компонентами, экспрессией, эмоциональным накалом, что делает его доступным для эстетической формы познания» [6, с. 7–8].

Согласно Е.В. Горбуновой, «современная постмодерная культура сознательно и на сущностном уровне отказывается от признания бытия какого-либо иного духовного начала – Бога, Абсолюта, божественного Первопринципа, за исключением обыденно человеческого, лишённого какой-либо устремлённости метафизическим идеалам, метафизическим реальностям» [2, с. 72]. Одновременно с этим происходит обратный процесс – ресакрализация, которая «принимает форму шаманизма и пытается обрести трансцендентный опыт в бессознательном, соматическом и вещественно-повседневном мирах, вводя в сферу сакрального обыденно человеческие и низменные ценности и феномены» [2, с. 77].

Вопросу реактуализации сакрального уделила внимание также Н.П. Цыгуля: «Для современной светской культуры характерна, в первую очередь, сакрализация индивида и его частной жизни. Философы, пишущие о тех явлениях, которые характеризуют сознание современного секулярного общества, отмечают два взаимно пересекающихся процесса: гуманизацию божественного и обожествление человеческого» [9].

На первое место сегодня выходит «примат индивида и ценность личного опыта» [10, с. 50]» [7, с. 54]. О «сакрализации сферы профанно-эстетического» упоминает О.В. Мащитко [4, с. 161], по нашему мнению, именно к этому феномену и относятся постмодернистские повседневные ритуалы.

В.А. Кузьменков отмечает, что «существует большое число определений ритуала от стандартных трактовок его как стереотипной последовательности действий при выполнении опре-

делённых операций до понимания его как сложной формы символических действий, встречающихся в культовых системах» [3, с. 153].

В соответствии с В.В. Глебким, «с конца XIX века слову «ritual» наряду с сохраняющимся и цементирующим семантическое поле религиозным, все более и более активно придается и бытовое, сниженное значение. Ritual трактуется как выполняемое с особой тщательностью действие, главные побудительные мотивы которого определяются не практической пользой (с практической точки зрения оно может выглядеть абсолютно бессмысленным), но высшими, символическими ценностями, стоящими над реальностью быта» [1, с. 13].

Очень точное и современное прочтение ритуала – созвучное, по нашему мнению, постмодерну,

предлагают Э. Рэтклифф, В. Бакстер, М. Аурисиккио, П. Чайлдс, Н. Мартин: «Намеренное поведение или последовательность действий с неочевидными причинно-следственными связями, которые вызывают усиленную эмоциональную реакцию... хотя определенное действие может быть или не быть ритуалом, степень его ритуальности можно рассматривать как спектр, поскольку поведение может обладать разной степенью осознанности и неочевидности причин» [11, с. 221].

Результаты.

Зафиксируем отличия постмодернистского ритуала от традиционного в таблице 1.

Таблица 1

Отличия постмодернистского ритуала от традиционного

	Традиционный ритуал	Постмодернистский ритуал
Отношение к аутентичности	Аутентичность переживания и неразрывная связь с традицией	Игра с аутентичностью, комбинация элементов разных традиций
Коллективность	Физическое соприсутствие и коллективное действие	Допустимость индивидуализированного участия и фрагментации коллективного опыта
Телесность	Центрирование вокруг тела, физических действий и изменений телесного состояния	Возможность смещения акцента с тела на символическое действие
Роль авторитета	Четкая иерархия и авторитет традиции	Деконструкция авторитета, допустимость множественности интерпретаций
Пространство	Локализация в сакральном пространстве, четко отделенном от профанного	Размытие границ между сакральным и профанным пространством
Отношение к символу	Стабильные символы с фиксированными значениями	Игра с символами, переплетение и переозначение их
Нарратив	Встроенность в целостный мифологический нарратив	Фрагментация нарратива, создание коллажа из разных мифологических систем
Соотношение игры и серьезности	Сочетание игрового и серьезного в строго определенных пропорциях	Допустимость иронии над серьезностью, превращение ритуала в игру

Постмодернистский ритуал лишён жесткой привязки к определённой вере, догматике или сакральной традиции, и его структура не предполагает обязательного обращения к высшей силе. Он существует в условиях, когда любая форма может быть переосмыслена, интерпретирована, иронизирована или деконструирована. Повторяющиеся действия, которые в прошлом служили закреплению мифологического порядка, теперь могут выполняться ради самопрезентации, поддержания социальной коммуникации или создания визуального образа. Прежнее единство формы и содержания, характерное для традиционных ритуалов, распадается: форма может быть воспроизведена без изначального содержания, а смысл заменён множеством возможных интерпретаций, включая намеренно поверхностные.

Важнейшей особенностью постмодернистских ритуалов становится их фрагментарность. Они редко образуют цельный, связный комплекс дей-

ствий, интегрированный в непрерывный культурный цикл. Чаще это автономные события, лишённые строгой привязки к календарю, мифу или религиозной последовательности. Такие ритуалы могут существовать лишь в определённом контексте, исчезая вместе с ним. Они легко переносятся из одной среды в другую, меняют визуальные и символические коды в зависимости от аудитории, что делает их гибкими, но одновременно неустойчивыми.

Далее, возникновение постмодернистских ритуалов обусловлено сложным переплетением социально-культурных процессов, которые, в совокупности, изменили саму природу символического действия.

Переход от индустриального общества к информационному привёл к ускорению потоков данных, непрерывному обновлению знаков и образов, а также к ситуации, в которой смысл перестал быть устойчивой величиной. В этой среде любое

культурное действие, включая ритуальное, приобретает свойство быть временным, адаптивным и зависимым от текущей медийной или социально-политической конъюнктуры.

Традиционные источники ритуальной нормативности, такие как религиозные институты или устойчивые локальные сообщества, утратили прежнюю монополию на формирование обрядовых моделей, что открыло пространство для свободного комбинирования элементов из самых разных культурных пластов.

Снижение влияния централизованных авторитетов в сфере смыслопроизводства создало условия, в которых ритуал может зарождаться и распространяться спонтанно, без институциональной санкции. Массовая культура, подкреплённая глобальной сетью коммуникаций, предложила неисчерпаемый репертуар форм, которые легко воспроизводить и модифицировать. Реклама, кинематограф, мода и популярная музыка перестали быть лишь развлекательными или коммерческими практиками, превратившись в источники новых символических кодов, интегрируемых в повседневные действия. Эти коды могут мгновенно преодолевать географические и культурные границы, обретая популярность в масштабах планеты.

Важным фактором стало и то, что глобализация не только расширила ареал культурных форм, но и сделала возможным синтез элементов, которые ранее никогда не взаимодействовали. В постмодернистском пространстве возможно соединение традиционных обрядовых деталей с современными медийными эффектами, а сакральных символов – с коммерческими брендами, причём подобные сочетания воспринимаются не как профанация, а как игра со смыслами.

Таким образом, социально-культурная среда постмодерна не просто предоставляет ресурсы для возникновения ритуалов нового типа, но и формирует особую атмосферу, в которой эти ритуалы становятся возможными. Их бытие определяется скоростью обмена информацией, гибкостью символов, отсутствием жёстких границ между локальным и глобальным, а также готовностью участников вовлекаться в ритуальные действия ради обмена опытом, создания эмоциональной связи или утверждения собственной роли в символическом пространстве современности.

Не менее важно отметить, что в постмодернистской среде ритуалы играют ключевую роль в процессе формирования и поддержания индивидуальной идентичности, превращаясь в инструмент самопроектирования, который действует не только во внутреннем, но и в публичном измерении. Личность здесь воспринимается как динамическая конструкция, постоянно обновляемая через символические акты, выполняемые в повторяющихся формах. Ритуальное

участие становится способом закрепить определённый образ себя, встроить его в сеть социальных связей и утвердить в глазах других. В отличие от традиционных моделей, где идентичность была во многом задана заранее и воспроизводилась через коллективные формы, постмодернистский подход делает её результатом постоянной работы над собственным образом.

Заключение.

Постмодернистский ритуал – явление, сформированное на пересечении обыденного и символического, сакрального и игрового, индивидуального и массового. Его существование в культурной ткани современности свидетельствует не столько о разрушении ритуальных структур, сколько об их глубокой трансформации. Ритуал больше не требует устойчивой опоры на традицию, институциональное признание или фиксацию в сакральном пространстве. Вместо этого он проявляется как гибкая, текучая форма, способная адаптироваться к любому контексту и мгновенно менять своё значение в зависимости от ситуации.

Феномен постмодернистского ритуала показывает, насколько повседневность способна вбирать в себя ритуальные функции, при этом не утрачивая своей кажущейся обыденности. Он перестаёт быть исключительным событием и становится частью культурного ритма – разорванного, но всё же узнаваемого. Символическая насыщенность сочетается с фрагментарностью; эмоциональная включённость – с возможностью иронической дистанции. Это противоречие не ослабляет ритуал, а, напротив, делает его особенно выразительным инструментом культурной навигации.

Современные ритуальные формы свидетельствуют о том, что стремление к повтору, фиксации идентичности и коллективному участию остаются фундаментальными потребностями человека. Однако пути их реализации изменились: теперь ритуал не столько утверждает порядок, сколько создает возможность кратковременного включения в значимое переживание, которое, пусть и не закрепляется в долговременной структуре, тем не менее оставляет след – визуальный, эмоциональный, коммуникативный.

Именно эта способность постмодернистского ритуала одновременно быть и серьёзным, и условным, временным и значимым, делает его ключевым культурным механизмом эпохи, в которой постоянство уступило место вариативности, а истина – множественности точек зрения.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением ритуалов культур, субкультур и контркультур в социальных медиа, а также потребительских ритуалов и их конструирования разными брендами.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М. : «Янус-К», 1998. 168 с. ISBN: 5-8037-0008-8 EDN: QIQPGN
2. Горбунова Е.В. Актуализация феномена сакрального в ситуации кризиса современной культуры // Сервис plus. 2015. Т. 9. № 1. С. 71–78. DOI: 10.12737/7585 EDN: TKQTTB
3. Кузьменков В.А. Ритуалы как факторы возникновения ценностей // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 152–157. EDN: YRIDNG
4. Мащитко О.В. Этизация и эстетизация как пути девальвации трансцендентности в постсекулярной религиозной идеологии // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2017. № 7. С. 155–162. EDN: ZHAOJT
5. Миронов Н. Сакральность и ритуал. // Воздушный Замок. 2010. 19 янв. URL : <https://rmvoz.ru/forums/index.php?topic=303.0> (дата обращения 21.07.2025).
6. Савкина А.В. Понятие сакрального в условиях современного общества : автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / А.В. Савкина. М., 2012. 22 с. EDN: QHZYJD
7. Цыгуля Н.П. Конец или реактуализация сакрального // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 2. С. 53–57. EDN: LDNXUJ
8. Шиповская В.И. Ритуал в структуре повседневности современного общества. Томск : Актуальные проблемы социальных и гуманитарных наук, ТГУ, 2001. С. 161–168.
9. Ferry L. L'homme Dieu ou le sens de la vie. Paris, 1996. 184 p.
10. Meslin M. Le sacre et l'intime // Le christianisme dans la societe. Paris : Le Cerf, 1998. 335 p.
11. The role of ritual communication in consumption: A consumer coffee experience / E. Ratcliffe [et al.] // International Journal of Food Design. 2024. Vol. 9. № 2. P. 219–243. DOI: 10.1386/ijfd_00067_1 EDN: TEDXQM

References:

1. Glebkin V.V. Ritual in Soviet culture. M. : Janus-K, 1998. 168 p. ISBN: 5-8037-0008-8 EDN: QIQPGN
2. Gorbunova E.V. The introduction of anonymous hacking into the economy of Kazakhstan // Serv plus. 2015. Vol. 9. № 1. P. 71–78. DOI: 10.12737/7585 EDN: TKQTTB
3. Kuzmenkov V.A. Rituals as factors of the emergence of values // Socio-political sciences. 2018. № 1. P. 152–157. EDN: YRIDNG
4. Mashchitko O.V. Etization and aestheticization as ways of devaluation of transcendence in postsecondary religious ideology // Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical sciences. 2017. № 7. P. 155–162. EDN: ZHAOJT
5. Mironov N. Sacredness and ritual. Text: electronic // The air Castle. 2010. January 19. URL : <https://rmvoz.ru/forums/index.php?topic=303.0> (date of application 07/21/2025).
6. Savkina A.V. The concept of the sacred in modern society: abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.11 / A.V. Savkina. M., 2012. 22 p. EDN: QHZYJD
7. Tsygulya N.P. The end or reactualization of the sacred // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2010. № 2. P. 53–57. EDN: LDNXUJ
8. Shipovskaya V.I. Ritual in the structure of everyday life of modern society // Tomsk: Current Problems of Social Sciences and Humanities, TSU, 2001. P. 161–168.
9. Ferry L. Man God or the Meaning of Life. Paris, 1996. 184 p.
10. Meslin M. The Sacred and the Intimate // Christianity in Society. Paris: Le Cerf, 1998. 335 p.
11. The role of ritual communication in consumption: A consumer coffee experience / E. Ratcliffe [et al.] // International Journal of Food Design. 2024. Vol. 9. № 2. P. 219–243. DOI: 10.1386/ijfd_00067_1 EDN: TEDXQM

Информация об авторе

Колчин Егор Юрьевич
аспирант,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва
kolchin_egor@inbox.ru

Egor Yu. Kolchin
Graduate Student,
National Research Mordovian State University
named after N.P. Ogarev
kolchin_egor@inbox.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.08.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.09.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-5>

УДК 130.2



Attribution

cc by

КУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ ТИПИЗАЦИИ В ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Макевнин А.В.

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы работы с идентичностью города в контексте современных практик территориального развития. На основе анализа экспертных мнений исследуются основные риски профанации идентичности при реализации проектов городского благоустройства. Особое внимание уделяется противоречию между стремлением к визуализации локальной специфики и опасностью её упрощенного, механистического воспроизведения. Выявляются ключевые факторы, приводящие к обесцениванию идентичности: от типизации проектных решений до поверхностного использования культурных символов. Анализируются методологические трудности измерения и оценки идентичности, а также проблемы соотношения природных, социальных и искусственно создаваемых компонентов городской среды. Предлагается переосмысление подходов к работе с идентичностью через призму естественных оснований места и социальных практик местного сообщества. Результаты исследования могут быть использованы при разработке проектов территориального развития и формировании политики в области городского планирования.

Ключевые слова: идентичность города, символический капитал, культурный ландшафт, локальная культура, культурная профанация, городское планирование.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CULTURAL RISKS OF TYPIFICATION IN CONTEMPORARY URBAN PLANNING PRACTICES

Andrey V. Makevnin

National Research Mordovian State University named After N.P. Ogarev

Abstract. The article examines the pressing issues of working with the identity of a city in the context of modern territorial development practices. Based on the analysis of expert opinions, the study investigates the main risks of identity profanation in urban improvement projects. Special attention is paid to the contradiction between the desire to visualize local specificity and the danger of its simplified, mechanistic reproduction. The research identifies key factors leading to the devaluation of identity: from the typification of design solutions to the superficial use of cultural symbols. The article analyzes methodological difficulties in measuring and evaluating identity, as well as the problems of correlation between natural, social, and artificially created components of the urban environment. The study proposes a rethinking of approaches to working with identity through the lens of natural foundations of place and social practices of the local community. The research results can be used in the development of territorial development projects and the formation of urban planning policies.

Keywords: identity of a city, symbolic capital, cultural landscape, local culture, cultural profanation, urban planning.

Funding: Independent work.

Введение.

Реализация проектов городского развития в современной России демонстрирует риск профанации идентичности – явление, при котором попытки подчеркнуть уникальность места приводят

к обратному эффекту. Механическое тиражирование культурных символов, поверхностное использование исторических мотивов и формальный подход к работе с локальным контекстом создают риски размывания подлинной идентичности территорий. Данная ситуация требует кри-

тического анализа существующих практик и выработки новых подходов к работе с идентичностью города, учитывающих как материальные, так и нематериальные аспекты развития среды.

Особую значимость проблема приобретает в контексте растущего противоречия между стремлением к визуализации локальной специфики и ограниченностью инструментов её воплощения. Профессиональное сообщество всё чаще сталкивается с парадоксальной ситуацией: чем активнее попытки внедрить элементы идентичности в городскую среду, тем выше риск её обесценивания. Это актуализирует потребность в переосмыслении самих оснований работы с культурным своеобразием мест, поиске новых форм репрезентации локальной специфики.

Цель статьи – исследовать методологические противоречия, возникающие при попытках интеграции элементов идентичности в современные проекты городского развития, и выявить ключевые факторы, влияющие на качество работы с культурным своеобразием территорий. На основе анализа экспертных мнений и конкретных примеров предполагается определить основные риски профанации идентичности и наметить пути их преодоления.

Результаты.

Проведенное исследование позволило выявить ряд существенных закономерностей в практике работы с идентичностью города и сформулировать принципы повышения эффективности данной деятельности.

Во-первых, критическое значение имеет методология первичного анализа территории. Успешные проекты начинаются с глубинного изучения места, включающего не только очевидные культурные и исторические маркеры, но и анализ повседневных практик, социальных связей, природных особенностей территории. Такой комплексный подход позволяет выявить подлинные основания идентичности и избежать поверхностных решений.

Во-вторых, существенную роль играет качество профессиональной экспертизы. Выявлена прямая зависимость между уровнем компетенций проектной команды и способностью находить нестандартные решения, позволяющие избежать типизации при работе с идентичностью. Особенно важным оказывается умение интерпретировать локальный контекст и трансформировать его в современные пространственные решения.

В-третьих, обнаружена необходимость разработки специальных инструментов оценки качества работы с идентичностью. Существующие методы, основанные преимущественно на количественных показателях, не позволяют адекватно оценивать качественные характеристики реализуемых проектов и их влияние на развитие территории.

Наконец, выявлена потребность в формировании новых подходов к документации и регламентации работы с идентичностью. При этом исследование показало, что в определенных контекстах применение типовых решений может быть более целесообразным, чем попытки искусственного внедрения элементов локальной специфики. Установлено, что качественная реализация стандартных планировочных и функциональных решений зачастую более эффективна для развития территории, чем формальное тиражирование культурных символов в элементах благоустройства.

Таким образом, исследование демонстрирует необходимость перехода от формального воспроизведения символических элементов к глубинному пониманию культурного кода места. Ключевой задачей становится поиск баланса между сохранением культурной самобытности и современными требованиями к развитию территорий.

Обсуждение.

Изменение роли городов в глобальном контексте, усиление конкурентной борьбы между территориями, постоянная трансформация городского социокультурного пространства и межгородские миграции обуславливают потребность в осмыслении феномена идентичности города. В связи с этим, необходимо разграничить три взаимосвязанных, но принципиально различных понятия: городская идентичность, идентичность города, идентичность с городом [1, с. 55].

Городская идентичность отражает то, как жители воспринимают себя в качестве представителей определенного городского сообщества. Идентичность города – «представления о городе, в которых описывается его сущность, специфика, особенности, сходства и различия с другими городами» [1, с. 55].

Концепт идентичности с городом представляет особый интерес, поскольку является важным психологическим компонентом личностной идентификации. В этом контексте город становится неотъемлемой частью индивидуальной биографии человека. На формирование такой идентичности влияет ряд ключевых факторов: развитость социальных связей индивида, длительность проживания в городской среде, субъективная удовлетворенность социально-экономическими возможностями города, наличие собственного жилья, а также фактор места рождения.

Терминологическая неточность в профессиональном дискурсе, особенно в практике территориального брендинга, где понятия городской идентичности и идентичности города нередко отождествляются, требует обращения к работам исследователей, опровергающих эту позицию. Так, в соответствии со взглядом Н.С. Дягилевой, «городская идентичность – это компонент социальной идентичности личности, социокультур-

ный конструкт, формируемый в результате идентификации человека с конкретной городской общностью и определяемый усвоением и воспроизводством символического капитала города, социальных норм и стиля жизни, объединяющих жителей данного города» [1, с. 56].

А.В. Микляева и П.В. Румянцева понимают под городской идентичностью «результат идентификации человека с городской общностью как большой социальной группой, занимающей определенное положение в ряду других общностей, выделяемых по признаку городской принадлежности» [4, с. 11].

По оценке К.А. Пуниной и М.В. Ромашовой, «городская идентичность рождается в процессе соотнесения сравнения оценивания различения и отождествления образа Я и образов территориальных общностей». [7, с. 2]. Обобщая существующие определения, можно сделать вывод о «концентрации внимания в структуре дефиниции [городской идентичности] на социальную составляющую идентичности, отождествляемую с территорией, конкретной исторической составляющей и конкретной общностью» [8, с. 56].

По мнению Д.М. Семёновой, поскольку идентичность – явление динамическое, проходящее определённые этапы развития, то «в ходе исследования городской идентичности важно уделять внимание не только конструкту, но и процессу его конструирования, развития и укоренения в обществе, а также процессу смены конструктов идентичности» [8, с. 56].

На наш взгляд, это касается и идентичности города. Идентичность нельзя сконструировать одномоментно, это сложный процесс, требующий поэтапного развития. Всё начинается с создания особой системы координат: сообщество формирует свои символы и ценности, опираясь на устоявшиеся представления о себе. Эти элементы складываются в единое целое благодаря объединяющему мифу, который придает им смысл и структуру. Однако недостаточно просто создать такой конструкт, он должен пройти проверку обществом. Социум может как принять предложенную модель идентичности, так и отвергнуть её. В случае отторжения начинается новый виток развития: поиск других символов и мифов, которые либо улучшат первоначальную версию, либо предложат совершенно новое видение.

А.В. Ефимов и А.П. Мина предлагают «ввести коэффициент городской идентичности для проведения исследования в конкретно выбранных городах, что позволило бы архитекторам принимать более или менее точные решения при планировке и застройке городских территорий» [2, с. 266]. Инициатива основывается на опыте международных организаций (ООН, ЕС, ОЭСР) по разработке композитных индексов общественного развития. Как полагают авторы, аналогичный количественный показатель для оценки городской идентичности, который формиро-

вался бы на основе общественных обсуждений, может позволить перевести абстрактное понятие в измеримые критерии для принятия градостроительных решений.

Таким образом, городская идентичность и идентичность города представляют собой взаимобусловленные феномены, находящиеся в диалектической взаимосвязи. Идентичность города, формируемая через его уникальные характеристики и отличительные особенности, непосредственно влияет на процесс самоидентификации горожан, предоставляя им культурно-символический материал для построения городской идентичности. В свою очередь, городская идентичность жителей, выражающаяся через их восприятие города и формы социального взаимодействия, активно участвует в конструировании и трансформации идентичности города, наполняя городское пространство новыми смыслами и практиками. Двигаясь далее, сосредоточим основное внимание на идентичности города.

Далее, важно отметить, что профессиональное сообщество всё чаще признаёт необходимость междисциплинарного подхода к анализу территории. Помимо традиционных градостроительных исследований, важную роль играет изучение социальных практик, экономических процессов, экологических особенностей [3; 6; 9; 10]. Только комплексный анализ позволяет выявить те уникальные черты, которые действительно определяют характер места.

Проблема механистического подхода к идентичности отчётливо проявляется в критическом наблюдении А. Пчелинцева: «Я вырос в Павловском Посаде, где сегодня на каждом столбе, каждой урне вижу что-то вырезанное из металла, ржавое, но похожее на узор павло-посадского платка. И это никак не делает меня еще большим патриотом родного города» [5].

Этот пример наглядно демонстрирует ключевое противоречие в современной практике работы с идентичностью – между стремлением к визуализации локальной специфики и риском её профанации. Тиражирование узнаваемых элементов местной традиции без глубокого осмысления их значения и контекста приводит к обесцениванию самой идеи идентичности.

Идентичность как процесс: как ее измерить?

Методологические трудности в работе с идентичностью отражены в размышлении Д. Сурманидзе: «Тогда нам пришлось предпринять немало усилий, чтобы все это не превратилось в нелепую пародию... Так чем измерять идентичность? Делать это «в матрешках» – у кого матрешка идентичнее – более чем странно» [5].

Обозначенная проблема измерения идентичности выходит за рамки чисто технического вопроса и затрагивает фундаментальные аспекты работы с городским пространством. Попытка квантифицировать идентичность через подсчёт типовых элементов или символов обнаруживает

свою несостоятельность при столкновении с многомерной природой этого феномена.

Важным аспектом проблемы становится соотношение между объективными и субъективными параметрами оценки. Если физические характеристики среды поддаются относительно точному измерению, то восприятие места его пользователями, его способность генерировать и поддерживать социальные связи требуют иных методологических подходов.

Отказ от упрощённого понимания идентичности предполагает разработку новых инструментов анализа городской среды. Эти инструменты должны учитывать множественность факторов, формирующих идентичность места – от материальных артефактов до нематериальных практик, от исторических напластований до современных интерпретаций.

Процессуальный характер идентичности требует особого внимания к временному измерению. Место не существует как статичный объект – оно постоянно трансформируется под влиянием социальных, экономических, культурных факторов.

Следовательно, методология оценки должна учитывать эту динамику, фиксируя не только текущее состояние, но и векторы развития.

Профессиональная рефлексия над проблемой измерения идентичности приводит к пониманию необходимости междисциплинарного подхода. Сочетание методов различных дисциплин – от социологии до антропологии, от экономики до психологии – может обеспечить более полное понимание того, как формируется и функционирует идентичность места.

Особую роль в оценке идентичности играет качество профессиональной экспертизы. Способность специалиста различать подлинные проявления идентичности и их имитацию основывается не столько на формальных критериях, сколько на глубоком понимании контекста, профессиональной интуиции и опыте работы с различными территориями.

Методологические сложности измерения идентичности указывают на необходимость более гибкого и дифференцированного подхода к оценке проектов городского развития. Вместо поиска универсальных количественных показате-

телей следует разрабатывать комплексные системы оценки, учитывающие специфику каждой конкретной территории и задачи её развития.

Наконец, методология работы с социальным измерением идентичности предполагает особое внимание к процессам коммуникации и взаимодействия внутри местного сообщества. Создание площадок для диалога, поддержка локальных инициатив, развитие форм самоорганизации становятся важными инструментами сохранения и развития идентичности места.

Заключение.

Дискуссия об идентичности места выявляет ряд фундаментальных противоречий в современной практике территориального развития. От признания возможного вреда идентичности в типовых проектах благоустройства до понимания её неизбежного присутствия в повседневных практиках – профессиональное сообщество проходит путь переосмысления базовых подходов к работе с уникальностью территории.

Многоаспектность проблемы раскрывается через различные грани: идентичность предстаёт и как управленческая задача, и как основа места, и как инструмент развития. При этом попытки её формализации и измерения часто приводят к профанации, что особенно заметно в случаях механического тиражирования локальных символов.

Существенным оказывается переход от понимания идентичности как набора визуальных маркеров к её восприятию через природные основания и социальные практики. Ландшафт и человеческий фактор выступают как фундаментальные, но часто недооценённые источники подлинной уникальности места.

Проблематика идентичности места выходит за рамки чисто проектных задач и становится частью более широкой дискуссии о путях развития территорий. В этом контексте, особую значимость приобретает способность профессионального сообщества находить баланс между типовыми решениями и сохранением локальной специфики, между экономической эффективностью и культурной ценностью, между универсальными стандартами и уникальными характеристиками места.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Дягилева Н.С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург : УрФУ, 2013. С. 54–59.
2. Ефимов А.В. Феномен городской идентичности / А.В. Ефимов, А.П. Мина // Архитектура и современные информационные технологии. 2021. № 1(54). С. 262–267. DOI: 10.24412/1998-4839-2021-1-262-267 EDN: UJJKYM
3. Касаткина С.С. Человек в урбосфере: конструирование смыслов города // Вестник Ивановско-го государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 169–176. DOI: 10.46726/И.2023.3.18 EDN: BJGESK
4. Микляева А.В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. СПб. : Речь, 2011. 160 с. ISBN: 978-5-9268-1065-5 EDN: RYUPQH
5. Нужна ли идентичность нашим малым городам? 2024. Стройэкспертиза. URL : <https://stroyex.pro/nuzhna-li-identichnost-nashim-malym-gorodam> (дата обращения 06.12.2024).
6. Пепеляева С.В. Пространство культуры современного российского города: проблема сохранения идентичности // Вестник ГГУ. 2023. № 6. С. 123–136.
7. Пунина К.А. Визуальные маркеры города: к вопросу формирования городской идентичности / К.А. Пунина, М.В. Ромашова // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». 2010. № 4(12). С. 1–9. EDN: NCDLAP
8. Семенова Д.М. Формирование городской идентичности в малых городах России // СИСП. 2015. № 6(50) С. 54–63. EDN: UZKVSP
9. Федотова Н.Г. Культурный код города // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13. № 4. С. 10–24. DOI: 10.5922/2225-5346-2022-4-1 EDN: JAMAGT
10. Федотова Н.Г. Социокультурные факторы создания и продвижения городского бренда // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 4. С. 136–145. DOI: 10.17805/zpu.2023.4.12 EDN: CDPJMD

References:

1. Diaghileva N.S. Theoretical aspects of urban identity // Branding of small and medium-sized cities of Russia: experience, problems, prospects. Yekaterinburg : UrFU, 2013. P. 54–59.
2. Efimov A.V. The phenomenon of urban identity / A.V. Efimov, A.P. Mina // Architecture and modern information technologies. 2021. № 1(54). P. 262–267. DOI: 10.24412/1998-4839-2021-1-262-267 EDN: UJJKYM
3. Kasatkina S.S. Man in the urban sphere: constructing the meanings of the city // Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities. 2023. № 3. P. 169–176. DOI: 10.46726/И.2023.3.18 EDN: BJGESK
4. Miklyaeva A.V. Urban identity of a resident of a modern megalopolis: a resource for personal well-being or a zone of increased risk / A.V. Miklyaeva, P.V. Rumyantseva. SPb. : Rech Publ., 2011. 160 p. ISBN: 978-5-9268-1065-5 EDN: RYUPQH
5. Do our small towns need an identity? 2024. Stroyexpertiza. URL : <https://stroyex.pro/nuzhna-li-identichnost-nashim-malym-gorodam> (date of application 12/6/2024).
6. Pepelyaeva S.V. Cultural space of a modern Russian city: the problem of preserving identity // Bulletin of GSU. 2023. № 6. P. 123–136.
7. Punina K.A. Visual markers of the city: on the issue of urban identity formation / K.A. Punina, M.V. Romashova // Bulletin of Perm State University. The series «Political Science». 2010. № 4(12). P. 1–9. EDN: NCDLAP
8. Semenova D.M. Formation of urban identity in small towns of Russia // CISP. 2015. № 6(50). P. 54–63. EDN: UZKVSP
9. Fedotova N.G. The cultural code of the city // Word.<url>: Baltic accent. 2022. Vol. 13. № 4. P. 10–24. DOI: 10.5922/2225-5346-2022-4-1 EDN: JAMAGT
10. Fedotova N.G. Socio-cultural factors of creating and promoting a city brand. Znanie. Understanding. Ability. 2023. № 4. P. 136–145. DOI: 10.17805/zpu.2023.4.12 EDN: CDPJMD

Информация об авторах

Макевнин Андрей Владимирович
аспирант,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва
makevnin.andrey@gmail.ru

Andrey V. Makevnin
Graduate Student,
National Research Mordovian State University
named after N.P. Ogarev
makevnin.andrey@gmail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.08.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.09.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-7>

УДК 7.071.2



Attribution

cc by

ЧЕЛОВЕК ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Г. Ш. ЯХИНОЙ «ЭЙЗЕН»)

Резник О.В.

Крымский университет культуры, искусств и туризма

Аннотация. Диалог личности с современностью рассматривается в романе-буфф современной писательницы Гузели Шамилевны Яхиной на примере биографии великого режиссера Сергея Эйзенштейна (Эйзена). Автор отходит от классической биографии, используя многочисленные художественные приёмы, создавая обобщённый образ «человека искусства» в трагическую переломную эпоху. Изображаемый образ представлен в исследовании как трехуровневая структура, включающая межличностный, субординационный и творческий аспекты существования и развития личности XX века, при этом акцент сделан на творчестве как опосредованном вызове существовавшему режиму, разворачивающемуся через опредмеченное мировоззрение художника. Рассмотрены ключевые концепты, характеризующие не только главного героя, но и наиболее ярких второстепенных персонажей, на примере которых указанный выше аспект выступает как доминантный. В качестве результата указаны ключевые концепты романа, выделены наиболее типичные черты «человека искусства».

Ключевые слова: история культуры, современная литература, «человек искусства», анализ художника, искусство и история XX века, кинематограф, режиссура, Сергей Эйзенштейн.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

A MAN OF ART IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF G. SH. YAKHINA «EISEN»)

Oksana V. Reznik

Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Abstract. The dialogue of the individual with modernity is examined in the novel by the contemporary writer Guzel Shamilevna Yakhina using the example of the biography of the Sergei Eisenstein (Eisen). The author departs from the classical biography, using numerous artistic techniques, creating a generalized image of a «man of art» in a tragic turning point. The depicted image is presented in the study as a three-level structure, including interpersonal, subordination and creative aspects of the existence and development of the personality of the twentieth century, with the emphasis placed on creativity as an indirect challenge to the existing regime. The key concepts characterizing not only the main character, but also the most striking secondary characters, in which the above-mentioned aspect acts as a dominant one, are considered. As a result, the key concepts of the novel are indicated, the most typical features of the «man of art» are highlighted.

Keywords: history of culture, modern literature, «man of art», analysis of the artist, art and history of the 20th century, cinema, directing, Sergei Eisenstein.

Funding: Independent work.

Введение.

В диссертации А.Г. Заховаевой, посвященной роли искусства в формировании личности, автор утверждает, что воспитательная функция искусства понимается как функция гуманизирующая, т.е. формирующая человеческую личность во всей ее полноте, в сумме всех ее положительных качеств. Отмечается и существование другой, противоположной тенденции (дегуманизи-

рующее действие искусства), ведущей к деформации духовно-нравственных идеалов [1].

В романе Г.Ш. Яхиной «Эйзен», вышедшем в 2025 году, главный герой – Сергей Эйзенштейн, режиссер с мировым именем, личность сложная и противоречивая, для которого роль искусства в жизни – и гуманизирующая, и дегуманизирующая одновременно. Как отмечают критики и читатели, это книга о человеке искусства, живущем в эпоху

© Резник О.В.

социальных потрясений. В своем интервью писательница утверждает, что именно данная личность строила советское прошлое.

«И так вдруг неожиданно вырос кинематограф, который из довольно низменного развлечения стал искусством № 1 нашего века (...)» [2, с. 432] — отмечает Ю.М. Лотман. Подобную модель формирования героя выбирает и Яхина, постоянно используя эффект неожиданности, непредсказуемости в изображении творческого пути «режиссера №1». Выбранный тип можно обозначить как концепт «художник»: исследователь Н.Г. Шарпенкова указывает на то, что «человек» и «художник» представляют собой несливающиеся и неразделяющиеся полюса творческой личности начала XX века [3]. Эстетизация подобного типа личности — задача автора указанной книги. Изображаемый ею Эзенштейн пытается символически пересоздать окружающую реальность, его творческое предназначение вступает в жесткую антитезу с советской властью, свидетельством чему могут служить два его фильма, приговоренные к сывке отснятого материала как неправильные, опасные для зрителя. Интересно, что писательница позволяет себе открытые комментарии произведений режиссера, в многочисленных эпитетах характеризует их художественные особенности. Она отмечает и элементы формальности, и яркие фантазийные (далекие от исторической правды) эпизоды. Именно противоречивость фигуры главного героя в совокупности с человеческими судьбами конкретной исторической эпохи обуславливает целостное восприятие его творческого пути.

Ю.М. Лотман считал, что искусство — это самая сложная машина, которую когда-нибудь создавал человек [2, с. 438]. В романе Яхиной искусство выступает не как автоматическое воздействие на окружающих и на создателя, в первую очередь, а живой организм, испытывающий и подъём, и спад. Как отмечается в одной из научных публикаций: «В рамках интерсубъективной парадигмы извечное метафизическое противостояние идеального и материального, субъективного и объективного, духовного и практического, небесного и земного мира диалектически снимается в пространстве культуры» [4, с. 38].

Обсуждение.

Для внесения большей ясности в рассматриваемый аспект художественного произведения экзистенциальный уровень диалогического отношения использован при рассмотрении субъективно-создания искусства героем романа. Контекстуальное использование научного материала смещает исследовательское внимание к интертекстуальности и суггестивности изложения. В качестве научной базы исследования представляются труды Ю.М. Лотмана [2], М.М. Бахтина [5], Н.С. Бочкаревой [6], С.В. Асенина [7], Н.А. Бердяева [8], Ю.В. Давыдова [9], В.А. Панпурина [10], В.Б. Шкловского [13] и других.

В одной из статей М.М. Бахтин замечал: «Когда человек в искусстве, его нет в жизни, и обратно.

Нет между ними единства и взаимопроникновения внутреннего в единстве личности» [5, с. 7]. Эта мысль становится ключевой в романе. Когда Эйзен в работе, в своём создании и погружении в искусство, он полностью изолируется из быта («жизни»). Примером могут служить его съёмки «Ивана Грозного», когда процесс создания фильма оказывается важнее ухода из жизни второй жены Телешевой и Мама. Пронзительные отрывки из писем, проникнутых любовью и одиночеством, вызывают читательское сопереживание, ощущение подлинности изображаемого. Но Яхина отмечает, что все они остались без ответа адресата — он снимал, и это было доминирующее начало его существования в тот период. Поэтому целью данной публикации выступает анализ изображения в романе «Эйзен» человека искусства, «художника кинематографа» как жизненной формы в контексте прошлого века.

Вслед за Н.С. Бочкаревой, взяв за основу определения жанра произведения принцип оформления героя, «мы определяем особый тип романа как роман творения героем-художником особого мира в хронотопе культуры» [6, с. 15]. В романе путь Эйзенштейна представляет собой разноречивое наполнение темы творчества — творческая личность представлена в широком синонимическом ряду: писатель воспоминаний и сценарист, критик, художник шаржей, режиссёр и лектор («Профессор С. Эйзенштейн»). К этому добавляются столь важные аспекты, как сын (в сцене, когда Эйзенштейн ослеп, он откровенно и безжалостно анализирует свои детские впечатления от семейных конфликтов не посторонним слушателем, а приехавшей утешить его Мама, которую забудет в последние годы), как любимый мужчина (авторитет для Пэры Аташевой, актрисы, журналиста и его коллеги — режиссёра, всегда находившийся на почтительном расстоянии в отдельной квартире), как ученик великого Учителя (после ареста Мейерхольда он не побоялся спрятать у себя на даче богатейший архив опального режиссера). Художник может потерять зрение, здоровье, но доминантой остаётся его память о прошлом, его восприятие окружающего мира через творчество (через шаржи, дневниковые записи, портретное сходство персонажей и реально существовавшего окружения). Яхина несколько раз прибегает к приёму изображения творческих масок, но каждый раз подчёркивает два обстоятельства: их было невообразимое множество, и они практически приросли, прикипели, приклеились к лицу мастера, поэтому его подлинный облик трудно угадать за этими обликами символического плана. Применительно к концепту «Художник», это фокусируется через анализ изображения человека искусства, «художника кинематографа» как человека исключительного, одинокого и одновременно испытывающего доминантное влечение к лицедейству и в жизни, и в творчестве.

Писательница на протяжении романа выявляет основные принципы восприятия главного героя через некий «монтаж» [4] биографии и творчества. На одной странице практически контами-

нируются описание творческого замысла во всем его глобализме и изображение сценки из жизни, когда режиссер увидел подходящую старуху и начал ее вовлекать в процесс съемки. Подобные варианты подачи материала достаточно частотны, особенно ближе к финалу произведения. Так, демонстрируя масштаб заглавных литер на мемуарах режиссёра, Яхина заметит, что подобное указывает на масштаб самопознания пишущей личности. И тут же подчёркивает, что это будут не воспоминания, а, скорее, фантазии об автобиографии, роман увлекательный и запутанный одновременно, отсылающий читателя к читаемому произведению, где сплетаются феерия и бурлеск, воссоздана бенефис-мистерия с «Я» режиссера в главной роли.

В романе представлен реальный эпизод, когда Эйзенштейн демонстрировал своей рабочей группе фильм «Александр Невский» и резюмировал итог работы над историей, призывая строить исторические ленты по-другому: без банальщины и драк, без костюмных карнавалов и плоских характеров. Для писательницы данный фрагмент биографии завершается подробным и искренним обращением к читателю и зрителю, в котором изложены принципы исторического кино, а также понимание Истории и ее роли в судьбе кинематографа вообще и личности в частности. Мир режиссёра – его фильмы, его жизнь – это творчество, на котором замыкается его биография.

В исследовании Н.А. Рудометовой подчёркнуто, что «система конфликтов обусловлена столкновением искусства и тоталитарной власти, разрушающей души и судьбы» [11, с. 20]. Данная общность подчёркивает типичность тематики и проблематики романа [7], его актуальность на современном этапе. В изображении Сталина угадываются и традиции М.А. Булгакова, и концепция Эйзенштейна о синтезе искусств: сценарий «понравился и самому Сталину: «т. Эйзенштейн справился с задачей» [12]. В романе подробно рассматривается, за что режиссер получил дважды Сталинскую премию, как он носил на груди две медали как знаки высочайшего режиссерского отличия. Одновременно с анализом второго фильма, представлен поезд товарища Жданова, в лице которого была реализована критика Сталина и запрет выхода фильма на экраны, а также попытки героя объяснить свою позицию... в общественном туалете. Гротескная наррация автора ощутимо связана с эсхатологическими мотивами тоталитарного режима, когда всепоглощающим чувством времени становится страх. Данный ракурс Яхина изображает через гиперболизированный личностный конфликт: днём мозг режиссёра говорит одни слова, снимает и задумывает героические и великие картины прошлого, ночью его сердце окрашивает изображаемого в трагические ноты одиночества и несчастья. И тут же вводится двусмысленная деталь – Эйзен перестал есть яблоки из суеверия, возможно, чтобы грех не одержал победу в мучительной борьбе мозга («что можно») и

сердца («что нужно»). Острое чувство внешней свободы в Алма-Ате оказывается обманчивым – настоящий страх уже поселился в сознании художника как внутренний конфликт.

Герой нового фильма – Иван Грозный – не преступная личность, «... а несчастная душа, мученик, чей царственный гений соразмерен масштабу вверенной ему страны, жертва, что кладёт себя на алтарь во имя её процветания» [12]. Автор несколько раз подчёркивает, что сочувствие – непереносимое условие творчества, которое непременно передастся зрителю. В романе отмечен яркий авторский параллелизм: Эйзенштейн создает героя через пороки, ошибки и муки, подобным образом изображен и сам режиссер.

Результаты.

Указанные эпизоды, сюжетные линии, специфика подачи материала через игру позволяет выделить три сквозные линии, через которые раскрывается Сергей Эйзенштейн как человек искусства: его отношение с близкими, с властью, с искусством кино. Каждый из этих аспектов демонстрирует значение личности и его место в конкретный исторический период [8].

В.Б. Шкловский в работе «Эйзенштейн» также делает попытку продемонстрировать богатство личности режиссера в различные этапы жизни. Личные впечатления автора выражаются в подробной портретной зарисовке, признании, что режиссер сказал ему «спасибо». Шкловский использует эпитет-оксюморон «грустно-весел» в описании личностных воспоминаний о режиссере. Сравнение его судьбы с пчёлами, озарёнными лучом света, является сквозным в издании. Яхина пытается данный приём трансформировать: она приводит отрывки из писем его близких, рисует сцены коммуникации, в которых раскрываются личностные качества Эйзенштейна – играющего и ищущего свой путь. Шкловский подробно анализирует становление будущего режиссера, репрезентирует его сложные отношения с матерью, указывает, как она читала ему вырезки статей из мировой прессы о его гениальности, вспоминала его детские этапы развития как художника в периоды творческого кризиса [13]. Автор «Эйзена» описывает эти эпизоды биографии художника с точки зрения матери, изображая художника как человека безжалостного к памяти (он вспоминает буржуазное детство в Риге, где его отец-архитектор создавал здания в стиле модерн и патриархально строил собственную семью). Чтобы подчеркнуть неординарность такого типажа, как «человек искусства», писательница не только пересказывает отдельные эпизоды биографии, но и вписывает его личные черты в исторический контекст: вот шла первая революция, а в этот момент в семье Эйзенштейнов происходила драма. Подобный принцип доминирует на протяжении всей наррации и позволяет автору открыто комментировать тот или иной этап становления Художника. Она

также демонстрирует приём маски, который превалирует и в профессии, и в личной жизни изображаемого ею с элементом гротеска образа.

Помимо матери, наиболее близким человеком, оказывавшим влияние на формирование Художника и его мировосприятие, писательница описывает соратника Эйзенштейна, оператора Эдуарда Тиссе. Она отмечает, что данная личность воспринимала окружающий мир преимущественно через объектив своей камеры. Подчёркивая историческую обусловленность мировоззрения создателя кино, она утверждает, что в противовес ужасам Первой мировой и Гражданской войн оператор твердо усвоил, что в финале каждого сражения поднимется солнце, а задача оператора – «ловить свет и передавать зрителю». Данный персонаж выступает на протяжении романа как «соратник». В последних эпизодах, связанных со съемками фильма «Иван Грозный», где его сменяет не только новый оператор, но и новое авторское видение, он трактуется писательницей уже как «жертва».

Отношения с близкими также представлены в романе через изображение двух женщин, которые обе были связаны и с режиссером, и с искусством – его любимыми Пэрой и Елизаветой. Автор подчёркивает, что Эйзен любил каждую, но любил по-своему: первая разделяла его замыслы, восхищалась его творческими находками, поддерживала в трудные минуты кризисов, вторая изображена, прежде всего, как хозяйка, постоянно и обильно готовящая разнообразную еду, ожидающая очередной встречи, пишущая откровенные и пространственные письма. При этом Яхина указывает на то, что каждая считала себя исключительной, достойной любви великого режиссера. И второе, что их объединяет – это второстепенная роль в жизни художника. Его доминантой остаётся служение искусству кино. Поэтому в письмах Телешевой к Эйзену звучит недоумение, страх, что любовь ушла, что она ему больше неинтересна, а значит – существование лишено смысла, если её признания не получают ответа. Писательница подчеркивает, что герой читал эти письма, но «по причине занятости» не считал нужным отвечать. Если образ первой жены тяготеет к концепту «соратника», то образ второй возлюбленной представляет собой ярко выраженный концепт «жертвы» – жертвы обстоятельств, второстепенности по отношению к кинематографу как главному делу жизни Эйзенштейна.

В этом отношении представляет интерес и такой аспект биографии режиссера, как его отношения с властью. Н.Л. Сиверцева в своем исследовании указывает, что власть может воздействовать на человека как напрямую, так и «косвенно (через политические ритуалы, символику, знаки различия, эмоциональные отношения, политическую идеологию и др.)» [14, с. 50] В рассматриваемом произведении власть представлена и через непосредственное воздействие («Ох, зна-ли-чу-ли наверху, кому поручить историю о

вражде!» [12]), и через косвенное влияние, преимущественно через прессу и идеологию, автором которой являлся и сам режиссер. Яхина демонстрирует не просто связь, а взаимообусловленность искусства и политической идеологии [15]. Писательница использует приём градации изображаемого, начиная с восклицания «О, сколько же врагов было нынче у Советской державы!», конструирует одну за другой характерные черты социума, приводит в качестве примера подробные описания карикатур в многотиражках и фильмов, в которых Вражда «виделась главной компонентой фильма, его художественным решением и скрепой» [12]. Политический заказ («Исходил заказ с самого верха...») – рассмотреть в жестокости железную твёрдость, без которой немыслимо построение огромного государства – выполнялся Эйзенштейном на разном материале, но это не избавляло его от постоянного чувства страха за собственную жизнь. Выражение «Партия вам доверяет» ведёт к упрощению и усилению влияния на творческую индивидуальность, демонстрирует тесную взаимосвязь идеологии с культурой. Политическое давление на художника осуществляется и в личной беседе со Сталиным, и через визиты Жданова на съёмочную площадку, и решение смыть негодные новой власти картины. Именно тогда, когда режиссер понимает глубинное значение власти прошлого, эта картина окажется опасной для власти современной и будет ею уничтожена как опасная. А.Я. Флиер утверждает, что и власть, и культура проявляют стремление к упорядочению общества [16, с. 41]. Эйзенштейн на протяжении жизни стремился к упорядочиванию индивидуальных интересов людей, их интеллектуальных, информационных, эмоциональных потребностей через приобщение к произведениям культуры, но всё равно не всегда «вписывался» в указанные границы воздействия на зрителя. И это пресекалось тогда, когда сверху решалось, что нарушена «познавательная и воспитательная роль искусства» [6]. Для художника это настолько тяжелое психологическое положение, что автор иллюстрирует его и физиологической раздвоенностью художника – днём всё решает рассудок (как надо), а по ночам тревожно и вызывая свою позицию выражает в сомнениях и авторских рисунках мятежное сердце.

Таким образом, именно искусство выступает как доминантное начало и в биографии Эйзенштейна, и в идейной направленности романа. Следование законам создания оригинального произведения искусства делает режиссёра странным и физически (у него вдруг появляется слепота или аллергия на яблоки), и духовно (у него нет близких людей в квартире, он равнодушен к проблемам родных во время создания кинолент). Нанизывая примеры и того, и другого воздействия субъект-субъектного и субъект-объектного плана творческого начала биографии художника, Яхина приводит самые различные трактовки и природы искусства в целом, и личностных характеристик героя. Локальное разнообразие видения мира применительно к каждому его произведению

позволяет дифференцировать данный образ то как «художника», то как «жертву», то как «учителя» или «пророка».

Заключение.

Указанные сюжетные повороты позволяют автору изобразить своего героя как изменчивый типаж — от жертвы до влюбленного себялюбца. Яхина указывает на то, что художник, полностью погруженный в творческий процесс, становится эгоистичен и практически не способен на сочувствие или понимание. Кроме судьбы главного

героя, автор подробно останавливается на жизненном пути его помощников — оператора Эдуарда Тиссэ, режиссера Григория Александрова, актрисы Елизаветы Телешевой и других. Каждый из них представляет собой законченный концепт «друга», «соратника», «жертвы», которые помогают раскрыть художника с той или иной стороны. Наиболее частым авторским словом, относящимся к второстепенным персонажам, является «верил», «верила», подчёркивающее соотношение художника и его окружения, их жизненную позицию.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Заховаева А.Г. Искусство и его роль в формировании личности : дис. ... на соиск. 09.00.11 канд. филос. 1999. 140 с.
2. Лотман Ю.М. О природе искусства // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Изд-во «Гнозис», 1994. С. 432–438.
3. Шарапенкова Н.Г. Концепт «Художник» в раннем творчестве Т. Манна // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. С. 63–65. EDN: TBXWOZ
4. Ячин С.Е. Феномен Бахтина и загадка культуры: от диалога к интертекстуальности / С.Е. Ячин, Н.В. Петракова // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 1. С. 38–52.
5. Бахтин М.М. Искусство и ответственность / М.М. Бахтин; Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 7–8.
6. Бочкарева Н.С. Роман о художнике как «роман творения»: генезис и поэтика. Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. 251 с.
7. Асенин С.В. Познавательная и воспитательная роль искусства / С.В. Асенин, И.Б. Немцов. М. : Высшая школа, 1967. 144 с.
8. Бердяев Н.А. О назначении человека. М. : Республика, 1993. 383 с.
9. Давыдов Ю.В. Искусство как социологический феномен. М. : Наука, 1968. 285 с.
10. Панпурин В.А. Внутренний мир личности и искусство. Свердловск : Уральский университет, 1990. 209 с.
11. Рудометова Н.А. Образ творца в романе «Шум времени» Дж. Барнса // Мировая литература в контексте культуры. 2019. С. 20–26. Рудометова Н.А. Образ творца в романе «Шум времени» Дж. Барнса // Мировая литература в контексте культуры. 2019. С. 20–26. EDN: NQVRLY
12. Яхина Г. Эйзен. Роман-буфф. ООО «Издательство АСТ», 2025. 544 с.
13. Шкловский В.Б. Эйзенштейн. 2-е изд. М. : «Искусство», 1976. 296 с.
14. Сиверцева Н.А. Власть и культура // Вестник университета. 2013. № 8. С. 49–53. EDN: QBVCTP
15. Севостьянов Д.А. Власть как универсалия культуры // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 2(41). С. 19–30. DOI: 10.24412/2310-1679-2021-241-19-30 EDN: IKAADZ
16. Флиер А.Я. О сходствах и различиях власти и культуры // Вестник культуры и искусств. 2018. № 4(56). С. 41–47. EDN: YSQAJN

References:

1. Zakhovaeva A.G. Art and its role in personality formation : dis. ... for the job. 09.00.11 Candidate of Philology. 1999. 140 p.
2. Lotman Yu.M. On the nature of art // Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school. M. : Gnosis Publishing House, 1994. P. 432–438.
3. Sharapenkova N.G. The concept of «Artist» in the early work of T. Mann / N.G. Sharapenkova // Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2014. P. 63–65. EDN: TBXWOZ
4. Yachin S.E. The phenomenon of Bakhtin and the riddle of culture: from dialogue to intertextuality / S.E. Yachin, N.V. Petrakova // Communicative research. 2023. Vol. 10. № 1. P. 38–52.

5. Bakhtin M.M. Art and responsibility // Aesthetics of verbal creativity / M.M. Bakhtin; Comp. S.G. Bocharov; Text prepared by G.S. Bernstein and L.V. Deryugin; Notes by S.S. Averintsev and S.G. Bocharov. M. : Iskustvo, 1986. P. 7–8.
6. Bochkareva N.S. Novel about the artist as a «novel of creation»: genesis and poetics. Perm : Publishing house of Perm University, 2000. 251 p.
7. Asenin S.V. The cognitive and educational role of art / S.V. Asenin, I.B. Nemtsov. M. : Vysshaya shkola Publ., 1967. 144 p.
8. Berdyaev N.A. On the appointment of a person. M. : Respublika, 1993. 383 p.
9. Davydov Yu.V. Art as a sociological phenomenon. M. : Nauka Publ., 1968. 285 p.
10. Panpurin V.A. The inner world of personality and art. Sverdlovsk:Ural University, 1990. 209 p.
11. Rudometova N.A. The image of the Creator in the novel «The Noise of Time» by J. Barnes // World literature in the context of culture. 2019. From. 20–26. Rudometova N.A. The image of the Creator in the novel «The Noise of Time» by J. Barnes // World literature in the context of culture. 2019. FROM. 20–26. EDN: NQVRLY
12. Yakhina G. Eisen. The novel is a buff. AST Publishing House, LLC, 2025. 544 p.
13. Shklovsky V.B. Eisenstein. 2nd ed. M. : «Art», 1976. 296 p.
14. Sivertseva N.A. Power and culture // Bulletin of the University. 2013. № 8. P. 49–53. EDN: QBVCTP
15. Sevostyanov D.A. Power as a universal culture // Culture and education: scientific and informational journal of universities of culture and arts. 2021. № 2(41). P. 19-30. DOI: 10.24412/2310-1679-2021-241-19-30 EDN: IKAADZ
16. Flier A.Ya. On the similarities and differences between government and culture // Bulletin of Culture and Arts. 2018. № 4(56). P. 41–47. EDN: YSQAJN

Информация об авторе

Резник Оксана Владимировна

доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
факультета социально-культурной деятельности,
Крымский университет культуры, искусств и туризма
kukiit@kukiit.ru

Oksana V. Reznik

Professor,
Doctor of Philology,
Professor of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Faculty of Socio-Cultural Activities,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism
kukiit@kukiit.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.08.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.09.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-8>
УДК 069.6



Attribution
cc by

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ИСТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: К ОЦЕНКЕ ПОТЕНЦИАЛА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО МЕТОДА

Селезнева С.Е.

Дальневосточный федеральный университет

Аннотация. В работе показано применение метода сетевого анализа для изучения системы взаимодействий Музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева с партнёрами и культурными институциями региона. Сетевой подход позволяет выявить ключевые узлы, типы связей и структурные особенности музейной сети, а также оценить потенциал партнёрских взаимодействий в контексте современной культурной политики России и стратегического развития Дальнего Востока. На основе эмпирических данных построена модель музейной сети и проведён анализ плотности связей, включая взаимодействие с отдельными категориями акторов. В результате определены перспективы развития музейных связей и предложены подходы к работе с ключевыми институциями, общественными инициативами, молодёжными организациями, а также креативным и гастрономическим секторами. Работа подчёркивает перспективы использования SNA в исследованиях музейной сферы как для анализа существующих структур, так и для проектирования новых стратегий развития.

Ключевые слова: Музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, музейные связи, музейные взаимодействия, культурные институции, анализ социальных сетей, музейный менеджмент, Дальний Восток России

Финансирование: инициативная работа.

Original article

NETWORK ANALYSIS OF THE INTERACTIONS OF THE V.K. ARSENEV MUSEUM OF FAR EASTERN HISTORY: ASSESSING THE POTENTIAL OF THE RESEARCH METHOD

Sofya E. Selezneva

Far Eastern Federal University

Abstract. This paper demonstrates the application of social network analysis (SNA) to study the system of interactions between the V.K. Arseniev Museum of Far Eastern History and its partners and cultural institutions in the region. The network approach makes it possible to identify key nodes, types of connections, and structural features of the museum network, as well as to assess the potential of partnership interactions in the context of Russia's contemporary cultural policy and the strategic development of the Russian Far East. Based on empirical data, a model of the museum network was constructed and an analysis of connection density was carried out, including interactions with specific categories of actors. As a result, the study identified prospects for developing museum partnerships and proposed approaches to working with key institutions, civic initiatives, youth organizations, as well as creative and gastronomic sectors. Overall, the research highlights the potential of SNA in museum studies both for analyzing existing structures and for designing new development strategies.

Keywords: V.K. Arseniev Museum of Far Eastern History, museum networks, museum interactions, cultural institutions, social network analysis, museum management, Russian Far East

Funding: Independent work.

Введение.

В современных исследованиях организаций анализ социальных сетей (SNA) используется как методологический подход для изучения сложных

сетевых структур и выявления закономерностей их функционирования, представляя систему как совокупность элементов, связанных различными типами отношений. Этот метод все шире приме-

няется для анализа информационных потоков, экономических, политических и городских процессов.

В отличие от традиционных методов, ориентированных на индивидуальные характеристики объектов, SNA фокусируется на связях между индивидами, организациями или институтами, чтобы выявить, как социальные структуры формируются через взаимодействия и влияют на них [8].

Метод сетевого анализа основан на концепциях теории графов, его активное внедрение в исследовательскую практику обусловлено развитием и разработкой соответствующего программного обеспечения для анализа и визуализации сетей (UCINET, Gephi, Cytoscape, Social Network Visualizer и др.), где ключевым понятием являются отношения («relations»), характеризующиеся содержанием, направлением и силой, фиксируемые связями («ties»), соединяющими узлы («nodes»).

В рамках SNA выделяют анализ эго-сетей, фокусирующийся на окружении отдельного актора, и анализ целых сетей, выявляющий ключевых участников, брокеров и распределение центральности, при этом используются метрики (размер сети, плотность, централизация, кластеризация, эквивалентность), позволяющие оценить структуру и поведение сетей и раскрыть их роль в социокультурной среде [3]. Так, при помощи измерения центральности, кластеризации, а также других метрик, SNA выявляет сложные системы отношений между социальными объектами, что также применимо в исследованиях культурных институтов – включая музеи, художественные организации, а также в креативных индустриях.

Метод сетевого анализа применяют для изучения информационных потоков и управления партнёрствами [11; 14], выявления структуры культурных и музейных сетей, а также оценки их эффективности [10; 12; 15]. Кроме того, он помогает анализировать кооперацию культурных организаций и адаптацию к ограниченным ресурсам [13]. Как показывают результаты таких исследований, полученные данные могут стать основой для оптимизации стратегий управления институтами.

Анализ социальных сетей имеет большой потенциал для музейной сферы в частности – как в исследованиях, так и в практической работе. Это особенно актуально для музеев Дальнего Востока, которые сегодня переживают важный этап развития. Регион находится в фазе «музейного бума»: музеи становятся ключевыми элементами стратегии комплексного развития территорий [9]. По словам министра по развитию Дальнего Востока и Арктики Алексея Чекункова, они играют важную роль в сохранении исторической памяти, формировании гордости за регион и создании образа России в мире [2].

В этом контексте, Музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева во Владивостоке представляет особый интерес. Это первый и крупнейший музей региона, всесторонне отражающий его историю и культурную жизнь. С 2019 года он остается единственным федеральным музеем на Дальнем Востоке, а в 2024 году был удостоен звания «Музей года» по версии Национальной премии имени Д.С. Лихачева [5]. Благодаря своей роли в культурном пространстве города и региона, музей может служить репрезентативным объектом для анализа.

Обсуждение.

Целью предпринятого нами исследования выступает выявление структуры и особенностей взаимодействий Музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева с ключевыми участниками культурной жизни Владивостока. Исследование направлено на анализ этих связей как элементов инфраструктурной системы города и их визуализацию в формате сети, что позволяет зафиксировать институциональные и неформальные контуры культурного пространства.

Гипотезы исследования:

1. Основными партнерами музея являются другие музеи и культурные учреждения города, что обусловлено сходством их функций и потенциалом для формирования более прочных профессиональных связей.
2. Музей активно выстраивает связи с городскими инициативами, креативными индустриями и гастрономической сферой, поскольку они способствуют его интеграции в современный городской ландшафт и помогают преодолеть восприятие музея как исключительно академической или консервативной институции.

Для сбора информации мы обратились к основному информационному ресурсу музея – Telegram-каналу «Музей Арсеньева» (@arsenievmuseum). Выбор именно такого источника представился наиболее эффективным, так как позволил работать с объемным массивом данных без необходимости обращения к разрозненным материалам.

Для сбора данных авторами был использован контент-анализ. Период исследования охватывал временной промежуток с 2023 по 2024 г., что обусловлено тем, что в этот период музей демонстрировал наибольшую активность в медиaproстранстве. Это подтверждается увеличением количества публикаций в Telegram-канале: в 2022 г. – 1098 записей, в 2023 г. – 1663, а в 2024 г. – уже 2180 (включая репосты). Общая выборка составила **3843 публикации**.

Выделенные категории анализа:

- 1) «акторы» взаимодействия, т.е. субъекты, участвующие в коммуникации и взаимодейству-

ющие друг с другом. В ходе анализа нами рассматривались как институциональные структуры (музеи, театры, галереи, образовательные организации), так и неформальные культурные пространства, сообщества, а также отдельные участники культурного процесса.

2) взаимодействия – события, инициативы и мероприятия, которые служат основой связей музея с другими «акторами», в том числе выставки, партнерства, совместные проекты, а также коммуникации в социальных сетях. Единицы анализа и единицы счета контент-анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Схема контент-анализа

Категория	Единицы анализа	Единица счёта
Актор	Названия организаций, учреждений, сообществ, имена отдельных лиц (Администрация Владивостока, Приморский театр кукол, музыкальный коллектив «Четверг» и т.п.)	Количество акторов
Взаимодействие	1. Упоминания совместно-организуемых событий или мероприятий (Фестиваль «Детские дни», фотопроjekt «Город огней. Форты» и т.п.) 2. Упоминание событий с участием актора, имеющие отношение к музею-заповеднику 3. Упоминания актора в записи музея без указания на конкретное взаимодействие, но подразумевающее связь с ним	Количество событий (совместно-организуемых или имеющих отношение к музею-заповеднику) и записей, подразумевающих связь с музеем

Процедура анализа включала несколько этапов. Из содержания записей выделялись акторы, которые затем фиксировались в таблице. После этого, для каждого актора в таблицу выносились соответствующие единицы анализа. Затем проводился подсчет: учитывались события и записи, которые отражали взаимодействие с музеем. Следует отметить, что некоторые события упоминались несколько раз (например, одно событие могло быть охвачено в нескольких постах канала), но для подсчета они рассматривались как одна единица независимо от количества упоминаний. Главным критерием было именно фиксирование взаимодействий, а не упоминаний. Затем для каждого актора суммировались единицы взаимодействия, полученная величина использовалась для определения веса связи – ключевого параметра сетевого анализа. Этот показатель отражает глубину взаимодействия акторов с музеем. Полученные данные затем переносились в таблицу Excel по принципу Source – Target – Weight (Источник (в данном случае Музей-Заповедник) – назначение (акторы) – вес), что позволило провести дальнейший анализ с использованием сервисов визуализации социальных сетей.

Сетевой анализ был проведен с использованием специализированного сервиса Gephi, предназначенного для визуализации социальных сетей. С его помощью была создана эго-сеть Музея им. Арсеньева, включающая 367 узлов, каждый из которых представляет собой отдельного актора – организации, учреждения, сообщества или отдельных персоналий.

Визуализация сети демонстрирует четкую структуру с выделенным центром – Музеем им. Арсеньева, от которого расходятся связи. Граф представляет собой концентрическую схему, где можно наблюдать выраженное ядро и периферию. Наиболее тесные и устойчивые связи расположены ближе к центру, а их графическое отображение усиленно: значимые партнеры обо-

значены более крупными узлами, а связи с ними – утолщенными линиями. Глубина таких связей варьируется от 8 до 23 (при минимальной глубине из всех связей равной 1, максимальной – 23).

В ядро сети входят акторы с наибольшей глубиной связей, среди которых: глава Владивостока Константин Шестаков (вес связи – 23), ДВФУ (18), Администрация Владивостока (16), Третьяковка во Владивостоке (15), ТГ «FESCO» (14), Проект «Порт приписки Владивосток» (13), Олег Кожемяко (12), Ботанический сад ДВО РАН (11), Правительство Приморского края (9), Приморский океанариум (9), Пушкинский театр ДВФУ (9), Книжный магазин «Игра слов» (8).

Наличие четко выраженного ядра и отделенной периферии может свидетельствовать о структурированной модели взаимодействий музея. Пространство между этими уровнями может указывать на существование барьеров между центральными акторами и периферийными участниками сети, что, вероятнее всего, отражает различия в степени вовлеченности, устойчивости партнерских связей и в уровне интеграции в культурную среду города.

Последующая категоризация показала неоднородность связей музея, поддерживающего широкий спектр взаимоотношений с различными организациями. Из 215 официальных и неформальных организаций распределение партнеров по категориям выглядит следующим образом: гастрономия и заведения общественного питания – 14,8 %, образовательные и научные учреждения – 13 %, творческие коллективы и студии – 13 %, общественные организации и инициативы – 11,6 %, культурные и музейные институции – 7,4 %, крупный бизнес и коммерческие структуры – 7,4 %, структуры по работе с молодежью – 6 %, государственные и муниципальные структуры – 4,6 %, организации в сфере туризма и рекреации – 4,6 %. Реже в сети музея встречаются учрежде-

ния спорта – 2,7 %, книжные магазины и издательства – 2,7 %, развлекательные и досуговые

центры – 2,3 % и медицинские учреждения – 1,3 %.

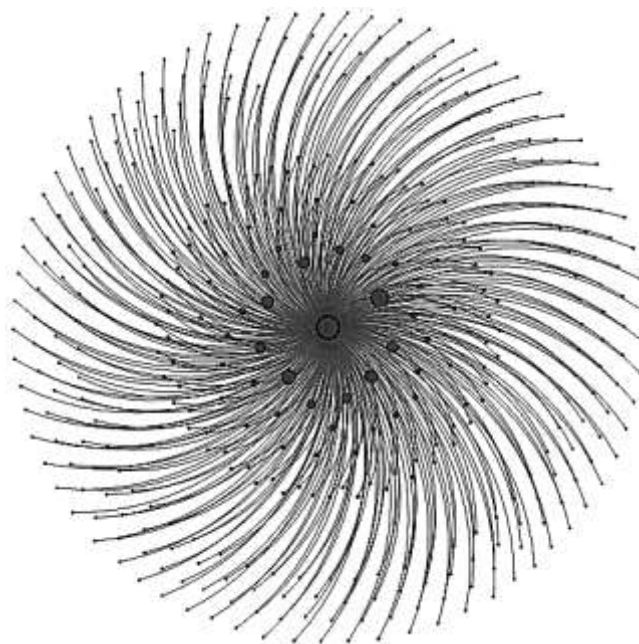


Рисунок 1 – Культурная сеть Музея-заповедника истории Дальнего Востока (общий вид)

В ходе распределительного анализа были дополнительно оценены интенсивность взаимодействий внутри каждой категории. Для этого рассчитывался средний вес связи в категории через стандартную формулу расчета среднего арифметического: сумма всех весов связей в группе делилась на количество организаций в ней. В результате было выявлено, какие категории организаций наиболее активно вовлечены в работу музея, а где взаимодействие является менее систематическим.

Так, несмотря на то, что гастрономия и заведения общественного питания составляют наибольшую категорию (32 организации), средний вес их связи (1,4) уступает ряду других направлений, что говорит о менее интенсивном взаимодействии по сравнению с другими акторами. Наиболее прочные связи наблюдаются с культурными и музейными институтами (4) и государственными и муниципальными структурами (3,7), несмотря на их меньшую численность.

Особое внимание стоит уделить образовательным и научным учреждениям. Их средний вес связи (2,85) ниже, чем у культурных институций (4), они формируют одну из наиболее крупных групп взаимодействия (28 организаций). Это указывает на широкое, но относительно равномерное сотрудничество в отличие от других категорий с меньшей численностью, но с более интенсивными связями.

Взаимодействие с общественными организациями и инициативами (1,88), а также с творческими коллективами и студиями (1,28) носит менее интенсивный характер. Это может указывать на

эпизодичность контактов и потенциальные возможности для их усиления. Стоит отметить, что средний вес в категории крупного бизнеса и коммерческих структур (2,25) выше, чем у общественных организаций (1,84) и творческих студий (1,28), что свидетельствует о достаточно стабильных взаимоотношениях с данной категорией.

Проведенное исследование позволило выявить особенности взаимодействия Музея-заповедника с различными участниками культурной сети Владивостока. В ходе анализа подтвердилась гипотеза о том, что наиболее глубокие связи музей имеет с культурными и музейными институтами. В особенности, стоит отметить сотрудничество с филиалом Третьяковской галереи во Владивостоке, который функционирует в одноименном общественном пространстве с 2023 г. Можно сказать, что с момента появления в городе, институт активно интегрировалась в культурную среду, что нашло отражение и в плотных взаимодействиях с Музеем им. Арсеньева: учреждения совместно участвуют в фестивалях, организуют мероприятия и предоставляют свои площадки для взаимных инициатив. Стоит учитывать, что в ближайшие годы в городе планируется реализация проекта по созданию масштабного культурного кластера, в который войдут ведущие музеи и галереи, в том числе и филиал Третьяковской галереи [6]. Это может кардинально изменить культурную сцену Владивостока, увеличив число акторов и перераспределив потоки посетителей и культурные ресурсы.

Проект общественного пространства Третьяковской галереи реализуется при поддержке Транспортной группы «FESCO», с которой у Музея

была также обнаружена глубокая связь, что обусловлено не только финансовой поддержкой со стороны компании, но и её участием в музейных инициативах. Учитывая историческую значимость компании (бывшее Дальневосточное морское пароходство), сотрудничество с музеем носит для нее стратегический характер, формируя имидж «FESCO» как социально ответственного бизнеса. Среди примеров взаимодействия можно выделить совместные выставки (например, фотовыставка о капитане Анне Щетининой) [1].

Музей поддерживает устойчивые связи с институтами власти, что выражается в плотном взаимодействии как с организациями, так и с отдельными персоналиями. Самая глубокая связь в сети Музея-заповедника наблюдается с мэром Владивостока Константином Шестаковым, который принимает активное участие в жизни музея не только на официальном уровне, но и через общественные инициативы (например, субботники на объектах Владивостокской крепости – филиала Музея-заповедника). Также заметно влияние губернатора Приморского края Олега Кожемяко, который оказывает поддержку музею, проявляя личную заинтересованность в его жизни.

Частично подтвердилась и вторая гипотеза: помимо культурных институций, музей выстраивает связи с городскими инициативами, креативными индустриями и гастрономической сферой. Это взаимодействие способствует интеграции музея в современный городской ландшафт и помогает преодолеть восприятие его как исключительно академической или консервативной институции. Однако по сравнению с другими категориями взаимодействия с творческими коллективами, заведениями общественного питания и организациями в сфере туризма носит менее интенсивный характер и чаще всего ограничивается разовыми событиями (фестивалями, выставками и тематическими днями). Например, музей принимает участие в городских фестивалях наравне с другими акторами, но вне этих мероприятий взаимодействие с творческими сообществами минимально. Это, в свою очередь, может объяснять периферийность данных связей в сети. Тем не менее, сотрудничество с творческими сообществами остается важным направлением взаимодействия: через такие проекты, как «Ночь музеев», «Арсеньев WEEK», «Ночь искусств», выходящие за рамки традиционного музейного формата, музей вовлекает молодежную аудиторию и становится активным участником городской жизни.

Отдельного внимания заслуживает работа музея с молодежными организациями и инициативами. Взаимодействие с этим сегментом открывает новые возможности для формирования устойчивой аудитории и вовлечения молодых людей в культурные проекты. Среди партнеров можно выделить: АНО «Центр содействия развитию молодежи Приморского края» («Молодежь Приморья»), МАУ «Молодежный ресурсный центр»

(«Молодой Владивосток»), молодежное пространство «ТОК», Всероссийский детский центр «Океан», городской лагерь «Контур культуры», Приморское региональное отделение Российского студенческого общества, Дворец детского творчества. Большинство взаимодействий музея с молодежными организациями связано с фестивалями и тематическими встречами.

Взаимодействие музея с общественными инициативами также выступает перспективным направлением развития сети и возникает как на почве общих интересов к городу и региональной культуре (один из ключевых узлов в категории – проект «Порт приписки Владивосток», включающий ежегодный фотоконкурс, лекции, литературные чтения и другие инициативы, посвященные осмыслению города и его культурного пространства [7]), так и в связи с устойчивой социальной направленностью его деятельности. Среди других общественных организаций, с которыми связан музей, можно выделить: неформальное общество (клуб) поддержки людей с аутизмом «Маленький принц», краевую общественную организацию социальной помощи «Воскресенье», общественно-просветительский проект «Такие как ВСЕ», фонд помощи бездомным животным «УМКА», экологическое движение «Раздельный Сбор Владивосток», АНО «Реабилитационный центр морских млекопитающих «Тюлень» и другие организации, работающие в сфере экологии, социальной поддержки, инклюзии и благотворительности. Такой характер связей позволяет рассматривать музей как активного участника в решении актуальных социальных задач – от инклюзии до экологического просвещения. И хотя взаимодействие с общественными организациями сегодня чаще всего ограничивается отдельными проектами и инициативами, потенциал для углубления этих связей значителен.

Заключение.

Так, анализ количественных данных, собранных на основе упоминаний о совместных событиях и проектах в Telegram-канале Музея-заповедника, позволил оценить характер взаимодействий учреждения с различными организациями. В результате, было выявлено наличие устойчивого ядра партнёрств музея с культурными и музейными институциями, а также с органами государственной и муниципальной власти. Наряду с этим, были зафиксированы периферийные связи с другими секторами, обладающими значительным потенциалом для расширения и углубления сотрудничества. В целом анализ взаимодействий музея показал, что помимо традиционных партнеров в сфере культуры и власти, музей стремится интегрироваться в более широкую городскую сеть, включая креативные индустрии, гастрономический сектор, общественные инициативы.

Полученные данные позволяют выдвинуть ряд практических рекомендаций, направленных на

оптимизацию партнёрской стратегии Музея-заповедника и усиление его роли в культурной среде Владивостока.

Во-первых, приоритетное внимание рекомендуется уделить укреплению устойчивых связей с ключевыми организациями – как в культурной сфере (например, Третьяковская галерея во Владивостоке), так и в бизнес-секторе (Транспортная группа «FESCO»), а также с органами государственной и муниципальной власти. Эти акторы формируют институциональное ядро взаимодействий, на основе которого целесообразно развивать стабильные, долгосрочные формы сотрудничества. Совместные выставочные программы, исследовательские проекты и просветительские инициативы с культурными и деловыми партнёрами следует рассматривать как действенные инструменты укрепления структуры партнёрской сети.

Кроме того, активное взаимодействие с государственными структурами открывает потенциал для привлечения институциональной поддержки и реализации крупных программ в сфере сохранения и актуализации культурного наследия.

Учитывая активное, но фрагментарное сотрудничество музея с молодежным сектором, рекомендуется акцентировать внимание на развитии программ работы с молодежью – например, через создание молодёжного совета при музее для включения молодых людей в проектную и общественную деятельность, а также развитие волонтерских, стажировочных и исследовательских программ. Это позволит не только формировать устойчивую молодую аудиторию, но и воспитывать лояльное поколение посетителей музея и активных участников культурной жизни города, в связи с чем данное направление следует рассматривать как приоритетное.

Включение музея в деятельность инклюзивных, экологических и общественных организаций уже происходит, однако, взаимодействие с ними тре-

бует институционального оформления. В этой связи, рекомендуется рассмотреть возможность создания платформы гражданских инициатив на базе музея, которая могла бы стать инструментом координации взаимодействия с НКО. Подобные инициативы усиливают статус музея как социально ориентированной институции, открытой для диалога с различными сообществами, и их развитие следует стимулировать.

Наконец, вектор на расширение связей с креативным и гастрономическим секторами открывает новые возможности для междисциплинарных форматов – таких как культурно-гастрономические фестивали, рор-ур пространства, коллаборации с локальными брендами с вовлечением музея как площадки. В этой связи, целесообразно использовать данные форматы для переосмысления музея как открытой городской платформы, способной интегрировать локальный бизнес и инициативные группы в свои программы.

В целом исследование демонстрирует потенциал SNA как инструмента аналитики и управления связями в музейной сфере. Его применение в отношении других учреждений может способствовать более глубокому пониманию их позиции в городской или региональной культурной сети, выявлению факторов изоляции или, напротив, высокой степени интеграции, оценки институционального положения музея в контексте городской инфраструктуры.

В условиях трансформации культурной политики и цифровизации музейной деятельности подобные аналитические подходы становятся особенно актуальными: институциональная устойчивость и эффективность культурных организаций в современном обществе во многом зависят от их способности выстраивать многоуровневые и разнопрофильные связи, что делает использование сетевого анализа важным направлением в исследовательской и управленческой практике.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Виртуальный фотоальбом «Леди-капитан Анна» // Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева: [сайт]. URL : <https://arseniev.org/virtualnyj-fotoalbum-ledi-kapitan-anna> (дата обращения 09.05.2025).
2. Дальний Восток вступает в эпоху музейного строительства // Музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева: [сайт]. 2024. URL : <https://arseniev.org/press/dalnij-vostok-vstupayet-v-epoxu-muzejnogo-stroitelstva> (дата обращения 09.03.2025).
3. Мальцева Д.В. Сетевой подход в социологии: генезис идей, современное состояние и возможности применения : дис. ... канд. социол. наук. М., 2014. 177 с. EDN: ZSKVZF

4. Музей Арсеньева получил национальную премию имени Лихачева в номинации «Музей года» // Владивосток: официальный сайт администрации. URL : <https://www.vlc.ru/event/news/90679> (дата обращения 09.05.2025).
5. О строительстве театрально-образовательного и музейного комплекса во Владивостоке: Распоряжение от 20 сентября 2018 г. № 1993-р: [Принят Министерством экономического развития Российской Федерации] // Правительство Российской Федерации: [сайт]. 2018. URL : http://government.ru/dep_news/34155 (дата обращения 09.03.2025).
6. Порт приписки Владивосток: [сайт]. URL : <https://homeportvladivostok.art> (дата обращения 09.07.2025).
7. Чураков А.Н. Анализ социальных сетей // Социс. 2001. № 1. URL : <https://studfile.net/preview/594486/> (дата обращения 09.03.2025).
8. Шалай В. Почему важно развивать музейное дело на Дальнем Востоке // Российская газета: [сайт]. 2024. 17 октября. URL : <https://rg.ru/2024/10/17/reg-dfo/muzej-segodnia-bolshe-chem-muzej.html> (дата обращения 09.03.2025).
9. Benassi A. Benefits, advantages, and usefulness of museum networks. The case of Fondazione Musei Senesi in Tuscany // Academia edu: [website]. 2020. URL : https://www.academia.edu/62751882/benefits_advantages_and_usefulness_of_museum_networks_the_case_of_Fondazione_Musei_Senesi_in_Tuscany?nav_from=8e8b1a74-16eb-4fa5-80b6-9963a00bd3a9 (date of application 09.03.2025).
10. Bruce F. Insights on Creative Networks: A Social Network Analysis of Five Arts Organisations / F. Bruce, S. O'Neill, S. Hawari-Latter // European Conference on Innovation and Entrepreneurship. 2022. № 17(1). P. 92–100. DOI: 10.34190/ecie.17.1.538 EDN: OQDOUO
11. Oishi S. The Impact of External Networks on Product Innovation in Social Purpose Organizations: An Empirical Research on Japanese Museums / S. Oishi, A. Oe // Human Interface and the Management of Information – Thematic Area, HIMI 2023, Held as Part of the 25th HCI International Conference, HCII 2023, Proceedings. 2023. P. 154–172. DOI: 10.1007/978-3-031-35129-7_11
12. Ortega A.V. Interaction and Network analysis in heritage organizations in Valledupar – Colombia / A.V. Ortega, A.C. Martínez // EMPIRIA: Revista de Metodología de Ciencias Sociales. 2024. № 62. P. 139–164.
13. Swords J. Using social network analysis to understand the creative and cultural industries / J. Swords; Editors: R. Comunian, A. Faggian, J. Heinonen, N. Wilson, Nick // White rose: research online. 2022. URL : <https://eprints.whiterose.ac.uk/184106/> (дата обращения: 09.03.2025). DOI: 10.4337/9781789905496.00012
14. Yoshimura Y. Network science for museums / Y. Yoshimura, A. Krebs, C. Ratti // PLoS ONE. 2024. № 19(3). URL : <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0300957> (дата обращения 09.03.2025). DOI: 10.1371/journal.pone.0300957 EDN: MEDRCM

References:

1. Virtual photo album «Lady Captain Anna» / V.K. Arsenyev State United Museum of the History of the Far East: [website] URL : <https://arseniev.org/virtualnyj-fotoalbom-ledi-kapitan-anna> (date of application 05/09/2025).
2. The Far East is entering an era of museum construction // V.K. Arsenyev Museum-Reserve of the History of the Far East: [website]. 2024. URL : <https://arseniev.org/press/dalnij-vostok-vstupayet-v-epoxu-muzejnogo-stroitelstva> (date of application 09.03.2025).
3. Maltseva D.V. Network Approach in Sociology: Genesis of Ideas, Current State, and Possibilities of Application : dis. ... Cand. Sociological Sciences. M., 2014. 177 p. EDN: ZSKVZF
4. The Arsenyev Museum received the Likhachev National Prize in the nomination «Museum of the Year» // Vladivostok-stock: official website of the administration. URL : <https://www.vlc.ru/event/news/90679> (date of application 05/09/2025).
5. On the construction of a theater, educational and museum complex in Vladivostok: Order No. 1993-r dated September 20, 2018: [Adopted by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation] // Government of the Russian Federation: [website]. 2018. URL : http://government.ru/dep_news/34155 (date of application 03/09/2025).
6. Vladivostok home port: [website]. URL : <https://homeportvladivostok.art> (date of application 07/09/2025).
7. Churakov A.N. Analysis of social networks // Socis. 2001. № 1. URL : <https://studfile.net/preview/594486/> (date of application 03/09/2025).
8. Shalai V.N. Why is it important to develop museum business in the Far East // Rossiyskaya Gazeta: [website]. 2024. October 17. URL : <https://rg.ru/2024/10/17/reg-dfo/muzej-segodnia-bolshe-chem-muzej.html> (date of application 03/09/2025).
9. Benassi A. Benefits, advantages, and usefulness of museum networks. The case of Fondazione Musei Senesi in Tuscany // Academia edu: [website]. 2020. URL : https://www.academia.edu/62751882/benefits_advantages_and_usefulness_of_museum_networks_the_case_of_Fondazione_Musei_Senesi_in_Tuscany?nav_from=8e8b1a74-16eb-4fa5-80b6-9963a00bd3a9 (date of application 09.03.2025).
10. Bruce F. Insights on Creative Networks: A Social Network Analysis of Five Arts Organisations / F. Bruce, S. O'Neill, S. Hawari-Latter // European Conference on Innovation and Entrepreneurship. 2022. № 17(1). P. 92–100. DOI: 10.34190/ecie.17.1.538 EDN: OQDOUO
11. Oishi S. The Impact of External Networks on Product Innovation in Social Purpose Organizations: An Empirical Research on Japanese Museums / S. Oishi, A. Oe // Human Interface and the Management of Information – Thematic Area, HIMI 2023, Held as Part of the 25th HCI International Conference, HCII 2023, Proceedings. 2023. P. 154–172. DOI: 10.1007/978-3-031-35129-7_11

12. Ortega A.V. Interaction and Network analysis in heritage organizations in Valledupar – Colombia / A.V. Ortega, A.C. Martínez // EMPIRIA: Revista de Metodología de Ciencias Sociales. 2024. № 62. P. 139–164.
13. Swords J. Using social network analysis to understand the creative and cultural industries / J. Swords; Editors: R. Comunian, A. Faggian, J. Heinonen, N. Wilson, Nick // White rose: research online. 2022. URL : <https://eprints.whiterose.ac.uk/184106/> (дата обращения: 09.03.2025). DOI: 10.4337/9781789905496.00012
14. Yoshimura Y. Network science for museums / Y. Yoshimura, A. Krebs, C. Ratti // PLoS ONE. 2024. № 19(3). URL : [https://journals.plos.org/plosone/article?id=](https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0300957) (дата обращения 09.03.2025). DOI: 10.1371/journal.pone.0300957 EDN: MEDRCM

Информация об авторе

Селезнева Софья Евгеньевна

магистр культурологии,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Департамент искусств и дизайна,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток
sel1002@mail.ru

Sofya E. Selezneva

Master of Cultural Studies,
School of Arts and Humanities,
Department of Arts and Design,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok
sel1002@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-9>

УДК 791.43



Attribution

cc by

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ В КАРТИНАХ ИНГМАРА БЕРГМАНА

Хабаров А.А.

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева

Аннотация. Работа сосредоточена на исследовании феномена секуляризации в «Трилогии веры» Ингмара Бергмана. В контексте стремительной секуляризации Швеции 1960-х гг., режиссёр художественно осмысляет кризис традиционных религиозных институтов. На основе фильмов «Сквозь темное стекло» (1961), «Причастие» (1962) и «Молчание» (1963) исследуется развитие от поиска священного через индивидуальные откровения и ритуалы к этике человеческой солидарности. Метод исследования сочетает визуальный анализ (символизм пустых пространств, немые движения и операторские приемы) с философской интерпретацией, учитывающей влияние Ницше («Смерть бога») и Левинаса («Этика другого»). Анализируется эволюция от болезненного поиска абсолюта в первом фильме – через крах ритуальной веры во втором – к экзистенциальному прорыву в финале «Молчания» Бергман не отрицает духовность, а трансформирует её. Через визуальные паттерны (изоляция героев, пустые церкви, немые жесты) он показывает, как вера замещается этикой человеческой солидарности. Исследование обозначает модель постсекулярной духовности, в которой спасительной силой становится взаимопонимание, а не молитва.

Ключевые слова: Ингмар Бергман, трилогия веры, секуляризация, визуальная антропология, экзистенциальная этика, молчание, киноязык, шведский кинематограф.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SECULARIZATION IN THE PAINTINGS OF INGMAR BERGMAN

Artyom A. Khabarov

National Research Mordovian State University named After N.P. Ogarev

Abstract. The work focuses on the study of the phenomenon of secularization in Ingmar Bergman's Trilogy of Faith. In the context of Sweden's rapid secularization in the 1960s, the director artistically interprets the crisis of traditional religious institutions. Based on the films «Through a Dark Glass» (1961), «Communion» (1962) and «Silence» (1963), the development from the search for the sacred through individual revelations and rituals to the ethics of human solidarity is explored. The research method combines visual analysis (the symbolism of empty spaces, silent movements and camera techniques) with a philosophical interpretation that takes into account the influence of Nietzsche («Death of God») and Levinas («Ethics of the Other»). The evolution from the painful search for the absolute in the first film, through the collapse of ritual faith in the second, to the existential breakthrough in the finale of Silence is analyzed. Bergman does not deny spirituality, but transforms it. Through visual patterns (isolation of characters, empty churches, mute gestures), he shows how faith is replaced by the ethics of human solidarity. The study identifies a model of postsecular spirituality in which mutual understanding, rather than prayer, becomes the saving force.

Keywords: Ingmar Bergman, trilogy of faith, secularization, visual anthropology, existential ethics, silence, film language, Swedish cinema.

Funding: Independent work.

Введение.

Творчество Ингмара Бергмана – шведского режиссера и сценариста – считается одним из лучших примеров философского кино. Его «Трилогия веры» – «Сквозь темное стекло» (1961), «Причастие» (1962) и «Молчание» (1963) – ис-

следует проблему глубокого кризиса религиозного сознания, рассматривая вопрос веры в контексте секуляризации общества.

Бергман, воспитанный в семье лютеранского пастора, с самого детства испытывал амбивалентное отношение к вере: с одной стороны –

© Хабаров А.А.

страх кары Божьей, а с другой – желание выходящего за рамки чувственного опыта. В своей автобиографии «Латерна Магика» он писал: «Мои детские молитвы были жуткими. Я представлял Бога как гигантского паука, наблюдающего за мной с потолка». Этот образ, который служит лейтмотивом трилогии, отражает не только личную травму режиссера, но и культурный сдвиг середины XX века, когда религия, как система догм, превратилась в экзистенциальную веру [1, с. 12].

Контекст шведской секуляризации 1960-х годов важен для понимания трилогии. На 1963 год, когда вышло «Молчание», Швеция была одной из секулярных стран: 43 % населения не считали себя верующими, и лишь 12 % посещали церковь [6, с. 233]. В то же время, Бергман, как и его герои, которые находятся в замкнутом пространстве – острове, пустой церкви или отеле, откладывает социальные проблемы общества, как будто забывая о них, таким образом, подчеркивает их экзистенциальные вопросы.

Эта художественная стратегия основана на личном опыте автора. Сын лютеранского пастора, он с детства столкнулся с противоречием между риторикой христианской любви и суровыми методами воспитания своего отца.

В автобиографической книге «Картины» режиссер описывает своего отца как человека, чья вера напоминала «суд без пощады», а проповеди о Божьей любви контрастировали с эмоциональной холодностью [2, с. 45]. Личный конфликт лег в основу образа «безмолвного Бога» в трилогии – метафоры, отражающей как личную травму, так и кризис лютеранского богословия, где акцент на греховности заслонял идею благодати. Он не раз подчеркивал, что его творчество – это попытка диалога с «отсутствующим» Богом, унаследованным от отца.

В других фильмах Бергмана, которые часто затрагивают темы смертности, вины, греха, Бога и демонов, по-прежнему чувствуется влияние этого воспитания. Но в данных трёх фильмах акцент сделан почти болезненно сильно. В интервью 1970 года он сравнивал этот процесс с библейской борьбой Иакова с ангелом, которая закончилась не откровением, а пустотой [4, с. 112].

Обсуждение.

В основе «Трилогии веры» Бергмана можно уловить идею «смерти Бога», провозглашенной Фридрихом Ницше. В «Весёлой Науке» философ утверждает: «Бог мёртв, Бог остается мертвым, и мы убили его» [5, с. 181]. Однако в то время, когда для Ницше это было освобождением от моральных оков, для Бергмана «смерть Бога» – это трагедия, оставляющая человека справляться с абсурдом в одиночку. В кинокартине «Сквозь темное стекло» божественное является для героини в виде паука, не священного существа, но вызывающего страх. Этот образ, отсылающий к Ницшеанскому «Заратустре», стано-

вится метафорой абсурда: Бог превращается в проекцию человеческих страхов, а вера – в форму психической защиты. Её видения интерпретируются не как мистические откровения, а, скорее, как проекции внутренних конфликтов, корнящихся в детских травмах. Шизофрения Карин, чьи галлюцинации балансируют между мистическим откровением и безумием, подчеркивает хрупкость границ между религиозным и патологическим.

Пока Карин борется со своим изнурительным психическим состоянием, ее семья и близкие ведут свою собственную внутреннюю борьбу. Ее брат Минус жаждет любви и внимания со стороны отца, в то время, как их отец Дэвид переживает творческий кризис, пытаясь ради собственной выгоды написать книгу о болезни дочери. В свою очередь, вторая половинка Карин, Мартин, который также является её врачом, желает Карин физически и интимно, несмотря на её колебания. Семейная дисфункция, которую разделяют все, кто связан с Карин, усиливает её непонимание реальности и психотические приступы, поскольку она чувствует, что их трудности – это её вина.

Девушка признает, что ей нездоровится, но, как это обычно бывает в таком состоянии, её действия неконтролируемы, и она вынуждена что-то делать, повинаясь голосу в своей голове. Найдя убежище в пустой комнате на чердаке дома, где семья поселилась после выписки Карин из больницы, реальность героини меняется, когда она утверждает, что слышит голос Бога за обоями. Мысль о Боге и его присутствии дарят Карин минуты покоя и надежду на спасение. Однако для остальных членов семьи идея Бога и его существование вызывают сомнения.

Хотя шизофрения и дисфункциональная семья главной героини являются первоплановыми, вопросы веры и присутствия Бога также занимают важное место. Несмотря на безнадежность и чувство вины, которые испытывал Дэвид после смерти жены, попытки самоубийства, а также отсутствие привязанности со стороны окружающих, осознание того, что их общая любовь к Карин спасла не только её, но и их самих, является доказательством, в котором они нуждались, чтобы понять, что Бог действительно существует.

Это проявляется в финале фильма. Опустошенный отец чувствует Бога в неясном, но сильном чувстве любви к своим родным. В диалоге Дэвида и Минуса звучит вопрос: «А может любовь – это Бог?». Бергман намеренно оставляет вопрос без ответа, фиксируя невозможность окончательного решения в мире молчания. Камера кинооператора Свена Нюквиста визуализирует эту неопределенность: крупные планы лиц персонажей, кажется, сталкиваются с полупустынным морем и небом на горизонте. Пустота за кадром, словно зеркало, где сакральное так и осталось нераскрытым. Режиссер оставляет зрителя в смятении, но ненадолго.

Второй фильм условной трилогии – «Причастие» – делает акцент с личных аспектов веры на кризис институциональной религии. Пастор Томас Эриксон является прямым противовесом Карин: она ищет Бога в видениях, в то время как он пытается сохранить веру в виде ритуала, который превратился в бессмысленную рутину.

Пустая церковь, где Томас проводит свою мессу, становится символом секуляризации. Широкоугольные кадры Нюквиста подчёркивают холодное величие интерьера: высокие своды колонн, пустые скамьи, распятие, слабо освещённое зимним солнечным светом. Контрапунктом звука служит органная музыка, прерываемая порывами ветра, что усиливает ощущение полной пустоты. В сцене исповеди камера делает фокус не на распятии, а сосредотачивает внимание на дрожащих руках Томаса, отмечая переход от святого к человеческому.

Страданию пастора равносильна тишина, что он воспринимает как молчание Бога и, что хуже всего, молчание в то время, когда он больше всего нуждается в божественной помощи.

И, всё же, его прихожане всё ещё надеются и ожидают, что их священник будет знать больше, чем они, и будет бесконечно сильнее. После первой службы к Томасу подходят двое причастников – рыбак Йонас Перссон и его жена, которая находится на последнем месяце беременности. Она просит пастора поговорить с Йонасом, который одержим идеей создания атомной бомбы в Китае и боится ядерной войны. Немного позже, в ризнице, Томас разговаривает с ним, но он слишком честен или слишком занят собой, или и то и другое вместе, чтобы обеспечить желаемое успокоение.

«Каждый раз, когда я сталкивал Бога с реальностью, свидетелем которой был, он превращался в нечто безобразное и отталкивающее – Бога-паук, чудовище. И так я бежал от света в темноту, прижав выдуманный образ к себе» – промолвил Томас в разговоре с Йонасом.

Вместо любящего Бога Томас сталкивается с образом ужасного и безразличного Бога-паука. В беседе, которая должна стать утешением для Йонаса, он признается: «Бога не существует», – разрушая последнюю надежду прихожанина.

Этот диалог становится поворотным. Перссон задает вопрос: «Если Бог молчит, зачем верить?». Священнослужитель, вместо утешительных слов, признает: «Я сам не знаю». Его собственная вера в Бога была основана на эгоизме и теперь исчезла. Йонас уходит, а через несколько минут и его собственная жизнь.

Этот момент будто разрушает последнюю иллюзию: церковь, в глазах людей, больше не способна дать ответы на экзистенциальные вопросы. Как сам Бергман упоминает в «Картинах» – корни этого уходят намного глубже простой религии. Пастор умирает эмоционально. Он за

пределами любви, в сущности, за пределами всех человеческих отношений. Потому что он действительно живет в аду – осознаёт свое положение и не может его изменить. Теперь, стиснув зубы, он просто исполняет свой долг [2, с. 47].

Такой экзистенциальный вакуум создает почву для заключительной кинокартины трилогии – «Молчание». Там, где первые два фильма серии представляют собой тихое повествование, затрагивающие относительно ясные психологические и духовные проблемы, то «Молчание» становится ещё тише, сосредотачиваясь на отношениях между двумя сестрами и маленьким мальчиком в мире, который кажется огромным, но, похоже замыкается в себе.

Две сестры, Анна и Эстер, запертые в отеле в чужой стране, сталкиваются не с пустотой, а скорее с проблемой «языка» как средства коммуникации. Их диалоги, полные пауз и двусмысленностей, являются зрителю метафорой секулярного мира, где традиционные символы обесценились, остается только человеческое взаимодействие и надежда на понимание.

Если в первых двух фильмах герои всё ещё пытаются услышать Бога через видения или молитву, то здесь Бергман радикально меняет фокус. То, через что проходят персонажи, далеко не так ясно даже им самим, и мы следим за ними, пока они пытаются справиться с болезнями, войной, смертью, изоляцией. Режиссер переносит проблему веры на уровень коммуникации, исследуя влияние молчания Бога на способность людей общаться и понимать друг друга.

Его голос в происходящем здесь так же безмолвен, как и обида между сёстрами на протяжении большей части фильма. Делая акцент на образах, а не на словах, Бергман ставит своего зрителя в такое же положение, в котором находится Бог: неспособным ничего сделать, чтобы предотвратить происходящее, способным лишь наблюдать за происходящим в тихой агонии. Картина получается мучительной и сложной для восприятия, а порой и трудной для понимания, позволяя нам сопереживать тому, как, вероятно, чувствует себя ребенок в этот момент.

Философский дискурс, в который органично вписываются картины Бергмана, гораздо шире исходного утверждения Ницше о «смерти Бога». Бергмановская рефлексия секуляризации взаимодействия с важнейшими философскими течениями XX века, прежде всего с экзистенциализмом и, что особенно важно в контексте «Молчания», с этической философией Эммануэля Левинаса. Созвучной, особенно для финала трилогии, является его мысль о «Другом». Этому гениальному человеку была небезразлична система этики, основанная на абсолютной ответственности человека перед «Другим». По Левинасу «лицо Другого» является первичным источником императива, прямо по отношению к любым онтологическим конструкциям. Наша мо-

раль берет начало со встречи «лицом-к-лицу с Другим», когда мы видим его беззащитность и боль. Религия как институт для Левинаса вторична, первична же этика первой встречи. Этот ход мысли имеется в «Молчании». Где умирающая Эстер, хоть и отчуждена от Анны и их разрушительных отношений, ответственна перед будущим – перед Юханом. Она передает ему послание, смысл которого не в догме или ритуале, а в свидетельстве человечности, в попытке установить связь. При этом записка написана на иностранном, а точнее, несуществующем языке. Эстер отмечает, что Юхан все поймет, потому что при отсутствии взаимопонимания между людьми одной крови, культуры и языка текст на незнакомом языке нельзя считать невозможным или бессмысленным. Бергман в «Молчании» интуитивно приходит к уму Левинаса: в мире, где Бог молчит, единственным спасением от абсурда и насилия остается этика ответственности перед лицом «Другого». Записка Эстер – это не слово Божье, а слово человека человеку, попытка завещать самое главное – надежду на понимание и человечность – следующему поколению. Эта мысль непосредственно перекликается с идеей, что этика рождается «лицом-к-лицу».

Результаты.

Бергман демонстрирует несостоятельность прежних форм веры перед лицом экзистенциального кризиса современного мира. Он не атеист, в вульгарном смысле слова, а свидетель конца определенной эпохи религиозности, когда Бог был гарантом смысла и морали. Его трилогия – это тоска по утраченной трансцендентности и смелая попытка найти основание для человечности в мире, где единственной реальностью является хрупкая ниточка контакта с другими людьми. Любовь, о которой говорил Давид в конце первого фильма, в третьем фильме объясняется как важная попытка понимания и солидарности в мире, лишенном всех гарантий.

«Всю сознательную жизнь я боролся со своим отношением к Богу – мучительным и безрадостным. Вера и неверие, вина, наказание, милосердие и осуждение были неизбежной реальностью. Мои молитвы смердели страхом, мольбой, проклятием, благодарностью, надеж-

дой, отвержением и отчаянием: Бог говорил, Бог молчал. Не отвержай от меня лика своего» – произносит как исповедь И. Бергман в одной из записанных бесед [1, с. 47].

Автор, измученный вопросами, не знает ответов на них. Быть может, ответы где-то в молчании, в пустоте, в пустяке, быть может, в маленьком клочке бумажки, переданном с любовью и остатками последних сил. Наш мир страшен. Люди блуждают вслепую, без любви. Именно боль и любовь – вот главный рецепт от Ингмара Бергмана. Без любви к людям невозможна любовь к Господу. Без любви к Господу невозможна любовь к людям. Он воспекает любовь практически в каждом своем фильме и в каждом же своем фильме высказывает претензии к Богу, говорит о своих сомнениях.

Заключение.

«Трилогия веры» Бергмана – это художественное исследование кризиса религиозного сознания в моменте секуляризации. От «Сквозь темное стекло» к «Молчанию» режиссёр последовательно деконструирует традиционные формы веры, показывая их несостоятельность перед лицом экзистенциальных вызовов. Если Карин хочет Бога в видениях, а пастор Томас – в ритуалах пустой церкви, то сёстры из «Молчания» сталкиваются с крахом языка как инструмента связи. Бергман предлагает альтернативу: этику человеческой солидарности, где последней опорой становится не молитва, а «хрупкая нить контакта с другим» [2, с. 220].

Вера человека – это сложное для разбора понятие. Ведь она включает в себя колоссальное количество нюансов, каждый из которых влияет на отношение человека к миру. Их так много, они настолько разнообразны, что, рассказывая о вере, сложно объяснить каждый из них. А значит, повествование никогда не будет полным. Это приводит нас к выводу о том, что любой разговор о вере в конечном итоге будет незаконченным, и ожидать от него чего-то принципиально нового, переворачивающего мировоззрение, нельзя. Бергмановская трилогия о молчании Бога – это не развенчание религии и веры, это перенесенный на киноленту внутренний диалог автора.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бергман И. Исповедальные беседы / И. Бергман; Пер. со швед. А.А. Афиногеновой. М. : Рудомино, 2000. 253 с.

2. Бергман И. Картины / И. Бергман; Пер. со швед. А.А. Афиногеновой. М. : Музей кино, 1997. 440 с.
3. Бергман И. Латерна магия / И. Бергман; Пер. со швед. А.А. Афиногеновой. СПб. : Азбука, 2019. 288 с.
4. Бергман о Бергмане: Интервью / Сост. А.В. Ларин, В.В. Гульченко; Пер. со швед. А. А. Афиногеновой. М. : Радуга, 1985. 528 с.
5. Ницше Ф. Веселая наука / Пер. с нем. К.А. Свасьяна. М. : Академический проект, 2021. 475 с.
6. Swedish Bureau of Statistics. Yearbook of Religious Demography. New-York : United Nations, 1965. 754 p.

References:

1. Bergman I. Confessional Conversations / Transl. by A.A. Afinogenova. Moscow: Rudomino, 2000. 253 p.
2. Bergman I. Images: My Life in Film / Transl. by A.A. Afinogenova. Moscow: Museum of Cinema, 1997. 440 p.
3. Bergman I. The Magic Lantern: An Autobiography / Transl. by A.A. Afinogenova. SPb. : Azbuka, 2019. 288 p.
4. Bergman on Bergman: Interviews / Comp. by A.V. Larin, V.V. Gulchenko; Transl. by A.A. Afinogenova. M. : Raduga, 1985. 528 p.
5. Nietzsche F. The Gay Science / Transl. from German by K.A. Svasyan. M. : Akademicheskiy proekt, 2021. 475 p.
6. Swedish Bureau of Statistics. Yearbook of Religious Demography. New-York : United Nations, 1965. 754 p.

Информация об авторе

Хабаров Артем Андреевич

аспирант кафедры культурологии
и библиотечно-информационных ресурсов,
Институт национальной культуры,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарева
ORCID: 0009-0008-5893-761X
art-putnik@yandex.ru

Artyom A. Khabarov

Graduate Student of the Department
of Cultural Studies and Library
and Information Resources,
Institute of National Culture,
National Research Mordovian State University
named After N.P. Ogarev
ORCID: 0009-0008-5893-761X
art-putnik@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.09.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-15>

УДК 130.2; 5.10.1.



Attribution

cc by

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙ «КУЛЬТУРА» И «РЕЛИГИЯ», ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА

Чекмарёв М.В.

Московский университет «Синергия»

Аннотация. Актуальность работы обусловлена сохраняющейся значительной ролью религии в современной культуре, несмотря на прогнозы многих авторов XIX–XX вв. Однако, сам процесс отношений человека и религии меняется и требует новых исследований. Цель работы: проанализировать контекст возникновения понятий «культура» и «религия» в философии Античности, их эволюцию и возможные параллели эволюции понятий с современными процессами во взаимоотношениях культуры и религии. Задачи включают изучение первоисточников понятий «культура» и «религия» в Античной философии, их историко-культурный, историко-философский и семантический анализ, эволюцию в духовной культуре. Методология исследования включает культурно-исторический, герменевтический, и компаративный подходы. Результаты показывают движение значений понятий «культура» и «религия» от социального к персональному и надсоциальному, что коррелирует с общим развитием мировоззрения от космоцентризма к теоцентризму и антропоцентризму. Обозначены механизмы философских и богословских предпосылок, мотивирующих культурный процесс к созданию нового и пониманию значения личности в культуре. Сделаны выводы о роли культуры и религии в социализации и достижении постконвенционального состояния развития, которое и обеспечивает социальный и культурный прогресс.

Ключевые слова: религия, культура, самотрансценденция, возникновение понятий религии и культуры, Цицерон, Лактанций, Катон Старший, коэволюция религии и культуры.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ORIGIN AND EVOLUTION OF TERMS «CULTURE» AND «RELIGION», THEIR MEANING FOR THE MODERN UNDERSTANDING OF THE FUTURE PROCESSES

Maksim V. Chekmarev

Moscow University «Synergy»

Abstract. The relevance of the work is due to the continuing significant role of religion in modern culture, despite the predictions of many authors of the XIX–XX centuries. The object of the work is to analyze the context of the emergence of the concepts of «culture» and «religion» in the philosophy of Antiquity, their evolution and possible parallels of the evolution of concepts with modern processes in the relationship between culture and religion. The research objectives include the study of the primary sources of the concepts of «culture» and «religion» in Ancient philosophy, their historical, cultural, philosophical and semantic analysis, and evolution in spiritual culture. The methods includes cultural-historical, hermeneutic, and comparative approaches. The findings show a movement in the meanings of the concepts of «culture» and «religion» from the social to the personal and suprasocial, which correlates with the general development of the worldview from cosmocentrism to theocentrism and anthropocentrism. The mechanisms of philosophical and theological prerequisites that motivate the cultural process to create a new one and to understand the importance of personality in culture are outlined. Conclusions are drawn about the role of culture and religion in socialization and achieving a post-conventional state of development, which ensures social and cultural progress.

Keywords: religion, culture, self-transcendence, the origin of the concepts of culture and religion, Cicero, Lactantius, Cato the Elder, coevolution of the religion and the culture.

Funding: Independent work.

Введение

Соотношение и взаимодействие сфер культуры и религии – одна из актуальных тем современных и классических исследований. Мы можем видеть широкий спектр мнений от антагонизма до поглощения одной сферы другой, где крайними точками зрения можно назвать, например, марксизм и неоортодоксальный поворот в теологии. Однако более продуктивными на современном этапе развития культурологии стоит считать позиции, рассматривающие взаимовлияние и коэволюцию понятий. Сакральное и мирское часто связываются друг с другом что в исторической перспективе, что в современности. Используемые нами сейчас понятия «культура» и «религия» возникли в философии Древнего Рима. Вскоре после своего возникновения они претерпели смысловую эволюцию, отражающую закономерности их развития и в настоящее время.

Результаты

Возникновение понятий в языке во многом связано реалиями жизни его носителей. Сельскохозяйственный уклад Древнего Рима и его самосознание цивилизованного народа на фоне остальных варварских предопределили значение понятия «культура» в трактате о земледелии Марка Порция Катона Старшего. В нём отражён антагонизм понятий дикость (варварство) и культура, а также содержатся поучения автора о необходимости возделывания почвы и отбора культурных растений, особых отношениях землевладельца и его имения, включающих в себя эстетическое чувство и благоговение перед природой, возвышающий труд до искусства. Катон Старший писал: «Когда ты задумаешь приобрести имение, положи на правило, следующее: не бросайся за покупку – не жалей своего труда на осмотр и не считай, что достаточно один раз обойти его кругом. Хорошее имение будет нравиться тебе больше с каждым разом, как ты туда пойдёшь» [5]. Как можно заметить из текста Катона Старшего, речь идёт об облагораживании земли, но одновременно и о благородстве человека, хозяина. Он не упоминает чувства раба или крестьянина, трудящихся на этой земле, предполагая, что культура доступна только знати. Благородство у Катона Старшего вписано в социальную архитектуру Рима и не оспаривает её.

Марк Туллий Цицерон привносит в понятие «культура» новые смыслы, в «Тускуланских беседах» говоря о ней как о *cultura animae*, культуре души [16]. Он наследует традиции, начатой Сократом, которую можно проследить в платоновском диалоге «Алкивиад I», где в 128 главе вводится понятие «заботы о себе», подразумевающее познание собственной души и развитие добродетели [11]. Параллели с Сократом указывают на новый подход к культуре у Цицерона. Катон Старший максимально социален, для него благородство относится к системе отношений, устоявшейся социальной иерархии, знанию традиций и обычаев. Социален ли Сократ? Очевид-

но, что нет, по крайней мере в традиционном смысле. Для него быть членом полиса означает, в первую очередь, быть ответственным за свои мысли и действия, за мир души. Цицерон так же, говоря о *cultura animae*, обращается к экзистенциальному измерению – личному бытию человека, вопросам жизни и смерти. Культура у него относится больше ко внутреннему миру, чем внешнему. В «Тускуланских беседах» о ней идёт речь в диалоге ученика и учителя, чем ещё больше подчёркивается роль культуры в самосовершенствовании. Она есть очевидное, но постоянно подразумеваемое, нуждающееся в напоминании, чтобы инициировать потребность человека возвышаться над обыденностью.

Марк Туллий Цицерон, наряду с культурой, дал собственное оригинальное понятие религии [16]. В сущности, он оказался первопроходцем её философского осмысления, затронув два аспекта: во-первых, религиозный культ, социальное измерение понятия, во-вторых, её связь с добродетельностью, благочестием и благоговением перед высшим божественным порядком. Из второго аспекта религии вырастает справедливость, и в этом она может быть понята как нечто, относящееся к *cultura animae*. Как мы видим, его учение обращено к практической стороне религиозного. Цицерон противопоставляет суеверие как слепое инструментальное следование обрядам и религиозную жизнь субъекта, напитывающегося мудростью. Понятие религии у Цицерона тесно связано с политической философией. Здесь так же можно заметить параллели с греческой мыслью, в частности с Аристотелем, для которого справедливая политика есть практическая этика. Этика Аристотеля – это возвращение добродетелей, которые по описанию очень близки к понятию «способность» в современной психологии: то, что одновременно оказывается и способностью к деятельности, и потребностью, и ценностью. Таково, например, видение способностей и потребностей у А. Маслоу и Б.М. Теплова. Стоит отметить, что вера, являющаяся стержневым феноменом для религиозного сознания, определяется Носсратом Пезешкианом – создателем транскультурального подхода в психотерапии – так же как способность [17]. Таким образом, мы можем заключить, что культура и религия в подходе Цицерона коэволюционируют, в них нет противоречия, они синергичны. Условие синергии – психологическое пространство человека, встроенного в культуру, прошедшего путь воспитания и самовоспитания, раскрывающих добродетельные способности.

Понятие религии у Цицерона в дальнейшем развитии античной мысли было трансформировано в раннем христианстве, для которого Бог и имманентен, и трансцендентен одновременно, поэтому не может быть понят в русле социализирующего знания, какой бы благородный импульс оно не несло. Луций Цецилий Фирмиан Лактанций, являясь представителем богословия апологетов, вступал в полемику с современными ему языческими взглядами и основанной на них философией.

Первое, что предложил Лактанций – новую трактовку понятия «религия». Вместо принятого у Цицерона этимологического корня «relegendo» (повторение), он предлагает новый – «religare», т.е. «связывание». Связь подразумевает гораздо более активную роль человека, он выступает субъектом отношений с Богом. Бог не далёк, с ним возможно общение. «Мы соединены и связаны (religati sumus) этими узами благочестия (pietas) с Богом, отчего и сама религия получила свое имя», – писал Лактанций [1]. Абсолют, а в греческом богословии Логос, будучи идеалом всесовершенства, оказывается источником духовного, а, следовательно, религиозного и культурного импульса, потому что практики культуры самого себя в христианстве не снимаются, а актуализируются ещё более. Между человеческим и божественным возникают диалектические отношения. Бог становится человеком, человек призван к обожению, как утверждал современник Лактанция богослов и апологет из Александрии Афанасий Великий.

Мы предлагаем сделать ещё один шаг в понимании этого термина. «Religare» – составное понятие, содержащие с себе приставку «ге-» и сам корень «ligare». «Re-» указывает на процесс возвращения, восстановления утраченного, похожего на другой латинский термин «regeneratio», означающий восстановление повреждённых тканей и функций. В этом смысле religare может быть понято как «восстановление связи», которая присуща человеку по замыслу Творца, утрачивается в процессе грехопадения, но должна быть восстановлена в земной человеческой жизни. Религиозное всё так же естественно для человека, как и в учении Цицерона, но естественно не как социальная сущность человека, а как глубоко личностное, ответ микрокосма макрокосму – «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих» (Псалтирь 41:8) [4]. Получается, что Лактанций делает для понятия религии то же, что Цицерон сделал для понятия культуры – переводит его из общественного измерения в персональное. Религиозное содержит в себе потенциал не столько для социализации, сколько для десоциализации (или надсоциализации). Мы видим предпосылки значимого философского вопроса – напряжения между личностью и обществом. Культура есть возделывание души, так и религия, в первую очередь, есть работа человеческого духа. Культура возделывает душевную почву, религия возвращает человека к изначальному замыслу Творца. Боги язычества находятся вне человека, у них свои пути, лишь пересекающиеся с путями смертных, о чём свидетельствует греческая и римская мифология. Бог в христианстве живёт и внутри человека – «Царство Божие внутри вас есть».

Противопоставление христианства и язычества у Лактанция продолжается в пересмотре многих положений Цицерона [13]. В частности, это касается уже упомянутого противопоставления религии и суеверия, что логично, потому что для христианского мыслителя язычество часто само по

себе суеверно, оно смещает фокус с сакрального на ритуал, боги язычества слишком антропоморфны. Если у Цицерона различие касается практики: чрезмерное повторение молитвы или ритуала суеверно, а умеренное – достойно, то у Лактанция подобная дифференциация теряет смысл. Он обращает внимание на качество связи с божественным, в котором вера в единого Бога приближает человека к сакральному, обращает к истине. Благочестие приобретает значение познания Бога, а мудрость объединяется с понятием религии – чем теснее связь человека и Бога, тем больше в нём мудрости. Культура в христианстве после определённого периода антагонизма с наследием Античности постепенно станет одним из средств религии, своеобразной лестницей восхождения и одновременно, углубления в направлении собственной души.

Обсуждение

Возникшие в эпоху Античности понятия перекликаются с современным философским поиском. Г.С. Померанц и З.А. Миркина в «Великих религиях мира» ставят проблему отношений между эзотеричным и экзотеричным в религиозных культурах: «во всякой мировой религии есть некое духовное ядро, есть труднодоступная глубина. Это глубинное ядро каждой религии гораздо ближе к глубинному ядру другой религии, чем к своей собственной периферии» [12]. Нетрудно заметить, как исследователи религии движутся к её надсоциальному пониманию, выделяя в ней особое духовное ядро. Причём такое движение нельзя назвать эволюцией понятия религии, обнаружения в ней новых смыслов, в ней изначально заложен посыл человека к выходу за пределы обыденного, постижению мудрости, которая отличается от мирской. По крайней мере, трудно оспорить тот факт, что по замыслу основателей мировых религий, они служат путём преобразования человека и общества, а не закреплёнием текущего миропорядка.

Схожие тенденции можно отметить и в культурологии XX века. Вектор философского осмысления, заданный Цицероном в дискуссии с Катоном Старшим, продолжился в современных дискуссиях об особом статусе культурологии и, соответственно, культуры. Лесли Уайт, отталкиваясь от тезиса Альфреда Крёбера о её сверхорганическом характере, постулирует сверхсоциальность культуры как силы, способной формировать образ общества. «Возникновение способности к символизированию, – отмечает Уайт, – имело своим результатом возникновение нового порядка явлений – экстрасоматического, культурного порядка» [9]. Символический характер сознания создаёт новый порядок человеческой мысли и новый опыт отношений – с идеями, который создаёт особую особую сферу. Уже упоминавшийся Носсрат Пезешкиан, определял веру именно как способности строить отношения с трансцендентным, то есть идеальным. Не только культура рождается из перформативного природного, общественного, но и наоборот.

рот – культура рождает новые пути взаимодействия с природой, обществом и человеком. Уайт делает ещё один шаг, оценивающийся многими исследователями как спорный, что свобода человека в культуре ограничена. Культура создаёт условия для формирования символического бытия человека, в определённой степени удерживает его в рамках, которые Роланом Бартом будут описаны как насилие языка над мышлением [2]. Здесь структуралистские и постструктуралистские тезисы парадоксально сближаются с положениями религии. Для религиозных мыслителей, особенно христианских, очень важно отстаивать принцип свободы воли, дарованной Богом, но и они признают, что эта свобода в реалиях развития личности не дана изначально, а берётся постепенно. Такова, в частности, идея Сёрена Кьеркегора, оформленная в работе «Или-или» ещё в середине XIX века, в которой он говорит о стадиях развития: обывательской, эстетической, этической и религиозной [6]. Только на последней человек достаточно свободен, чтобы победить мир. Человек на момент своего рождения не знает самого себя и Бога, и, пока это постижение не произойдёт, он обусловлен внешним влиянием и своими психологическими ограничениями в виде стыда и тревоги (у Кьеркегора именно это называлось первородным грехом) [7]. Христианские экзистенциалисты и персоналисты XX века продолжили аргументацию в пользу свободы воли. Для кого-то, например, для Н.А. Бердяева, борьба за выход из обусловленности самооценки и критически важна [3]. Макс Шелер признаёт весомую роль истории и культуры в развитии, точнее в предоставлении возможностей для развития духовных идей, но в его феноменологическом проекте опыт личности обладает потенциалом для освобождения, а социально-исторические условия способствуют или препятствуют реализации персональной самоактуализации [15]. Мы сталкиваемся с диалектическим противоречием человек-общество и человек-природа, в котором культура оказывается медиатором. Входя в культуру, человек высвобождается над общественным, обретая шанс стать творцом культуры, а не только пассивным рецепиентом. Сходный путь свойственен и религиозному мировоззрению, если он оказывается раскрытым во всей полноте. Религия легитимизирует выход человека за собственные пределы.

Вторая половина XX века характеризуется повышенным интересом к эволюционным моделям человека, включающим в себя значимые отсылки к роли культуры. Они особенно ярко проявляются в междисциплинарных исследованиях, стремящихся к принципу целостности и неотчуждаемости различных сфер человеческого бытия. Для них характерен отход от монокаузальности и интеграция соматического, социально-экономического, психологического и духовного. Например, Виктор Франкл писал о самотрансценденции как об особом феномене человека, противостоящем гомеостатической мотивации [14]. Он подкрепляет свой тезис обращением к работам философов культуры, психологов и

деятелей религии. Основным оппонентом Франкл видит психоанализ и его принцип удовольствия, включающий в себя образ здоровья, как равновесие между импульсами «Я», «Сверх-Я» и «Оно». Культура для психоанализа вторична, ей отводится роль регулятора, Франкл видит в ней преобразующий потенциал. Строго говоря, психоанализ – лишь одна из концепций, видящая в культуре вторичное. Утилитаризм и прагматизм отводят ей рекреационную роль, марксизм относит к надстройке, а не базису. Впрочем, в каждом из обозначенных учений проявляется тот самый гомеостатический взгляд на культуру и религию: они умиротворяют, закрепляют имеющееся, поддерживают принятые общественные отношения. Очевидно, что это редукция. Иногда упреждение оправдано, но оправдано ли оно в данном случае? Если обратиться к самому зарождению понятий культуры и религии – нет, если пойти вслед за экзистенциально-гуманистической логикой Франкла – тоже нет.

Заключение

Наше обращение к психологии не случайно. Если культура и религия как явления – это общественное субъективное, то психика – индивидуальное субъективное. Это области, в которых активность человека достигает максимума: возможность нашего влияния на мир идей больше, чем на мир материи. Во внутреннем мире рождается замысел, имеющий преобразовательный потенциал для внешней и внутренней действительности. На пересечении психологии и культуры, описанные нами закономерности начинают проступать ещё яснее. Так же как происходит переход от воспитания к самовоспитанию, от культурной рецепции к творчеству и, пользуясь логикой апостола Павла, от слышания к личной вере [4]. Здесь культура и религия действуют сообща как условия, открывающие в нём не только адаптивный, но и креативный способ жизни. Таким образом, вектор развития: воздвигание среды – культура себя – самотрансценденция, оказывается присущим человеку экзистенциально значимым путём бытия. Предпосылки для него закладываются в античной философии, а затем раскрываются в дальнейших философских и культурологических поисках. В них культура и религия представляют собой значимые аспекты пути, хотя динамика этих аспектов уже была отражена в концепциях культуры от Катона Старшего к Цицерону, и религии от Цицерона к Лактанцию. В настоящее время мы являемся свидетелями справедливости тех интуиций, которые были сформулированы в языческой и переходной к христианству Античности. Современность, для которой характерны антропоцентризм и психологизм, больше не удовлетворяется традиционным сознанием, в котором данное извне может не рефлексироваться. Такой путь оказывается угрозой для принятых и поддерживаемых религиозными и общественными институтами обычаев, призванных играть гомеостатическую роль. За революцией, как писал Карл Маркс, следует реакция [10]. Стоит по-

нимать, что угроза мнимая, и привнесение рационального мышления и психологического компонента не разрушительны. Они способны поставить под вопрос принятое на уровне обыденного разума, если привычные ответы расходятся с актуальными потребностями людей. Между тем, культура и религия гораздо ближе к философскому понятию всеобщего, они создают долговременные ценности, даже на уровне субъективного опыта предлагая выйти за пределы себя

(самотрансценденция) и обнаружить целостную картину мира. Картины мира могут меняться, но стремление к схватыванию целого, а не частных, остаётся.

Культура и религия социализируют, но они же и открывают путь для преодоления социализации и создания нового. В этом заключается один из смыслов духовной сферы жизни, отмеченный и Цицероном для понятия культуры, и Лактанцием для понятия религии.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Апполонов А.В. Понятие «religio» у Луция Цецилия Фирмиана Лактанция // Философский журнал. 2019. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-religio-u-lutsiya-tsetsiliya-firmiana-laktantsiya> (дата обращения 27.09.2025). DOI: 10.21146/2072-0726-2019-12-1-63-73 EDN: PHFZDX
2. Барт Ролан. Нулевая степень письма / Сост., науч. ред., авт. предисл. и коммент. Г.К. Косиков. М. : Академический Проект, 2008. 430 с.
3. Бердяев, Николай Александрович Самопознание: учение Бердяева с комментариями. М. : АСТ, 2018. 319 с.
4. Библия. URL : <https://azbyka.ru/biblia> (дата обращения 27.08.2025).
5. Катон Старший Марк Порций «De Agri Culturae» (цит. по «О сельском хозяйстве» / Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. Земледелие. Рязань : Александрия, 2009. 622, с.
6. Кьеркегор Сёрен. Или-или. Фрагмент из жизни / Кьеркегор Сёрен; Пер. с датского Н. Исаевой, С. Исаева. М. : Академический проект, 2018. 775 с.
7. Кьеркегор Сёрен. Понятие страха / Кьеркегор Сёрен; Пер. с датского, вступительная статья и примечания Н. Исаевой, С. Исаева. М. : Академический проект, 2022. 216, с.
8. Лактанций Божественные установления. URL : <https://azbyka.ru/otechnik/Laktantsij/bozhestvennye-ustanovleniya> (дата обращения 27.08.2025).
9. Левитская И.В. Концепция культурологии Л. Уайта: Pro et contra // Вестник СамГУ. 2011. № 82(1-1). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kulturologii-l-uayta-pro-et-contra> (дата обращения 27.08.2025). EDN: ONVMAJ
10. Маркс Карл. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Карл Маркс; Пер. с немецкого. М. : АСТ, 2021. 221 с.
11. Платон Диалоги / Пер. с древнегреческого С.Я. Шейнман-Тонштейн. М. : Мысль, 1986. 607 с.
12. Померанц Г.С. Великие религии мира / Г.С. Померанц, З.А. Миркина. М. : Издательский дом Международного университета, 2006. 256 с.
13. Тюленев В.М. Лактанций и античная философия // СМ. 2008. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/laktantsiy-i-antichnaya-filosofiya> (дата обращения 25.08.2025).
14. Франкл Виктор. Самотрансценденция как феномен человека. URL : <https://www.psychology-online.net/articles/doc-885.html>
15. Шелер Макс. Проблемы социологии знания / Макс Шелер; Пер., коммент., послесловие А.Н. Маликин. М. : Ин-т гуманитарных исслед., 2011. 302 с.
16. Цицерон Марк Туллий. О природе богов; Тускуланские беседы; Речи / Цицерон Марк Туллий; Перевод с латинского Сергея Блажеевского, Михаила Гаспарова, Виктора Горенштейна. СПб. : Азбука, 2022. 989 с.
17. Peseschkian, Nossrat Positive Psychotherapy: Theory and Practice of a New Method. : Springer-Verlag, 1987. 442 p.

References:

1. Apollonov A.V. The concept of «religious» in Lucius Caecilius Firmianus Lactantius // Philosophical Journal. 2019. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-religio-u-lutsiya-tsetsiliya-firmiana-laktantsiya> (date of application 08/27/2025). Registration number: 10.21146/2072-0726-2019-12-1-63-73 EDITED number: PHFZDX

2. Bart, Roland Zero degree / Comp., scientific ed., author's preface. and a comment by G.K. Kosikov. M. : Akademicheskij Proekt Publ., 2008. 430 p.
3. Berdyaev Nikolay. Aleksandrovich samopoznanie: Berdyaev's teaching with comments. M. : AST, 2018. 319 p.
4. Bibliography. URL : <https://azbyka.ru/biblia> (date of application 08/27/2025).
5. Cato, Varro, Columella, Pliny. Agriculture. Ryazan : Alexandria, 2009. 622 p.
6. Kierkegaard Serena. Williams. A fragment from life / Kierkegaard Serena; Translated from Danish by N. Isaeva, S. Isaeva. M. : Academic Project, 2018. 775 p.
7. Kierkegaard Seren. The concept of fear / Kierkegaard Serena; Translated from Danish, introductory article and notes by N. Isaev, S. Isaev. M. : Academic Project, 2022. 216 p.
8. Laktan State University <https://azbyka.ru/otechnik/Laktantsij/bozhestvennye-ustanovlenija> (date of application 08/27/2025).
9. Levitskaya I.V. conception of sociology L. White: pros and cons // Bulletin of the Samara State University. 2011. № 82(1-1). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kulturologii-l-uayta-pro-et-contra> (date of application 08/27/2025).
10. Marx Karl. Louis Bonaparte's Eighteenth Brumaire / Karl Marx; Transl. from German. M. : AST, 2021. 221 p.
11. Plato dialogues / translated from the ancient Greek by S. Ya. Sheinman-tonstein. Moscow: Mysl, 1986. 607 p.
12. Pomerants G.S. The great religions of the world / G.S. Pomerants, Z.A. Mirkina. M. : Publishing House of the International University, 2006. 256 p.
13. Tlenez V.M. Lactantius and ancient philosophy // See. 2008. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/laktantsij-i-antichnaya-filosofiya> (date of application 08/25/2025).
14. Franklin Victor. Self-transcendence as a human personality. URL : <https://www.psychology-online.net/articles/doc-885.html>.
15. Koehler Max. Leaders of sociological knowledge / Koehler Max; Transl., commentary, in the words of A.N. Malinkin. M. : Institute of Humanities, 2011. 302 p.
16. Cicero Marcus Tullius. On the Nature of the Gods; Tusculan conversations; Speeches / Cicero Marcus Tullius; Translated from Latin by Sergei Blazhevsky, Mikhail Gasparov, Victor Gorenstein. SPb. : ABC, 2022. 989 p.
17. Pesoshkyan Nusrat Positive psychotherapy: theory and practice of a new method. M. : Springer-Verlag, 1987. 442 p.

Информация об авторе

Чекмарёв Максим Викторович
аспирант,
Московский университет «Синергия»
ORCID: 0009-0007-9688-6174
pontific3@yandex.ru

Maksim V. Chekmarev
Graduate Student,
Moscow University «Synergy»
ORCID: 0009-0007-9688-6174
pontific3@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2024.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.09.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-14>

УДК 101



Attribution

cc by

СКАЗКА «РЕПКА» В АСПЕКТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР: РОССИЯ – КИТАЙ

Щербакова Е.Н., Чэнь Цзы Жань

¹Средняя общеобразовательная школа № 15 (Динской район Краснодарского края),

²Академия искусств АСЕАН Чэндуского университета, КНР

Аннотация. В 2025 году исполнилось 125 лет со Дня рождения замечательного русского художника Юрия Алексеевича Васнецова, чьи иллюстрации к сказкам П.П. Ершова («Конек-Горбунок»), С.Я. Маршака («Теремок», «Кошкин дом»), Л.Н. Толстого («Три медведя»), К.И. Чуковского («Краденое солнце») и многим другим книгам, адресованным детской аудитории, были и остаются весьма популярными. Однако для самого Юрия Алексеевича одной из любимых сказок, к которой он сделал большое количество рисунков, стала русская народная сказка «Репка», известная в пересказе А.Н. Толстого. Экранизация этой сказки в творческом тандеме режиссера С.Я. Мокиль и композитора В.П. Ширинского была осуществлена в 1936 году, когда вышла в свет, и сказка «Репка» с иллюстрациями Ю.А. Васнецова. Причем, судьбы художника и композитора оказались связанными не только общим делом – в одном случае, созданием визуального варианта «Репки», а в другом – музыкального, но и одним городом, некогда названным Екатеринодаром, а в настоящее время именуемым Краснодаром. Знаменательно, что сказка «Репка» получила признание не только в России, но и в Китайской Народной Республике. Благодаря школьному учебнику китайского языка, а также нескольким отдельным книгам, разговор об этой сказке может поддержать сегодня практически любой китайский ребенок. Более того, в Китае известны песня «Репка», слова и музыку которой написала школьный учитель госпожа Бао Эньчжу, а также мультипликационный фильм. Он был снят в 1957 году режиссером Цянь Цзяцзюнем в содружестве с композитором Чэнь Гэ. Сравнительный анализ иллюстраций к сказке «Репка» Ю.А. Васнецова и китайского художника Ху Боцзуна, а также ее советской и китайской экранизаций позволит обнаружить как общее, так и особенное в диалоге культур России и Китая.

Ключевые слова: сказка, иллюстрации к сказкам, экранизация сказок, художник, композитор, мультфильмы по сказкам.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE TALE OF «THE TURNIP» IN THE CONTEXT OF CULTURAL DIALOGUE: RUSSIA AND CHINA

Elena N. Shcherbakova, Chen Ziran

¹Secondary School № 15 in the Dinsky District of the Krasnodar territory,

²ASEAN Academy of Arts at Chengdu University, China

Abstract. The year 2025 marks the 125th anniversary of the birth of the remarkable Russian artist Yuri Alekseevich Vasnetsov. His illustrations for fairy tales by P.P. Ershov («The Little Hump-backed Horse»), S.Ya. Marshak («The Teremok», «The Cat's House»), L.N. Tolstoy («The Three Bears»), K.I. Chukovsky («The Stolen Sun»), and many other children's books were and remain very popular. However, for Yuri Alekseevich himself, one of his favorite fairy tales, for which he created numerous illustrations, was the Russian folk tale «The Turnip», famous in A.N. Tolstoy's retelling. A film adaptation of this fairy tale, a collaboration between director S.Ya. Mokil and composer V.P. Shirinsky, was produced in 1936, when «The Turnip» was also published with illustrations by Yuri Vasnetsov. Moreover, the destinies of the artist and composer were linked not only by a common cause – in one case, the creation of a visual version of «The Turnip», in the other, a musical version – but also by the same city, once called Yekaterinodar and now known as Krasnodar. Significantly, «The Turnip» has gained recognition not only in Russia but also in the People's Republic of China. Thanks to a Chinese language textbook and several stand-alone books, virtually any Chinese child can now discuss this tale. Furthermore, the song «The Turnip», with lyrics and music written by schoolteacher

© Щербакова Е.Н., Чэнь Цзы Жань

Ms. Bao Enzhu, and the animated film are well-known in China. It was filmed in 1957 by director Qian Jiajun in collaboration with composer Chen Ge. A comparative analysis of the illustrations for the fairy tale «The Turnip» by Yury Vasnetsov and the Chinese artist Hu Bozong, as well as its Soviet and Chinese film adaptations, will reveal both the commonalities and the specificities in the cultural dialogue between Russia and China.

Keywords: fairy tale, fairy tale illustrations, fairy tale film adaptations, artist, composer, fairy tale cartoons.

Funding: Independent work.

Введение.

2025 год стал юбилейным годом для замечательного художника Юрия Алексеевича Васнецова (1900–1973), представителя вятской ветви известного рода Васнецовых, выходцами из которого были братья А.М. и В.М. Васнецовы [1]. 125-летие со Дня рождения Юрия Алексеевича отмечали 23 марта с. г.

Наш интерес к этому мастеру обусловлен не только тем, что он был любим многими поколениями советских людей (как детей, так и их родителей) благодаря своим иллюстрациям к большому количеству детских книжек, но и его причастностью к городу Краснодару.

Во-первых, речь идет о том, что Юрий Алексеевич выступил иллюстратором пьесы Самуила Яковлевича Маршак «Кошкин дом», написанной для краснодарских беспризорников, с которыми Маршак работал и для которых в 20-е годы прошлого века организовал со своими единомышленниками первый в советской стране детский театр.

Во-вторых, дочь Ю.А. Васнецова Елизавета Юрьевна Васнецова (1936 г.р.) – тоже известный художник неоднократно бывала в Краснодаре, навещая семью своего супруга Виктора Федоровича Стеблянского (1935–2025). В этих поездках Елизавета Юрьевна создала несколько литографий, посвященных малой родине своего избранника. Подаренные городу в память о Викторе Стеблянском, они хранятся в Краснодарском краевом художественном музее имени Ф.А. Коваленко [5]. Знаком взаимного уважения и симпатии Виктора Федоровича и отца Елизаветы Юрьевны Юрия Алексеевича стал портрет Ю.А. Васнецова кисти В.Ф. Стеблянского, который находится в Удмуртском республиканском музее изобразительных искусств [5].

Вместе с тем, Краснодар оказался местом пребывания и композитора Василия Петровича Ширинского (1901–1965), который в 1936 году – времени выхода в свет сказки «Репка» с иллюстрациями Ю. В. Васнецова участвовал наряду с режиссером Саррой Яковлевной Мокиль (1906–1984) в экранизации сказки «Репка» [3].

Своими знаниями относительно Василия Петровича Ширинского в интервью одному из авторов статьи поделился композитор Сергей Викторович Аникиенко. С его слов, мама Василия Евгения Францевна, Ширинская (в девичестве Кас-

сан), росла и воспитывалась в музыкальной семье. Ее отцом был, живший в Керчи, скрипач. Имеется информация, что сама Евгения Францевна играла на фортепиано, обучаясь мастерству в Венской консерватории [4, с. 195]. Однако наряду с этими, существуют и другие сведения, согласно которым в Екатеринодар Евгения Францевна приехала в 16-летнем возрасте. Пытаясь спастись от замужества с нелюбимым человеком, на чем настаивали ее родители, девушка тайно уехала из Керчи. Поскольку к этому возрасту окончить полный курс обучения в консерватории вряд ли было возможно, говорить о точности имеющихся данных не приходится [4, с. 194].

Вероятнее всего, что в Екатеринодар Евгения Францевна прибыла в 1890 году. Такое предположение зиждется на том основании, что в конце января 1910 года в Екатеринодаре был организован концерт пианистки, приуроченный к 20-летию музыкальной и педагогической деятельности Евгении Францевны. На этом концерте юбиляр исполнила Фортепианный концерт С-dur Л. ван Бетховена в сопровождении Кубанского симфонического оркестра под управлением дирижера Е.Д. Эспозито. Важно подчеркнуть, что помимо сольных выступлений, Евгения Францевна считалась лучшим аккомпаниатором Екатеринодара, выступая практически со всеми местными и приезжими музыкантами. Принимая во внимание то обстоятельство, что гастрوليрующие солисты нередко прибывали к месту гастролей без личного аккомпаниатора, понятно, что как ближний, так и дальний круг общения Евгении Францевны оказался довольно широким [4, с. 193].

Примечательно, что у Евгении Францевны были также сестра и брат. Ольга Францевна Кассан – вокалистка, обладавшая колоратурным сопрано, неоднократно выступала в Екатеринодаре в 1892–1893 годах. Несколько позднее, в 1898–1899 годах, в екатеринодарских концертах принимал участие Александр Францевич, которого пресса относил к числу талантливых виолончелистов. К сожалению, сведениями об отце Василия и его младшего брата Сергея – будущего музыкального педагога и виолончелиста наш интервьюер не располагал. Тем не менее, по мнению С.В. Аникиенко, впервые сочетание фамилии их матери с фамилией их отца (Кассан-Ширинская), появилось в прессе в 1902 году. Возможно, с этой датой связано образование семьи Евгенией Францевной и Петром Ширинским [4, с. 195].

Педагогом Василия, обучавшим мальчика игре на скрипке, стал Яков Адамович Назаров, приобретший любовь и уважение екатеринодарцев музыкант-самоучка, обучавшийся, но не завершивший курс в Санкт-Петербургской консерватории. Доподлинно известно, что он приходился родным дядей братьям Кирлиан. Один из них – Михаил Давидович, более сорока лет проработал в Краснодарском музыкальном училище, исполняя должность педагога по классу скрипки. Второй – Семен Давидович оставил по себе память в качестве изобретателя. Совместно с супругой он открыл новый способ фотографирования, доказав тем самым существование такого феномена, как аура. Впоследствии это открытие получило известность как «эффект Кирлиан».

Возвращаясь к Якову Адамовичу Назарову, отметим, что помимо преподавания он плодотворно сотрудничал с местными периодическими изданиями, а также занимался композиторством. Об этом свидетельствуют сборники его пьес, которые С.В. Аникиенко обнаружил в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга [4, с. 194]. Интересно, что еще ребенком десяти лет Василий Петрович принимал участие в проходивших в Екатеринодаре концертах, а в 12-тилетнем возрасте вместе со своей мамой поехал в концертный тур по Северному Кавказу, дав 17 концертов. Последний его выход на екатеринодарскую сцену состоялся летом 1916 года, когда он уже был учеником Московской консерватории [4, с. 194–195].

Адреса, по которым семья Ширинских проживала в городе Екатеринодаре, удалось узнать благодаря объявлениям о работе курсов фортепианной игры Е.Ф. Кассан-Ширинской, время от времени появлявшимся в местной периодике. Поскольку такая работа, как правило, проводилась на дому у педагога, то одним из указанных в газете адресов стал дом Скрипченко, расположенный на углу улиц Рахпилевской и Полицейской (ныне улица Гоголя). Скорее всего, в этом доме Евгения Францевна проживала до замужества. Однако уже в 1901 году – времени рождения ее первого сына Василия адрес курсов поменялся. Сначала это был дом Губкина на Соборной площади, вход в который производился с Бурсаковской улицы (ныне улица Красноармейская), затем – дом Белецкого по Графской улице (ныне улица Советская). Этот дом под номером 34 находился тогда напротив Армянской церкви (к сожалению, все эти строения были снесены в 70-е годы XX века). Последний адрес, по которому Ширинские жили до отъезда из Екатеринодара в 1913 году – Борзиковская улица, 35 (в современном городе эта улица была переименована в улицу Коммунаров). Сменивший в это время свой номер дом (вместо № 35 – № 49) также не сохранился. Примечательно, что этим домом Е.Ф. Ширинская владела до 1916 года, хотя семья уже проживала на тот момент в Москве. Именно в этом году в газете появилась информация о продаже недвижимости, которая, судя по объявлению, имела 6 комнат и фрукто-

вый сад общей площадью земельного участка около 365 квадратных сажен [4, с. 196].

Обсуждение.

Поскольку выход в свет сказки «Репка» с иллюстрациями Ю.А. Васнецова в 1936 году совпал с выходом этой сказки на экран, тот факт, что в титрах мультипликационного фильма указаны только имена авторов кукол, не отменяет наличие очевидных перекличек его визуального ряда с иллюстрациями художника. Это и плетень, ограживающий предназначенное для посадок пространство земли, и деревянная изба, и солнышко, и персонажи фильма. При этом в силу того, что эта длящаяся 12 минут лента была черно-белой, именно музыка В.П. Ширинского наполнила историю про репку яркими красками за счет тембрового разнообразия инструментов малого симфонического оркестра. Вместе с тем, взаимодействуя с вербальным рядом, музыка обеспечивала зрителю юмористический настрой. При незначительном количестве слов, она выполняет роль «рассказчика» за счет обращения композитора к фольклорному материалу, представленному то посредством прямого цитирования, то стилизации. Аналогично музыкальной сказке С.С. Прокофьева «Петя и волк» в инструментальном театре В.П. Ширинского деда озвучивает такой духовой инструмент, как фагот [3].

Знаменательно, что приметы стиля Ю.А. Васнецова обнаруживают себя не только в визуальном ряду советской мультипликации, но и в иллюстрациях, размещенных в учебнике китайского языка, авторство которых принадлежит художнику Ху Боцзуну. Речь идет об окладистой белой бороде и головном уборе деда, красной кофте бабы, чью голову, как и голову ее русоволосой внучки, покрывает косынка. Также обращает на себя внимание и белая в черную полоску кошка, повторяющая кошку на иллюстрации Ю.А. Васнецова.

Очевидно, что в своей работе Ху Боцзун старательно пытался воплотить приметы русскости в героях сказки и окружающей их природе, однако, вместо репки в иллюстрациях художника изображен гигантский редис. Причем, в нескольких изданиях этой сказки при участии разных художников, в чьих визуальных фантазиях выступали персонажи «Репки», то в большей степени - они отвечают антропологическому типу жителей КНР, в том числе характерному для китайцев черному цвету волос, а в меньшей степени, где вместо традиционной для русской народной сказки мышки появляется птичка, именно редис со свойственным ему цветом остается неизменным. Подобный опыт мы связываем с тем, что в Китае такой плод, как репка, остается неизвестным ни по вкусовым качествам, ни визуально. Потому с целью адаптации русской сказки и провозглашаемых ею ценностей, которые передаются из поколения в поколение посредством этического канона [2, с. 30], китайские художники однозначно делают выбор в пользу знакомому китайцам

редису лишь с одной оговоркой. В обыденной жизни такой гигантский корнеплод им вряд ли довелось когда-нибудь встретить.

Нельзя не признать, что изучение сказки «Репка» в пересказе А.Н. Толстого привело к тому, что учитель музыки средней школы для девочек Сунцзян (провинция Цзянсу) госпожа Бао Эньчжу (1902 – ????) написала песню «Репка», выступив и автором слов, и автором музыки [4, с. 118]. В результате, история про деда, бабу, внука, собаку Жучку, кошку и мышку стала еще более привлекательной. Дело в том, что слова песни, как и музыка, основанная всего лишь на четырех нотах (до, ре, ми и соль), были понятны китайской детворе и ввиду используемого во время пения игрового элемента вызвали исключительно положительные эмоции. Вот как это звучит на русском языке:

«Ой-ёй, Ой-ёй,

Тянет-потянет,

Вытянуть не может.

Бабу дедушка позвал,

Пусть она поможет!

«Ой-ёй, Ой-ёй,

Тянут-потянут,

Вытянуть не могут.

Внуку бабушка позвала,

Пусть она поможет!

Ой-ёй, Ой-ёй,

Тянут-потянут,

Вытянуть не могут.

Жучку внука позвала,

Пусть она поможет!

Ой-ёй, Ой-ёй,

Тянут-потянут,

Вытянуть не могут.

Кошку Жучка позвала,

Пусть она поможет!

Ой-ёй, Ой-ёй,

Тянут-потянут,

Вытянуть не могут.

Кошка мышку позвала,

Пусть она поможет» [4, с. 119].

Популярность этой песни и неизменная включенность сказки «Репка» в учебники китайского языка, а также отдельные издания и переиздания этой сказки обратили внимание к этому произведению кинематографистов анимационной студии города Шанхая. В результате, на экраны вышел мультипликационный фильм «Выдерни редис!», созданный в творческом тандеме режиссера Цянь Цзяцзюня (1916–2011) и композитора Чэнь Гэ (1914–1961). Однако в своей работе режиссер, сохранив сюжет, полностью поменял персонажей, в результате чего, вместо шести героев русской народной сказки – дед, бабу, их внуки, собаки, кошки и мышки в «борьбу» с редисом вступают пять символических для китайцев животных. Это зайчонок (знаменующий собой удачу), обезьянка (долголетие), медведь (сила и бесстрашие) и улитка (преодоление).

Если говорить о музыке фильма «Выдерни редис!», то, подобно В.П. Ширинскому, Чэнь Гэ использует инструменты симфонического оркестра, закрепляя за каждым героем сказки свой музыкальный тембр. При этом фольклорное начало аналогично советской мультипликации опознается как на визуальном, так и на аудиальном уровнях. В первом случае речь идет о национальной одежде китайцев, приметы которой обнаруживают себя в нарядах зайчонка – он красуется в натальной рубашке (ханьгуа) традиционно синего цвета; поросенка, одетого по воле режиссера в красный набрюшник (дудоу), обезьянки и медведя, чья одежда – красные свитера с глубоким вырезом (кайцзинь). Во втором случае имеется в виду включение в состав симфонического оркестра звучания китайского барабана дагу и колокольчиков бяньчжун [4, с. 108–109; с. 115].

Тем не менее, замена персонажей русской народной сказки «Репка» в мультипликации «Выдерни редис!» на знаковых для китайской традиционной культуры животных никак не повлияла на сохранность тех ценностей, которые заложены в первоисточнике. В их числе – взаимовыручка, совместное участие в достижении положительного для всех результата, дружба и взаимопомощь.

Заключение.

Сравнительный анализ иллюстраций художников Ю.А. Васнецова и Ху Боцзуна к русской народной сказке «Репка», а также ее советской и китайской экранизаций, выполненных в творческом союзе режиссеров С.Я. Мокиль и Цянь Цзяцзюня с композиторами В.П. Ширинским и Чэнь Гэ показал наличие как общего, так и особенного в культурах России, и Китая. Очевидно, что фундаментом для диалога обеих стран выступают общечеловеческие ценности, утверждаемые в сказке «Репка», которые близки и понятны русскому и китайскому народу. Однако для закрепления этих ценностей китайские кинематографисты прибегают к традиционным для своей культуры персонажам и известным жителям КНР

овощам. В то же время, иллюстрации Ху Боцзуна, помещенные в учебнике китайского языка, с очевидностью демонстрируют желание художника сохранить приметы той культуры, которая подарила миру историю про деда, бабу, внука, Жучку, кошку и мышку. Столь же трогательно и то, что русская народная сказка вдохновила учителя музыки китайской школы для девочек госпожу Бао Эньжу на создание песни «Репка»,

аналога которой в творческом наследии советских и современных композиторов не существует.

Подытоживая все вышеизложенное, выскажем надежду на то, что нынешние культурные связи, соединяющие народы России и Китая, дадут импульс для новых совместных творческих проектов в литературе, изобразительном искусстве, музыке и кинематографе.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Абрамович Е.З. Род Васнецовых-Шкляевых: культурологический анализ : монография / Е.З. Абрамович, Е.Н. Щербакова. Краснодар : КВВУ, 2019. 80 с. ISBN: 978-5-91592-806-8 EDN: KLVREU
2. Волкова П.С. Этический канон народной сказки в аспекте культурных традиций и их сохранения молодым поколением россиян (на примере отечественной и китайской мультипликации) / П.С. Волкова, Чэнь Цзыжань; Редакторы-составители А.Н. Соколова, М.Ш. Абдулаева // Культурные традиции и художественное образование. Сборник научных трудов. Майкоп; Махачкала : Изд-во АЛЕФ, 2024. Вып. 3. С. 30–37.
3. Чэнь Цзыжань. Музыкальный ряд мультипликационного фильма «Репка» в аспекте кинотекста: опыт искусствоведческого анализа // Проблемы музыкальной науки. 2023. № 2. С. 150–161.
4. Чэнь Цзыжань. Взаимодействие российской и китайской музыкальных культур в искусстве анимации : дис. ... канд. искусств.: 5.10.3. Виды искусства (музыкальное искусство) (искусствоведение). СПб., 2025. 201 с.
5. Щербакова Е.Н. Краснодарский художник Стеблянский В.Ф. // Современные аспекты диалога литературы, музыки и изобразительного искусства в западноевропейской и отечественной музыкальной культуре. Краснодар : КГИК, 2022. С. 237–241.

References:

1. Abramovich E.Z. The Vasnetsov-Shklyayev family: cultural analysis : monograph / E.Z. Abramovich, E.N. Shcherbakova. Krasnodar: KVVU, 2019. 80 p. ISBN: 978-5-91592-806-8 EDN: KLVREU
2. Volkova P.S. The ethical canon of folk tales in the aspect of cultural traditions and their preservation by the younger generation of Russians (on the example of Russian and Chinese animation) / P.S. Volkova, Chen Zizhan; Editors-compilers A.N. Sokolova, M.Sh. Abdulaeva // Cultural traditions and art education. Collection of scientific papers. Maikop; Makhachkala : ALEF Publishing House, 2024. Iss. 3. P. 30–37.
3. Chen Ziran. The musical sequence of the animated film «Turnip» in the aspect of film text: the experience of art historical analysis // Problems of music science. 2023. № 2. P. 150–161.
4. Chen Tsiran. The interaction of Russian and Chinese musical cultures in the art of animation : dis. ... cand. arts.: 5.10.3. Types of art (musical art) (art history). SPb., 2025. 201 p.
5. Shcherbakova E.N. Krasnodar artist Steblyansky V.F. // Modern aspects of the dialogue of literature, music and fine arts in Western European and Russian musical culture. Krasnodar : KGIK Publ., 2022. P. 237–241.

Информация об авторе

Щербакова Елена Николаевна

потомок вятской ветви рода Васнецовых,
учитель русского языка и литературы
МАОУ СОШ № 15 Динского района
Краснодарского края
sherbakova120559elena@mail.ru

Elena N. Shcherbakova

Descendant of the Vyatka branch
of the Vasnetsov Family,
Teacher of Russian language and literature
at Secondary School № 15
in the Dinsky District of the Krasnodar territory
sherbakova120559elena@mail.ru

Чэнь ЦзыЖань

кандидат искусствоведения,
старший преподаватель
Академии искусств АСЕАН
Чэндуского университета, КНР
chziran@126.com

Chen Ziran

PhD in Art History,
Senior Lecturer
at the ASEAN Academy of Arts
at Chengdu University, China
chziran@126.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.09.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-12>
УДК 364



Attribution
cc by

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ О ПРОБЛЕМАХ ДЕМОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аверин А.Н.¹, Бутова А.С.², Пуцер К.В.³

¹*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,*

²*Московский гуманитарный университет,*

³*Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. Послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года несомненно является актуальной темой исследования, поскольку в нем сформулированы масштабные задачи и предложены пути их решения на шесть лет с 2024 по 2030 год. Цель статьи состоит в том, чтобы из всего многообразия задач рассмотреть задачи в области демографии и социальной политики. Объект исследования: Послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года. Методы исследования: анализ и синтез, дедукция и индукция, сравнение. Результаты. Показано, что значительное место в Послании занимает решение тесно взаимосвязанных и взаимозависимых задач демографии и социальной политики. Рассмотрены основные меры по их решению – создание новых национальных проектов «Семья» и «Продолжительная и активная жизнь», единое ежемесячное пособие для семей с детьми и беременных женщин, материнский капитал, государственная поддержка многодетных семей, социальный контракт, семейная ипотека, погашение государством за семью части ипотечного кредита, налоговые вычеты, совершенствование системы оплаты труда в бюджетной сфере, сберегательный сертификат, создание новой комплексной программы по охране материнства, сбережению здоровья детей подростков, строительство спортивных объектов, обновление и открытие медицинских кабинетов в школах. Выводы. Реализация новых национальных проектов «Семья» и «Продолжительная и активная жизнь» в единстве с другими инструментами социальной политики смогут оказать положительное влияние на повышение рождаемости, увеличение продолжительности жизни, поддержку и укрепление семей с детьми, развитие социальной политики. В обзоре литературы следует отметить, что после оглашения Послания прошло немного времени, поэтому появились статьи, в основном, в печатных СМИ. Несомненно, что в будущем времени появятся статьи, в которых будет анализироваться реализация Послания по всем рассмотренным в нем проблемам, особенно проблемам, содержащимся в пяти новых национальных проектах после их утверждения.

Ключевые слова: бедность, демография, здравоохранение, ипотечный кредит, кадры, материнский капитал, молодежь, налоговый вычет, национальный проект, образование, оплата труда, послание, пособие, продолжительная жизнь, сберегательный сертификат, семейная ипотека, семья с детьми, социальная политика, социальный контракт, спорт, экономика данных.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ADDRESS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION TO THE FEDERAL ASSEMBLY ON THE PROBLEMS OF DEMOGRAPHY AND SOCIAL POLICY

Alexander N. Averin¹, Anastasia S. Butova², Kirill V. Putzer³

¹*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,*

²*Moscow University for the Humanities,*

³*South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

© Аверин А.Н., Бутова А.С., Пуцер К.В.

Abstract. The Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on February 29, 2024 is undoubtedly a relevant topic of research, since it formulates large-scale tasks and proposes ways to solve them for six years from 2024 to 2030. The purpose of the article is to consider the tasks in the field of demography and social policy from the whole variety of tasks. The object of the research is the Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on February 29, 2024. Such research methods as analysis and synthesis, deduction and induction, and comparison are used. The results of the study. The main measures to solve them were considered – the creation of new national projects «Family» and «Long and Active Life», a single monthly allowance for families with children and pregnant women, maternity capital, state support for large families, a social contract, a family mortgage, repayment by the state of part of a mortgage loan for the family, tax deductions, improvement of the system of remuneration in the public sector, savings certificate, creation of a new comprehensive program for the protection of motherhood, preservation of the health of children and teenagers, construction of sports facilities, renovation and opening of medical facilities, classrooms in schools. The main conclusion is that the implementation of the new national projects «Family» and «Long and Active Life» in conjunction with other instruments of social policy will be able to have a positive impact on increasing the birth rate, increasing life expectancy, supporting and strengthening families with children, and developing social policy. In the literature review, it should be noted that not much time has passed since the announcement of the Address, so articles appeared mainly in the print media. There is no doubt that in the future there will be articles that will analyze the implementation of the Address on all the issues considered in it, especially the problems contained in the five new national projects after their approval.

Keywords: Poverty, Demography, Healthcare, Mortgage Loan, Human Resources, Maternity Capital, Youth, Tax Deduction, National Project, Education, Wages, Message, Allowance, Long Life, Savings Certificate, Family Mortgage, Family with Children, Social Policy, Social Contract, Sports, Data Economy.

Funding: Independent work.

Введение.

Решение масштабных задач, определенных в Послании Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года, связано с борьбой с бедностью, повышением доходов населения, созданием новой модели оплаты труда бюджетников, государственной поддержкой семьи, улучшением демографической ситуации, реализацией молодежной политики, подготовкой кадров, развитием образования, здравоохранения, культуры, спорта, туризма, жилищно-коммунального хозяйства, экономики, бизнеса, налоговой системы, транспорта, защитой окружающей среды, созданием цифровых платформ, до конца 2024 года 5 новых национальных проектов – Семья, Продолжительная и активная жизнь, Молодежь России, Кадры, Экономика данных [1].

Демографическая политика как элемент социального управления представляет собой многоуровневую систему взаимодействия государства и общества. В контексте современной социологической теории, демографические процессы рассматриваются не только как статистические показатели, но и как отражение глубинных социокультурных трансформаций. Решение о рождении детей принимается семьями не только исходя из экономических соображений, но и под влиянием

символического и культурного капиталов. Это объясняет, почему чисто материальные меры поддержки хотя и необходимы, не всегда приводят к желаемому демографическому эффекту.

Результаты. Обсуждение.

В стране происходит снижение рождаемости. Влияют на рождаемость экономика, качество социальной сферы, жизненные ориентиры, которые закладываются в семье, формируются культурой, образованием, просвещением. Молодые люди получают образование, делают карьеру, налаживают свой быт; при этом рождение детей откладывают на более позднее время. Президент подчеркнул, что поддержка семей с детьми является фундаментальным нравственным выбором. Большая многодетная семья должна стать нормой жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии. Президент назвал основные проблемы, на первое место поставив проблему бедности, отметив, что более 9% населения нашей страны живет за чертой бедности, а среди многодетных семей таких семей насчитывается около 30 %.

Следует отметить, что по результатам статистических данных, в сравнении с 2000 годом в 2023 году количество людей, которые находились за

чертой бедности, снизилось с 42 млн до 13,5 млн чел., благодаря реализации следующих мер по социальной защите населения: введено единое ежемесячное пособие для семей с невысокими доходами от беременности женщины до достижения ребенком возраста 17 лет. В 2023 году пособие получили более 11 млн человек. При заключении социального контракта приоритет отдается многодетным семьям. Для реализации этого проекта потребуется на заключение социального контракта 100 млрд рублей, благодаря чему, предполагается к 2030 году снизить уровень бедности в стране менее 7 %, среди многодетных семей – он снизится более чем в два раза до 12 %.

Если обратить внимание на новый национальный проект «Семья», то следует отметить, что он предназначен для повышения качества жизни семей с детьми и поддержки роста рождаемости. В то же время, в данном контексте следует отметить, что в дополнение к федеральным программам регионы реализуют региональные меры поддержки семей с детьми, хотя, по нашему мнению, далеко не во всех из них имеются ресурсы, позволяющие им реализовать этот проект. Именно поэтому регионам, в которых уровень рождаемости ниже среднероссийского уровня, необходима дополнительная помощь в связи с чем, в 2022 году в 39 регионах суммарный коэффициент рождаемости был ниже среднероссийского. Именно в связи с этим, до конца 2030 года в такие регионы будут направлены не менее 75 млрд руб. для поддержки семей.

За последние шесть лет многие семьи улучшили жилищные условия, из них более 900 тыс. – с помощью семейной ипотеки. Программа семейной ипотеки началась в 2018 году для семьи, в которой имелись двое и более детей, затем в эту программу были включены семьи с одним ребенком. Программа продлена до 2030 года, особое внимание в ней уделяется семьям с детьми до шести лет, для них льготная ставка кредита остается прежней в 6 %. Продление семейной ипотеки позволит улучшить жилищные условия 350 тыс. семей. С начала же действия семейной ипотеки ею воспользовались более 940 тыс. семей, а сумма выданных ипотечных кредитов составила 4,1 трлн руб. На семейную ипотеку приходится более 50 % всех выдаваемых по государственным программам кредитов [2]. В 2024 году дополнительные расходы федерального бюджета на продление программы семейной ипотеки составят 260 млрд руб., а до 2030 года – 1,5 трлн руб. Льготная ставка кредита составляет 6 %, в Дальневосточном федеральном округе и для семьи, в которой воспитывается ребенок с инвалидностью, – 5 %. Первоначальный взнос для семейной ипотеки составляет минимум 20% стоимости жилья. Максимальная сумма жилищного кредита в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях – 12 млн руб., а в других регионах – 6 млн руб.

Продлена до 2030 года программа погашения государством за семью части ипотечного креди-

та в сумме 450 тыс. руб. при рождении третьего ребенка после 01 января 2019 года. В 2024 году для этого потребуется дополнительно 50 млрд руб. Выплаты в размере 450 тыс. руб. для полного или частичного погашения ипотеки можно будет использовать для покрытия кредита на покупку или строительство жилья, приобретение земельного участка для индивидуального строительства [3].

Концептуально важно отметить парадокс современной семейной политики: государство стремится стимулировать через экономические механизмы, однако, демографическое поведение формируется в рамках более широкого культурного контекста. Дело в том, что установки на рост количества детей формируются под влиянием не столько текущей экономической ситуации, сколько – долгосрочных жизненных стратегий и ценностных ориентаций молодежи. Это создает «временной лаг» между введением мер поддержки и их демографическими результатами.

В стране в настоящее время насчитывается больше 2 млн семей, в которых воспитывается трое и больше детей [1]. Они относятся к многодетным семьям, статус которых устанавливается государством бессрочно.

Предоставление мер социальной поддержки осуществляется государством до достижения старшим ребенком возраста 18 лет или возраста 23 лет при условии его обучения в организации, осуществляющей образовательную деятельность по очной форме обучения [4].

Многодетным семьям гарантируются предоставление:

- государственных пособий и выплат в связи с рождением и воспитанием детей;
- мер поддержки в сфере трудовых отношений;
- досрочное назначение женщинам страховой пенсии по старости в связи с рождением и воспитанием трех и более детей;
- профессиональное обучение многодетных родителей и получение ими дополнительного профессионального образования в целях обеспечения их качественной занятости;
- право на бесплатное посещение музеев, парков культуры и отдыха, выставок на российской территории независимо от места жительства в порядке и на условиях, которые определены в регионах.

Высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации руководством страны рекомендовано установить следующие меры социальной поддержки многодетных семей:

- бесплатное обеспечение детей в возрасте до 6 лет лекарственными препаратами по рецептам на лекарственные препараты;

– предоставление обучающимся общеобразовательных организаций бесплатного проезда автомобильным транспортом за исключением поездок в такси, в городском и пригородном сообщении, городским наземным электрическим транспортом и метрополитеном;

– предоставление бесплатного питания обучающимся в общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях регионов;

– обеспечение обучающихся общеобразовательных организаций в соответствии с установленными нормативами одеждой для посещения учебных занятий, спортивной формой на весь период обучения;

– прием детей в организации, осуществляющие образовательную деятельность по реализации образовательных программ дошкольного образования, в первоочередном порядке;

– предоставление льгот по оплате жилья и коммунальных услуг в размере не ниже 30 % от установленного размера оплаты;

– содействие в улучшении жилищных условий и предоставлении земельных участков, обеспеченных необходимыми объектами инфраструктуры.

Несомненно, эти предложения заслуживают самых положительных отзывов, но, откровенно говоря, возникает вполне обоснованный вопрос: А насколько они реализуемы за пределами мегаполисов, в которых проживает большая часть населения нашей страны?

В соответствии с действующими нормативными актами, многодетным семьям предоставляются дополнительные налоговые вычеты, в частности, на второго ребенка налоговый вычет увеличивается в два раза до 2,8 тыс. руб. в месяц, на третьего и последующего ребенка – до 6 тыс. руб. Предельная сумма годового дохода, на которую распространяется налоговый вычет, увеличивается с 350 тыс. до 450 тыс. руб. [1]. Продолжится программа материнского капитала до 2030 года, действующая в нашей стране, начиная с 2007 г. Так, в 2024 году материнский капитал за первого ребенка составлял 630,4 тыс., за второго – 833 тыс. руб. С начала ее действия по 2022 год выплаты получили 12 млн семей, из них 9,8 млн полностью или частично потратили деньги: 7,9 млн руб. на улучшение жилищных условий – внесли первый взнос по ипотеке, погасили ипотеку, купили дом или квартиру, вложили деньги в реконструкцию дома; 1,3 млн руб. на оплату обучения ребенка в вузе или на посещение частного детского сада, 720 тыс. чел. оформили ежемесячные выплаты на детей [5].

Отметим, что, с точки зрения социальной политики, комплексный подход к поддержке семей представляет собой переход от селективной к универсальной модели социального обеспечения. Данная трансформация отражает признание

того, что демографические вызовы требуют системного, а не фрагментированного ответа государства. Вместе с тем, возникает вопрос о долгосрочной финансовой устойчивости таких масштабных социальных обязательств в условиях демографического перехода.

Важное значение для сокращения бедности имеет повышение уровня оплаты труда. Начиная с 2020 года минимальный размер оплаты труда увеличился в 1,5 раза с 12 до 19 тыс. руб. в месяц. К 2030 году он должен увеличиться почти в два раза до 35 тыс. руб. [1]. Президент отметил необходимость совершенствовать систему оплаты труда в бюджетной сфере, обеспечить рост доходов специалистов в этой сфере. Предлагается ввести с 01 сентября 2024 года федеральную выплату в сумме 5 тыс. руб. в месяц для всех советников директоров по воспитанию в школах и колледжах.

С 01 марта 2024 года в два раза увеличена федеральная выплата для школьных классных руководителей и кураторов групп в колледжах, техникумах в населенных пунктах, в которых живет менее 100 тыс. человек, за классное руководство и кураторство группами до 10 тыс.

Правительству поручено в 2025 году разработать новую модель оплаты труда бюджетников в рамках пилотных проектов в регионах и в 2026 году принять решение для всей страны. Профессиональные основы будущего специалиста закладываются на первых курсах вузов, где преподаются фундаментальные дисциплины. Президент предложил повысить уровень оплаты труда преподавателей фундаментальных дисциплин, Правительство должно предложить параметры этого решения и начать внедрение в пилотном режиме с 01 сентября 2024 года, для чего требуется сначала 1,5 млрд, а потом 4,5 млрд руб. Необходимо повысить заработную плату специалистам, которые работают в лесном хозяйстве, сфере метеорологии, охраны окружающей среды.

В Послании содержится предложение продумать подходы к модернизации налоговой системы к более справедливому распределению налогов в сторону тех, у кого более высокие личные и корпоративные доходы. Предлагается снизить налоговую нагрузку на семьи, в том числе за счет вычетов. Президент обратил внимание на получение дополнительных доходов людей за счет инвестирования своих сбережений.

Запланировано государственное страхование дополнительных накоплений в негосударственных пенсионных фондах в объеме 2,8 млн руб. Будут застрахованы долгосрочные индивидуальные и инвестиционные счета на сумму до 1,4 млн руб. Распространится единый налоговый вычет на вложения в долгосрочные финансовые инструменты в размере до 400 тыс. руб. в год. Будет создан новый сберегательный сертификат, позволяющий гражданам размещать в банках свои сбережения на длительный срок – более трех лет. Сертификат будет безотзывным, банки смогут предлагать клиентам более высокий и

выгодный процентный доход. Средства будут застрахованы государством в размере до 2,8 млн руб.

Концепция активного долголетия россиян, заложенная в основу национального проекта «Продолжительная и активная жизнь», отражает современную парадигму успешного старения, разработанную в геронтологии. Концепция рассматривает старость не как период угасания, а как этап продолжения активной социальной жизни. Это потребует пересмотра представлений о жизненном цикле и создания новой институциональной среды, поддерживающей интеграцию пожилых людей в общественную жизнь.

Новый национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» предназначен для улучшения демографической ситуации, охраны материнства, сбережения здоровья. Благотворительные фонды, социальные некоммерческие организации помогают пожилым и больным людям, детям-инвалидам. Президент считает необходимым увеличить финансирование системы долговременного ухода за счет средств федерального бюджета, вывести ее на единый высокий стандарт, обеспечить максимальную доступность для людей, которые больше всего нуждаются в такой помощи – 500 тыс. руб. К 2030 году услугами долговременного ухода должны быть обеспечены 100 % нуждающихся в этой помощи. Средняя продолжительность жизни превысила 73 года; к 2030 году ожидаемая продолжительность жизни должна составлять не менее 78 лет, в дальнейшем – 80+. Отмечена необходимость уделения особого внимания сельским территориям, регионам, в которых средняя продолжительность жизни ниже среднероссийского уровня. Будет продолжена реализация федеральных проектов по борьбе с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, сахарным диабетом.

Президент предложил создать новую комплексную программу по охране материнства, сбережению здоровья детей подростков. Приоритетами этой программы станут расширение сети женских консультаций, модернизация перинатальных центров, детских поликлиник и больниц. За шесть лет на строительство, ремонт и оснащение объектов здравоохранения дополнительно будет направлено более 1 трлн руб. Для людей, которые регулярно на плановой основе проходят диспансеризацию, сдают нормативы ГТО, будут предусмотрены налоговые вычеты.

В Послании также речь идет о здоровом образе жизни, предполагающем снижение потребления алкоголя, курения, развитии спортивных сооружений. Предусмотрено за счет средств федерального бюджета 65 млрд руб. ежегодно на строительство не менее 350 спортивных объектов в год, прежде всего, в малых городах и на сельских территориях. В этих универсальных комплексах и быстровозводимых площадках смогут заниматься дети, взрослые, семьи.

С 2025 года начнется программа капитального ремонта вузов, колледжей, школ, дошкольных учреждений с учетом создания условий для занятия спортом.

Отмечена необходимость правительству РФ совместно с регионами реализовать программу ремонта и оснащения учреждений среднего профессионального образования – учебных зданий, спортивных объектов, общежитий. За шесть лет из федерального бюджета на эти цели будет направлено 120 млрд руб. В Послании также обращено внимание и на то обстоятельство, что в 2022–2023 годах из 39440 школ медицинские кабинеты есть только в 65 % этих учебных заведений, поэтому в нём поставлена задача обновить или открыть медицинские кабинеты во всех школах.

Заключение.

В статье рассмотрена взаимосвязь и взаимозависимость демографии и социальной политики, меры по сохранению уровня рождаемости, увеличению продолжительности жизни, государственной поддержке семьи с детьми.

Анализ представленных в Послании мер позволяет выделить ключевое противоречие современной социальной политики: между необходимостью быстрых качественных результатов и долгосрочным характером демографических процессов.

Сделан вывод о том, что эффективность демографической политики может быть оценена только в исторической перспективе, создавая сложности для политического планирования, ориентированного на более короткие временные циклы. Кроме того, остается открытым вопрос о том, насколько предложенные меры учитывают региональную дифференциацию демографических процессов и могут ли универсальные инструменты быть одинаково эффективными в различных социально-экономических контекстах.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Россия: фронт работ // Российская газета. 2024. 01 марта.
2. В этом плане // Российская газета. 2024. 04 марта.
3. Маркелов Р. Квартирный запрос // Российская газета. 2024. 05 марта.
4. Указ Президента Российской Федерации от 23 января 2024 года № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // Система ГАРАНТ. URL : garant.ru
5. Игнатова О. Рост капитала // Российская газета. 2024. 07 марта.

References:

1. Russia: Front of Work // Rossiyskaya Gazeta. 2024. 01 March.
2. In this plan // Rossiyskaya Gazeta. 2024. 04 March.
3. Markelov R. Kvartirnyy propros [Apartment request]. 2024. 05 March.
4. Decree of the President of the Russian Federation dated January 23, 2024 № 63 «On measures of social support for large families» // Sistema GARANT. URL : garant.ru
5. Ignatova O. Growth of capital. 2024. 07 March.

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
ORCID 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Бутова Анастасия Сергеевна

кандидат политических наук,
доцент кафедры международных отношений
и международного права,
Московский гуманитарный университет
Vasilisa2.78@mail.ru.

Anastasia S. Butova

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department
of International Relations and International Law,
Moscow University for the Humanities
Vasilisa2.78@mail.ru.

Пуцер Кирилл Владимирович

аспирант кафедры политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
milena.555@mail.ru

Kirill V. Putzer

Postgraduate Student of the Department
of Political Science and Ethnopolitics,
South Russian Institute of Management,
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
milena.555@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.07.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.09.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-6>

УДК 32



Attribution

cc by

КОРРУПЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ АНТИРОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА

Попов М.Ю.¹, Вакула И.М.², Чапурко Т.М.³, Пилюгина Т.В.⁴, Самсонов А.А.⁵

¹Российская академия гуманитарных наук,

²Ростовский юридический институт МВД РФ,

^{3, 5}Краснодарский университет МВД РФ,

⁴Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

Аннотация. Несмотря на многочисленные публикации, посвященные теме коррупции, она сохраняет свою актуальность в связи с многогранностью этого явления в государственной и общественной жизни человечества на протяжении тысячелетий. Обращая внимание читателей на это обстоятельство, авторы данного исследования делают в нем акцент на коррупции как инструменте антироссийской идеологии коллективного Запада не случайно, доказывая, что в современных условиях это направление его политики приняло широкие масштабы на фоне агрессивной русофобской риторики в СМИ, на различных политических площадках. Именно в силу этих причин, авторами данного исследования определены его цели и задачи: систематизировать и обосновать с использованием системного анализа многочисленных источников тезиса о том, что использование западными странами коррупционных практик на протяжении долгих лет является одним из базовых элементов их внешней политики в отношении тех государств, которые, по их убеждению, представляют реальную угрозу их мировой гегемонии. К их числу относится и наша страна, выступающая в качестве одного из лидеров движения за формирование полицентричного мироустройства.

Ключевые слова: коррупция, идеология, однополярный мировой порядок, полицентричное мироустройство, коллективный Запад.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CORRUPTION AS A TOOL OF THE COLLECTIVE WEST'S ANTI-RUSSIAN IDEOLOGY

Mikhail Yu. Popov¹, Ivan M. Vakula²,
Tatyana M. Chapurko³, Tatyana V. Pilyugina⁴, Artem A. Samsonov⁵

¹Russian Academy of Humanities,

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

^{3, 5}Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

⁴Krasnodar Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation

Abstract. Despite the numerous publications devoted to the topic of corruption, it remains relevant due to the multifaceted manifestations of this phenomenon in the state and social life of humanity over the course of millennia. Drawing readers' attention to this fact, the authors of this study emphasize corruption as an instrument of the collective West's anti-Russian ideology, demonstrating that in the current circumstances, this aspect of its policy has become widespread amid aggressive Russophobic rhetoric in the media and various political platforms. It is for these reasons that the authors of this study have defined its goals and objectives: to systematize and substantiate, using a systematic analysis of numerous sources, the thesis that the use of corruption practices by Western countries has been a fundamental element of their foreign policy towards those states that they believe pose a real threat to their global hegemony. This includes our country, which is one of the leaders in the movement towards a polycentric world order.

Keywords: corruption, ideology, unipolar world order, polycentric world order, collective West.

Funding: Independent work.

Введение.

Коррупция представляет собой одно из зол, связанных с многочисленными проявлениями в деформации массового и индивидуального сознания на протяжении многовековой истории современной цивилизации. В ряде исследований, например, даются ссылки:

— на древневавилонские источники трехтысячелетней давности, в которых идет речь об остро стоявшей в то время проблеме пресечения злоупотреблений судей и чиновников, вымогавших незаконные вознаграждения [1], а также уменьшения вымогательства незаконных вознаграждений у храмового персонала со стороны царской администрации, уменьшения и упорядочения платежей за обряды [2, с. 3];

— на библейские тексты, свидетельствующие о том, что библейскому обществу были достаточно

— знакомы факты подкупа судей и нечестного правосудия [3, с. 14–15].

На эти же изъяны в общественной морали исследователи обращают внимание и в античном мире, где её разрушительное влияние было одной из причин, как распада Римской империи, так и в более поздние периоды западноевропейской истории [2, с. 15]. Например, Н. Макиавелли, отмечая пагубность влияния коррупции на общество, образно сравнивал её с чахоткой, которую вначале трудно распознать, но легче лечить, а если она запущена, то «хотя её легко распознать, но лечить трудно» [4, р. 37].

Отдавая должное столь продолжительному вниманию законодателей, властных структур, научного сообщества коррупции как инструменту внешнего и внутреннего деструктивного влияния на различные направления функционирования государства и общества, авторами данного исследования делается акцент на коррупции как одного из направлений антироссийской идеологии со стороны коллективного Запада.

Обсуждение. Результаты.

Как известно из многочисленных исследований наших соотечественников, Россия не избежала влияния такого порока, как коррупция в своей прошлой истории [2; 3; 8], ссылаясь на то обстоятельство, это явление исторически ей прививалось носителями разных цивилизационных культур.

На это обстоятельство обратил внимание С.В. Алексеев, систематизировавший представления российских ученых, сложившееся в социологии о природе коррупции и выделив следующие научные подходы к данной проблеме:

1. У взяточничества есть определенная питательная среда: господство бюрократии. Недаром именно в средневековых восточных деспотиях с их разветвленным чиновничьим аппаратом и

полным отсутствием свободной информации бакшиш постепенно пропитал все поры общества. И вместе с их другими традициями, взятка, свойственная властным отношениям в восточных деспотиях, была перенесена на покоренную Русь и прочно там укоренилась [5, с. 279–280].

2. Восток и Запад – два разных типа социального устройства и духовной жизни. Причем, различие прослеживается «на общеполитическом уровне, на котором уравнились различия конкретных обществ этнического или национального уровня [6, с. 246].

3. В институциональной теории противоположность Востока и Запада фиксируется в различии двух институциональных матриц [7, с. 89]:

Х-матрица – (восточная), присущая таким странам, как Россия, Китай, Египет, страны Азии и Южной Африки, для которых характерны:

— в экономике – институты редистрибутивной экономики;

— в политике – институты унитарно-централизованного политического устройства;

— в идеологии – доминирование общих ценностей над индивидуальными, приоритете Мы над Я; Y-матрица – (западная), характерная для США и большинства стран Европы;

— в экономике – институты рыночной экономики;

— в политике – институты федеративного политического устройства;

в идеологии – институты субсидарной идеологии с приоритетом Я над Мы [7, с. 90].

Исходя из данной классификации, С.В. Алексеев высказывает мнение относительно того, что восточный менталитет тяготеет к решению вопросов на личном уровне, образуя симбиотические связи персональные связи, в основе которых лежат отношения клиентелы. Западный же стиль управления и западные деловые навыки в достижении успеха для многих частных предпринимателей играют второстепенную роль, хотя публично многие из них объясняют свой успех внедрением современных технологий и менеджмента, чтобы согласовать его с общепринятым официально представлением о модернизации [8, с. 42].

Проводя анализ отечественных исторических документов, ряд авторов, проведя исследование ряда нормативных источников, посвященных теме коррупции, обращает своё внимание на Двинскую уставную грамоту 1397 г., Судебники 1497 и 1550 гг. и в последующие времена, в которых государством делаются попытки принять энергичные меры против коррупции на государственном уровне, но, к сожалению, как они

отмечают, преодолеть эту проблему ни в нашей стране, ни за её пределами не удастся по настоящее время [2; 9].

Если же обращаться к источникам, в которых делается акцент на особенностях коррупционных практик, характерных для «восточных» и «западных» матриц, сохраняющих актуальность и в современных обществах, то мы разделяем точку зрения тех исследователей этой темы, которые обращают внимание на закономерные глубинные процессы культурно-исторического взаимопроникновения этих матриц под влиянием процессов глобализации, в том числе транснационализации экономики, культурной, медийной сферы, преступности и т.д.

Подтверждением этой точки зрения служат, исследования, проведенные О.В. Кириченко, который высказывает убежденность в том, что коррупция в таких её проявлениях, как мздоимство, казнокрадство и лихоимство, стала получать распространение в нашей стране во времена Петра Великого, который стал проводить её масштабное реформирование с ориентиром на европейские жизненные стандарты, затронувшие, в первую очередь, хозяйственные сферы, тесно связанные с государством, а также некоторые социальные слои, прежде всего, дворянство и купечество [10]. Причем, по его мнению, ориентация шла не на католический, а на протестантский (лютеранский) Запад, что имело свою специфику.

Протестантизм тогда только становился локомотивом капиталистической экономики, поскольку именно в протестантизме жизненный успех был сопряжен с вопросом личного спасения человека в вечности, мерилom которого было богатство. А эта протестантская мораль, которой, судя по всему, проникся Петр I во время своих визитов в Европу, как утверждает автор данного исследования, коренным образом отличалась от представления о богатстве у российской знати в старые эпохи, потому что оно было сосредоточено в одежде, столе, выстроенных теремах (но опять же, не выше уровня царского). Во всем господствовали не деньги, а натуральный продукт. Главной ценностью была земля [10]. В петровскую же эпоху огромное число людей получило возможность пройти в течение одной жизни путь из «грязи да в князи», при этом накапливая не натуральный продукт, а деньги – интернациональный эквивалент обмена. Деньги становятся главным критерием высоты положения в обществе и государственной иерархии. Но вместе со свободой и светскостью новые дворяне получили вкус к безудержному стяжанию, к роскошной жизни на родине и за рубежом, потеряв чувство меры, которое было присуще прежним вельможам [10].

Не отрицая того, что среди русского дворянства было немало достойных людей: честных, верующих, жертвенно служивших своему Отечеству, О.В. Кириченко отмечает, что дворянская среда

дала России великую культуру – художественную, политическую, научную и экономическую, ради чего... затевались петровские реформы – чтобы России не быть поглощенной Европой... Без европейской прививки Россия не смогла бы совершить великую церковную миссию распространения Православия в Сибири, на Дальнем Востоке, в зарубежной Азии, включая Китай и Японию, в Европе и Америке [10]. Но, в то же время, этот исследователь призывает помнить и о том, что мы должны помнить и о самых страшных отрицательных последствиях этих перемен, когда именно в результате их, в те же годы внутри страны постепенно набирал силу процесс, связанный со стяжанием. Вслед за дворянством с начала XIX в., после Отечественной войны 1812 г., к богатству устремились вслед за дворянами и купцами и другие сословия: крестьянство и духовенство, в результате чего коррупция в эту эпоху была в любой социальной среде [10].

Подводя итог своему исследованию, автор приходит к следующим выводам:

1. Россия, одев на себя европейское платье ради благородных и высоких целей, столкнулась с неизбежным следствием этого «переодевания». Но и те, для кого это платье было своим, этой проблемы не избежали. Напротив, это была их родная проблема, как следствие их экономической и, в первую очередь, духовно-религиозной системы.

2. В поиске ответа на вопрос: Почему же сегодня на слуху постоянные упреки России в коррумпированности, словно она породила это явление? автор полагает, что она продолжает свой путь, начатый Петром I, и чужое одеяние продолжает пагубно влиять на народ и страну. При этом наше стяжание и коррупция, в силу чужеродности одежды, видны всему миру, они зримы и открыты. За рубежом «своя одежда» позволяет многие вещи, связанные со стяжанием (как целенаправленным обществом), смягчать и стабилизировать, а связанные с коррупцией – прикрывать и не обобщать. Создается впечатление, что коррупция на Западе, включена в естественный процесс движения капитала. При этом там есть и «откаты», и «разводки», и взятки, но не в виде чмоданчиков с деньгами, принесенных в знак благодарности, а виде готового продукта, который можно получить как бонус, не рискуя попасться [10].

3. Коррупцию породил западный, протестантский капитализм с его неудержимым стремлением человека к богатству и жажде накопления. Россию сегодня, в какой-то степени, спасает Православие, хотя вот уже три века как мы движемся в фарватере западных ценностей, что, в какой-то степени, как отмечает автор, поощряется властями, которые ведут борьбу с коррупцией и одновременно поощряют движение населения страны к обогащению. С президентской трибуны звучат слова: комфорт, комфортная жизнь как обозначение национальной идеи. Но ведь имен-

но движение к обогащению и порождает коррупцию, потому что порочность заключается уже в выборе порочной цели [10].

4. Коррупция является лишь следствием движения к обогащению.

У России должна появиться другая национальная идея, не сопряженная с западной протестантской, религиозной целью, тем более, что сейчас, когда Русская Православная Церковь отделена от государства и настолько связана по рукам и ногам этими западными ценностями извне, что ей грозит большая опасность – начать протестантскую миссию, вместо православной. Так что вопрос о коррупции тесно связан с нашей национальной идеей. Какой она будет, такой и будет наше общество [10].

В развитие темы интереса научного сообщества к коррупционным практикам мы обратимся к исследованию реферативных баз данных Web of Science, посвященных этой теме, и проведенному Д. Рогозиным, который отмечает, что лишь в 1970-х гг. тема коррупции становится актуальной, попадает в публичный и академический дискурс, а в начале 1980-х гг. разговоры о коррупции вновь заняли топ самых обсуждаемых публичных тем [11]. И как отмечает автор, если в середине XX века основной академической площадкой для обсуждения коррупции выступала политическая теория, государственное и муниципальное право, то к 1980-ым гг. весомое место начинают занимать экономические интерпретации коррупционных явлений [11].

Констатируя пик популярности статей на данную тему в 1990-е гг., автор выделяет лидерство на международном рынке публикаций за США (1624 из 4028 статей), а Россия занимала на нём лишь 30 место с 22 публикациями, что, по его мнению, не отражает даже малой доли публикаций на русском языке, а лишь указывает на те из них, которые индексируются в международных базах, а значит, становятся «видимыми» для иностранных коллег [11].

Из шестерки лидеров по публикационной активности по данной теме в 2000-е гг. им особо выделяется Китай (262 статьи) как страна, к которой проявляет большой интерес мировое сообщество в плане изучения коррупции. Далее следует Россия (132 статьи) [11]. И как отмечает Д. Рогозин, многие исследователи, сравнивая коррупцию в России и в Китае, приходят к неутешительному для России выводу о том, что, несмотря на практически одинаковое проникновение коррупции во все части общественной жизни обеих стран, Китай способен преодолеть негативные последствия в силу большей централизации и рефлексивности политической системы [12], потому что наибольший ущерб обществу причиняет не абсолютный уровень коррупции, а недостаток понимания её механизмов, вытесняемого, с одной стороны, расхожими медиа конструктами, с другой – несистемными и

невнятными научно-исследовательскими описаниями [11].

Заслуживает внимания автора соотношение статей о коррупции, опубликованных в стране и о стране по 50 странам с наибольшей публикационной активностью в 2000-е гг., который отмечает, что из 50 наиболее активных в публикационном поле стран Россия занимала последний ранг по индексу национальной разработанности темы коррупции. То есть, количество статей о коррупции, публикуемых внутри России, было значительно меньше количества статей о российской коррупции, выходящих в свет в других странах [11].

Акцентируя внимание на теме коррупции в России, Д. Рогозин отмечает, что по данным поиска, проведенного им в 2011 г., за несколько лет в западной прессе были опубликованы основные работы о коррумпированности российской власти, о формировании особых, неформальных отношений, где место личных и частных интересов заняли олигополистические нелегальные структуры. Одним из значимых факторов мощного системного сдвига в формальных и неформальных отношениях выступила, по его утверждению, проведенная в 1990-х гг. в кратчайшие сроки ваучерная приватизация, которая привела к созданию целого класса состоятельных господ, подчас, нелегитимных как в собственных глазах, так и в глазах потерявшего сбережения населения. Иностранные же компании, пришедшие на российский рынок столкнулись с разветвленными коррупционными практиками, в которых как бизнесмены, так и чиновники предстали перед ними невнятной и непрозрачной сетью взаимосвязанных контрагентов [13].

К середине первого десятилетия 2000-х гг., как отмечает автор, научный дискурс о коррупции в России стал приобретать тотальный характер. В медийной и научной среде образ России стал прочно ассоциироваться с разветвленной, сложной сетью коррупционных взаимодействий, полное понимание которой, по мнению западных аналитиков, весьма проблематично. Россия как слабый экономический игрок на международном рынке стала восприниматься как вынужденный экономический партнер (ресурсная экономика и все еще большое политическое влияние) и источник распространения коррупции в западных государствах [14].

В завершение своего исследования автор отмечает, что какими бы экзотичными и перенасыщенными негативными оценками не представлялись нам работы западных коллег, нельзя отрицать устойчивый тренд по усилению восприятия России как сверхкоррумпированной державы. На фоне доминирования экономических интерпретаций коррупции это приводит к весьма удручающим выводам, в соответствии с которыми, для внешнего взгляда, бизнес в России по большей части неэффективен, политическая среда нестабильна, а общество деградировано.

Далее, Д. Рогозин отмечает, что столь жесткие оценки и многие заключения не имели прочной научной базы, формулировались аналитически и больше опирались на дискурсивный анализ, нежели на социальные обследования или этнографические наблюдения. Однако и этого уже было достаточно, чтобы давать западным аналитикам повод для утверждения, что при сохранении сложившегося социального порядка легальный и открытый бизнес в России в ближайшие десятилетия не возможен [14].

Исходя же из выше изложенного, мы акцентируем внимание читателей на том обстоятельстве, что в материале, представленном Д. Рогозиным, отмечается всплеск внимания к теме коррупции в России со стороны западного научного сообщества, начиная с 2000-х гг., в которых, по нашему мнению, не случайно, даются крайне негативные оценки состояния коррупции в России, потому что они хронологически совпали с радикальным изменением векторов внутренней и внешней политики руководства РФ, осознавшего, что на протяжении двух десятилетий наша страна в наивном, если не преднамеренном стремлении руководства СССР, а затем и РФ к переориентации на западные «демократические» стандарты, ради перехода от курса конфронтации с Западом к сотрудничеству с ним, следствием которого стал системный кризис, поразивший нашу страну и создавший реальную угрозу её суверенному существованию.

В результате же этой политики, в том числе и при активных усилиях «демократической» оппозиции, как в СССР, так и в государствах Восточной Европы, процессы так называемой демократизации, перехода к социализму «с человеческого лицом» привели не только к распаду в этой части планеты содружества стран социалистической, но и, как известно – Советского Союза, что дало основание заявить коллективному Западу о его победе в идеологическом противостоянии капиталистической (читай, демократической) модели общественного развития над коммунистической (читай, тоталитарной), в том числе и для обоснования закономерности перехода мировой цивилизации от биполярной к однополярной модели мирового устройства. Фактически же, она ознаменовалась включением стран, ранее входивших в восточно-европейское социалистическое содружество, в сферу своего политического и экономического влияния с последующим их подчинением интересам коллективного Запада в качестве его трудовых, интеллектуальных и сырьевых придатков, а также источника угроз для национальной безопасности России за счет их включения в состав НАТО. Нашей же стране была уготовлена роль сырьевого придатка Запада под его тотальным контролем, что, в конечном итоге, спровоцировало не только системный кризис в нашей стране на рубеже 1990–2000-х гг., но и реальную перспективу потери Россией статуса полноправного субъекта международного права, а в итоге, её целостности.

Осознание реальности этих угроз и привело патристическую часть российского общества к убежденности в необходимости изменения вектора внутренней и внешней политики Российской Федерации во второй половине первого десятилетия 2000-х гг. в следующих направлениях:

1. Во внутренней политике – к возрождению суверенитета нашей страны с концентрацией усилий:

– на создании мощной экономики, минимально зависящей от недружественных действий со стороны коллективного Запада в его стремлении разрушить российскую экономику с помощью незаконных санкций, а также дестабилизировать социально-политическую ситуацию в стране с целью смены действующей власти на новую, лояльную ему, как это уже имело место во второй половине 1980 и в 1990-е годы;

– на формировании взаимовыгодных отношений с дружественными государствами в экономической и других сферах с целью создания благоприятных условий для их прогрессивного развития, защиты их суверенитета от внешних угроз и неблагоприятных факторов.

2. Во внешней политике – на возвращение нашей стране статуса великой державы в контексте процесса формирования нового, полицентричного мирового порядка, основанного, как известно, на принципах приоритета международного права над, так называемыми правилами, навязываемыми коллективным Западом мировому сообществу в его стремлении сохранить доминирующие позиции в однополярном мироустройстве, установленном его лидерами во главе с США в результате деструктивных процессов, происходивших в конце 1980-х гг. в той части Восточной Европы, которая входила в военно-политическое и экономическое содружество во главе с СССР, с последующим его распадом и исчезновением с политической карты мира этого государства как лидера двухполярного мироустройства, сформировавшегося, как известно, после завершения Второй мировой войны.

В данном контексте, мы обращаем внимание читателей на то обстоятельство, что события, имевшие место в мировой политике на рубеже 1980–1990-х гг., стали результатом целенаправленной стратегии ведущих западных держав, направленной против СССР, начиная с установления в нашей стране в октябре 1917 г. советской власти как реальной угрозы их существованию, которую им не удалось уничтожить в ходе Гражданской войны, иностранной интервенции.

Советский Союз не только выстоял в этом противостоянии, но и одержал убедительную победу в Великой Отечественной войне против фашистской Германии и милитаристской Японии, на которую фактически работал весь Запад в надежде на уничтожение нашей страны. А так как и эта затея ему не удалась, руководство США и его союзники организовали против нашей

страны «холодную войну», идеологическим обоснованием для которой, как известно, стала речь У. Черчилля в Фултоне 05 марта 1946 г., в которой он заявил, что после завершения Второй мировой войны «от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес... во многих странах по всему миру вдалеке от границ России созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют в полном единстве и абсолютном подчинении директивам, которые они получают из коммунистического центра». Далее, У. Черчилль заявил, что он не верит в то, что

...«Россия хочет войны. Чего она хочет, так это её плодов и безграничного распространения своей мощи и доктрин» [15].

А еще ранее, как свидетельствуют исторические источники, 17 июля 1945 г. А. Даллесом, директором ЦРУ США, была опубликована инструкция, в которой выстраивалась стратегия развала СССР. На её реализацию он предполагал бросить «... всё, что (мы) имели, всё золото, всю материальную мощь Америки на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. Мы найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России! Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного и бесповоротного угасания. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточничеству, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом, беззастенчивость, предательство и вражду народов, прежде всего, вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, и все это расцветет махровым цветом... Мы будем братья за людей с детских лет. Будем всегда главную ставку делать на молодежь, пошляков и космополитов¹ [16].

И как следует из этого источника, одним из направлений данной стратегии указывается на действия, направленные на коррумпированность наших соотечественников, очередным подтверждением чему служат, в частности, и признания директора Центра по изучению транснациональной преступности и коррупции Американского университета Л. Шелли, заявившей, что «во время холодной войны мы поддерживали коррумпированных лидеров, поскольку они были бастионом против коммунизма. Сейчас мы под-

держиваем коррумпированных лидеров в новых независимых государствах, потому что они защищают нас от возвращения коммунизма», тем более, когда для реализации этих проектов существуют самые благоприятные условия: «Справедливости ради, в отношении руководства постсоветских государств надо сказать, что распространенность в них коррупции является одним из пагубных наследий советского периода, а концентрация богатства в руках бывшей номенклатуры или партийной элиты создает трудности в разрешении проблемы» [17].

Следует отметить, что по мере развития мировой экономики в послевоенные десятилетия, все большее на неё влияние оказывала деятельность транснациональных корпораций (ТНК). И как утверждает Н.Н. Моисеев, это вызвало на рубеже XX–XXI веков самые важные перемены в общественной сфере: перестройку её экономической основы в общепланетарном масштабе, когда масштабы развития экономики, необходимость кооперации привела к тому, что локальные, национальные экономики постепенно стали интегрироваться в единый общепланетарный экономический организм с универсальной системой регулирования. Решающую роль в определении характера дальнейшего развития мировой экономики стали постепенно играть транснациональные корпорации (ТНК): произошла транснационализация капитализма..., в результате которой возникли неформальные регуляторы, свидетельствующие о формировании «абсолютного монополизма» [18, с. 102]. Логическим же следствием этого процесса стало расширение коррупционных практик их структурами во всех сферах влияния ТНК в государствах — контрагентах и, в первую очередь, в тех из них, что находятся в состоянии системного кризиса.

В данном контексте, заслуживает внимание исследование Е.В. Трофимовым коррупционных практик ТНК, который отмечал, что причиной их исключительного положения служило то обстоятельство, что в обстановке умаления роли развивающихся стран ТНК обеспечивали, наряду с собственными корпоративными интересами, жизненно важные экономические интересы развитых капиталистических стран за счет эксплуатации сырьевых ресурсов развивающихся стран и проведения агрессивной политики на их товарных рынках. Для этого при поддержке стран происхождения ТНК, многие из которых были северно-американскими, использовались в развивающихся странах неправомерные и неэтичные методы: ограничительную коммерческую практику, вмешательство в выборы и другие внутривнутриполитические процессы, свержение невыгодных режимов, а также подкуп местных политиков и чиновников [19]. И как отмечает автор этого исследования, несмотря на то, что немало инициатив представителей мирового сообщества, начиная с 1970-х гг., отталкивались от идей неприятия коррупции в международных коммерческих операциях, практикуемых ТНК именно в отношении развивающихся стран, но этот вопрос так и не

¹ Курсив автора Инструкции.

решен до сих пор; так что и сейчас, как в 1970-е гг., самые коррумпированные корпорации базируются в западных странах, в первую очередь, в США, а наиболее коррумпированные политики действуют в развивающихся странах, которые, спустя почти полвека, так и не достигли результатов в развитии ни экономики, ни демократии [19]. Поэтому неслучайным следует отметить особое внимание ряда исследователей к теме коррупционной политики ТНК, которое было обращено на факты подкупа американскими компаниями правительственных и государственных чиновников иностранных государств, что было обычной практикой [20]. Более того, ими было выявлено, что в структуре ТНК существуют специальные GR департаменты (Government Relations Departments), ключевые функции которых (даже на первый взгляд) имеют коррупционный оттенок:

— воздействие на органы государственной власти при принятии законов, регулирующих отношения власти и бизнеса;

— обеспечение преференций и государственных заказов для компаний и т.д. [21, с. 142–149].

В завершение нашего исследования мы хотим привести факты пренебрежительного отношения к нашей стране со стороны западных политиков в постсоветский период российской истории как к одному из аутсайдеров мировой экономики и политики, о чем свидетельствуют, например, высказывания таких лидеров западного истеблишмента в 1990-е – в начале 2000-х годов, как:

1. Премьер-министра Великобритании Мейджора, сменившего М. Тэтчер на посту премьера и утверждавшего в одном из первых своих выступлений в Британском парламенте, что стать кладовой ресурсов для развитых стран – это и есть основная задача постперестроечной России [18, с. 104–105].

2. Госсекретаря США Кандолины Райс, которая 24 сентября 2008 г., отвечая на вопрос: Как огромные доходы России изменили российско-американские отношения и сократили влияние США на

Россию? заявила: «Всем известно, что Россия перестала быть государством-должником большей частью благодаря ценам на нефть». По ее словам, «Россия может оставаться чем-то типа третьесортного поставщика ресурсов на время всего своего дальнейшего существования или может попытаться диверсифицировать свою экономику», для чего, по её мнению, отсутствует инфраструктура, необходимая для её диверсификации [22].

Продолжил подобную риторику, спустя полтора десятка лет, премьер-министр Великобритании Риши Сунак, заявил в одной из своих публикаций, что Россия является страной-изгоем, потому что именно российский президент несет ответственность за экономические потрясения по

всему миру. Он призвал не позволить, чтобы экономическое будущее Великобритании стало заложником действий государства-изгоя, равно как и будущее её союзников [23]. В другой публикации он, в том же контексте своего отношения к России как к стране-изгою, накануне своей поездки на саммит «Большой Двадцатки» на Бали, опубликовал статью в британском издании The Telegraph под названием «Пять способов разобщить влияние Владимира Путина на мировую экономику», в которой он подчеркнул, что Великобритания будет продолжать поставки оружия Украине, а также призвал бороться с использованием Россией рынка продовольствия в качестве «оружия». Премьер также отметил, что странам нужно продолжать снижать зависимость от российских энергоносителей, производить больше продовольствия, а также выявлять всех, кто использует свои возможности, чтобы создать «кредитные ловушки» для развивающихся стран [24].

Абсурдность утверждений Сунака и ему подобных о нашей стране как об изгое постоянно опровергается активным сотрудничеством её руководства не только с государствами, представляющими интересы коллективного Юга, но и с другими межгосударственными объединениями, в том числе в рамках БРИКС+, ШОС, подтверждением чему служат многочисленные мероприятия с участием российской делегации, проводимые в его рамках в КНР, на площадке Восточного экономического форума во Владивостоке в начале сентября 2025 г.

В настоящее же время западными СМИ активно муссируется тема организации коллективной безопасности против нашей страны, которая, якобы, вынашивает имперские планы дальнейшего расширения своей территории в Европе после завершения СВО на Украине. По этому поводу возникает естественный вопрос: Так является ли современная Россия мировой бензоколонкой или страной изгоем, разрушающим мировую экономику, или агрессором, вынашивающим имперские планы дальнейшего расширения своих территорий за счет европейских государств?

Закономерным ответом на все эти вопросы может быть только один: коллективный Запад, спустя четверть века, прошедшего после распада СССР, своей агрессивной русофобской риторикой уже признает лидирующие позиции России в мире, видя в ней очередной раз угрозу своему влиянию в мире.

Заключение.

Таким образом, исходя из выше изложенного, мы имеем возможность прийти к выводу о том, что коррупция является на протяжении длительного времени одним из многочисленных инструментов целенаправленного деструктивного западного влияния на процессы, происходящие в нашей стране на протяжении XX–XXI веков. И несмотря на то, что это явление, вне всякого

сомнения, усложняет поступательное движение нашей страны в направлении сохранения статуса великой державы и одного из лидеров движения за формирование полицентричного мирового порядка, воспрепятствовать этому закономерному процессу не удастся не только коллективному Западу, но и агентам его влияния в нашей стране. И в этом контексте, особое внимание мы хотим обратить на так называемую системную оппозицию, которая долгие годы вы-

ступала в СССР, а затем и в постсоветской России в роли защитника и оплота борьбы за «подлинную демократию» в нашей стране, но, начиная с первых дней СВО, она продемонстрировала свою сущность в качестве пятой колонны коллективного Запада, выехав за пределы России и встав на путь государственной измены, вследствие чего, мы констатируем закономерное обнуление её влияния на общественное мнение в нашей стране.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т. 27. С. 94. Цит. по Богданов И.Я. Калинян А.П. Коррупция в России. М., 2001. 240 с. С. 14.
2. Бондаренко С.В. Коррупированные общества. Ростов-н/Д. : ОАО «Роситиздат», 2002. 368 с.
3. Богданов И.Я. Коррупция в России / И.Я. Богданов, А.П. Калинян. М., 2001. 240 с.
4. Machiavelli N. Opere. Milano, 1954 / Цит. по Богданов И.Я. Калинян А.П. Коррупция в России. М., 2001. 240 с. С. 15.
5. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : «Советская Россия совм. с МП «Октябрь», 1991. 624 с.
6. Ерасов Б.С. Общие критерии дихотомного сопоставления социокультурных оснований Запада и Востока // Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 246 и 255. / Цит. по Алексеев С.В. Коррупция: социологический анализ : монография / С.В. Алексеев; Под общ. ред. О.В. Бондаренко. Шахты : Изд-во ЮРГУЭС, 2008. 271 с. С. 40.
7. Кирдина С. Современные российские реформы: поиск закономерностей // Общество и экономика. 2002. № 3–4. С. 78–102.
8. Алексеев С.В. Коррупция: социологический анализ: монография / С.В. Алексеев; Под общ. ред. О.В. Бондаренко. Шахты : Изд-во ЮРГУЭС, 2008. 271 с.
9. Воронцов С.А. Противодействие коррупции на государственной и муниципальной службе : монография / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. 2015. 272 с. EDN: ZAKPJR
10. Кириченко О.В. Духовные корни коррупции. URL : <http://hram-sdr.ru/index.php?module=pages&id=739&ysclid=mdyj0he-dry115649358>
11. Рогозин Д.М. Обзор публикаций по коррупции // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 24–39.
12. См., например: Sun Y. Reform, state, and corruption – Is corruption less destructive in China than in Russia? // Comparative Politics. 1999. Vol. 32. № 1. P. 1–11. Larsson T. Reform, corruption, and growth: Why corruption is more devastating in Russia than in China // Communist and Post-communist Studies. 2006. Vol. 39. № 2. P. 265–281 / Цит. по Рогозин Д.М. Обзор публикаций по коррупции // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 24–39.
13. Maurseth B. Norwegian companies's experiences in Russia // Internasjonal Politikk. 1997. Vol. 55. № 1. P. 61–64 / Цит. по Рогозин Д.М. Обзор публикаций по коррупции // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 24–39.
14. См., например: Dininio P. Explaining patterns of corruption in the Russian regions / P. Dininio, R. Orttung // World Politics. 2005. Vol. 57. № 4. P. 500–503. Goldman, M.I. Political graft: The Russian way // Current History. 2005. Vol. 104. № 684. P. 313–318. Tompson, W. The political implication of Russia's resource-based economy // Post-Soviet Affairs. 2005. Vol. 21. № 1. P. 335–359 / Цит. по Рогозин Д.М. Обзор публикаций по коррупции // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 24–39.
15. Речь Уинстона Черчилля, Фултон, штат Миссури, США, март 1946 г. URL : [www.mid.ru >upload/media library/6b0/](http://www.mid.ru/upload/media/library/6b0/) Речь Уин-стона...
16. Инструкция А. Даллеса. 17 июля 1945 г. URL : <https://r136a.livejournal.com/336458.html>
17. Shelly L.I. Director of the Center for the Study of Transnational Crime and Corruption at the American University. The Current State of Corruption in the Nis // Corruption in the Former Soviet Union. P.I. / Цит. по Попов М.Ю. Коррупция как форма элитной девиации // Общество и право. 2009. № 5. С. 49–54.
18. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Яз. рус. Культуры, 2000. 160 с.
19. Трофимов Е.В. Закон США о зарубежной коррупционной практике 1977 г. и международно-правовые инициативы по глобальному противодействию коррупции: проблемы криминализации и администриро-

- вания сомнительных операций транснациональных корпораций в 1970-х гг. // Право и политика. 2019. № 2. С. 30–48.
20. Бабурин В.В. Транснациональные корпорации как субъекты коррупционной преступности / В.В. Бабурин, Л.П. Клебанов, О.А. Кузнецова // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4(83). С. 334–338.
21. Marcus D. Jones and Semere Haile «Multinational corporations and the foreign corrupt practice act: a legal look at transnational business» // *Saber, ciencia y libertad*. 2011. Vol. 6. № 1 / Цит. по Бабурин В.В. Транснациональные корпорации как субъекты коррупционной преступности / В.В. Бабурин, Л.П. Клебанов, О.А. Кузнецова // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4(83). С. 334–338. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.2.29000 EDN: YXSFHN
22. Райс считает Россию «третьесортным поставщиком ресурсов» // *Весь мир*, 24 сентября, 2008, 18:40 – ИА Регнум. Россия одной ногой в мировой системе, а другой ногой – вне ее. С таким наблюдением выступила госсекретарь США Кондолиза Райс в интервью телеканалу CNBC 23 сентября// URL : <https://regnum.ru/news/1059690?ysclid=meqvqrwbze542033628>.
23. Новый премьер-министр Великобритании назвал Россию «мировым изгоем». URL : <https://regnum.ru/news/1059690?ysclid=meqvqrwbze542033628> (14 ноября 2022).
24. Братерский А. Пять причин. Британский премьер назвал Россию «страной-изгоем». URL : <https://www.finam.ru/publications/item/pyat-prichin-britanskiy-premer-nazval-rossiyu-stranoy-izgoem-20221114-1740/?ysclid=merh4uf53o690165628>

References:

1. Great Soviet Encyclopedia. M., 1977. Vol. 27. P. 94 / Cited by Bogdanov I.Ya. Kalinyan A.P. Corruption in Russia. M., 2001. 240 p. P. 14.
2. Bondarenko S.V. Corrupted Societies. Rostov-on/D. : OAO Rositizdat, 2002. 368 p.
3. Bogdanov I.Ya. Corruption in Russia / I.Ya. Bogdanov, A.P. Kalinyan. M., 2001. 240 p.
4. Machiavelli N. Opere. Milano, 1954 / Quoted by Bogdanov I.Ya. Kalinyan A.P. Corruption in Russia: - M., 2001 240 p. P.15.
5. Voslensky M.S. Nomenklatura. The Dominant Class of the Soviet Union. M. : «Soviet Russia in conjunction with MP October», 1991. 624 p.
6. Yerasov B.S. General criteria of dichotomous comparison of the socio-cultural foundations of the West and the East // *Comparative study of civilizations*. M. : Aspect Press, 1998. P. 246 and 255 / Cited by Alekseev S.V. Corruption: sociological analysis : monograph / S.V. Alekseev; Under the general ed. O.V. Bondarenko. Shakhty: Publishing House of the South Russian State University of Economics and Service, 2008. 271 p. 40 p.
7. Kirdina S. Modern Russian Reforms: Searching for Patterns // *Society and Economy*. 2002. № 3–4. P. 78–102.
8. Alekseev S.V. Corruption: Sociological Analysis : monograph / S.V. Alekseev; Under the general editorship of O.V. Bondarenko. Shakhty : YURGUES Publishing House, 2008. 271 p.
9. Vorontsov S.A. Countering Corruption in the Public and Municipal Service : monograph / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov. Rostov-on/D. : Publishing House of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 2015. 272 p. EDN: ZAKPJR
10. Kirichenko O.V. Spiritual Roots of Corruption. URL : <http://hram-sdr.ru/index.php?module=pages&id=739&ysclid=mdyj0he-dry115649358>
11. Rogozin D.M. Review of Publications on Corruption//*Otechestvennye Zapiski*. 2012. № 2. P. 24–39.
12. See, for example: Sun, Y. Reform, state, and corruption – Is corruption less destructive in China than in Russia? // *Comparative Politics*. 1999. Vol. 32. № 1. P. 1–11. Larsson T. Reform, corruption, and growth: Why corruption is more devastating in Russia than in China // *Communist and Post-communist Studies*. 2006. Vol. 39. № 2. P. 265–281 / Cit. po Rogozin D.M. Review of publications on corruption // *Domestic notes*. 2012. № 2. P. 24–39.
13. Maurseth, B. Norwegian companies's experiences in Russia // *Internasjonal Politikk*. 1997. Vol. 55. № 1. P. 61–64 / Cit. po Rogozin D.M. Overview of publications on corruption. 2012. № 2. P. 24–39.
14. See, for example: Dininio P., Orttung R. Explaining patterns of corruption in the Russian regions // *World Politics*. 2005. Vol. 57. № 4. P. 500–503. Goldman M.I. Political graft: The Russian way // *Current History*. 2005. Vol. 104. № 684. P. 313–318. Tompson W. The political implication of Russia's resource-based economy // *Post-Soviet Affairs*. 2005. Vol. 21. № 1. P. 335–359 / Cit. po Rogozin D.M. Overview of publications on corruption//*Otechestvennye zapiski*. 2012. № 2. P. 24–39.
15. Winston Churchill's speech, Fulton, Missouri, USA, March 1946. URL : [www.mid.ru >upload/medialibrary/6b0/WinstonChurchill'sspeech...](http://www.mid.ru/upload/medialibrary/6b0/WinstonChurchill'sspeech...)
16. A. Dulles's instructions. July 17, 1945. URL : <https://r136a.livejournal.com/336458.html>
17. Shelly L.I. Director of the Center for the Study of Transnational Crime and Corruption at the American University. The Current State of Corruption in the Nis // *Corruption in the Former Soviet Union*. P.I. / Quoted by Popov M.Yu. Corruption as a Form of Elite Deviation // *Society and Law*. 2009. № 5. P. 49–54.
18. Moiseev N.N. The Fate of Civilization. The Path of Reason. M. : Yaz. rus. culture. 2000 – 160 p.
19. Trofimov E.V. The U.S. Foreign Corrupt Practices Act of 1977 and International Legal Initiatives for Global Anti-Corruption: Problems of Criminalization and Administration of Suspicious Operations of Transnational Corporations in the 1970s // *Law and Politics*. 2019. № 2. P. 30–48.

20. Baburin V.V. Transnational Corporations as Subjects of Corruption Crime / V.V. Baburin, L.R. Klebanov, O.A. Kuznetsova // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4(83). P. 334–338.
21. Marcus D. Jones and Semere Haile «Multinational corporations and the foreign corrupt practice act: a legal look at transnational business» // Saber, ciencia y libertad. 2011. Vol. 6. № 1. / Quoted from Baburin V.V. Transnational Corporations as Subjects of Corruption Crime / V.V. Baburin, L.R. Klebanov, O.A. Kuznetsova // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4(83). P. 334–338. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.2.29000 EDN: YXS FHN
22. Rice considers Russia to be a «third-rate supplier of resources» // The whole world, September 24, 2008, 18:40. REGNUM news agency. Russia has one foot in the global system and the other foot outside of it. This observation was made by US Secretary of State Condoleezza Rice in an interview with CNBC on September 23. URL : <https://regnum.ru/news/1059690?ysclid=meqvqrwbze542033628>.
23. The new British Prime Minister called Russia a «world pariah». URL : <https://regnum.ru/news/1059690?ysclid=meqvqrwbze542033628> (November 14, 2022).
24. Bratersky A. Five Reasons. The British Prime Minister called Russia a «rogue state». URL : <https://www.finam.ru/publications/item/pyat-prichin-britanskiy-premer-nazval-rossiyu-stranoy-izgoem-20221114-1740/?ysclid=merh4uf53o690165628>

Информация об авторах

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор,
член-корреспондент
Российской академии гуманитарных наук
ORCID: 0000-0002-2090-0933
popov-52@mail.ru

Вакула Иван Михайлович

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский юридический институт МВД России
ORCID: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Чапурко Татьяна Михайловна

доктор политических наук,
профессор,
профессор кафедры социально-гуманитарных наук,
Краснодарский университет МВД РФ
tchapurko@mail.ru

Пилюгина Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
SPIN-код: 6882-2637
AuthorID: 677260
ORCID: 0000-0003-4521-3141
pilyugina_tv@mail.ru

Самсонов Артем Алексеевич

кандидат политических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук,
Краснодарский университет МВД РФ
milena.555@mail.ru

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Corre-sponding Member
of the Russian Academy of Humanities
ORCID: 0000-0002-2090-0933
popov-52@mail.ru

Ivan M. Vakula

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORCID: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Tatyana M. Chapurko

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Social Sciences and Humanities,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
tchapurko@mail.ru

Tatyana V. Pilyugina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
Krasnodar Cooperative Institute (branch)
Russian University of Cooperation
SPIN-код: 6882-2637
AuthorID: 677260
ORCID: 0000-0003-4521-3141
pilyugina_tv@mail.ru

Artem A. Samsonov

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department
of Social Sciences and Humanities,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
milena.555@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.09.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-10>
УДК 327.88



Attribution
cc by

ФЕНОМЕН РАЗВИТИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Янгиров И.И.

Уфимский университет науки и технологий

Аннотация. В современной политике возникло новое течение наиболее опасных глобальных проблем всего человечества, а именно экстремизм и его подвиды. Насаждение экстремисткой идеологии в политическом поле становится всё более обширным, разветвлённым, последовательным и касающимся основ общества. Данная проблема протекала параллельно развитию общества, влияя на многие процессы и тогда и сейчас. Но уже в современности, политический экстремизм как вершина развития данного феномена раскрывает свой полный потенциал и опасность, угрожая не только безопасности отдельно взятому человеку или группе людей, но государству, странам и целым политическим блокам. Для современного общества необходимо поддерживать систему противодействия экстремизму, любым его проявлениям, в актуальном и эффективном состоянии, поддерживая процесс развития и контрмер по подавлению, что также параллельно историческим событиям и процессам.

Ключевые слова: политика, идеологии, экстремизм, противодействие экстремизму, международная политика, борьба с терроризмом.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE PHENOMENON OF THE DEVELOPMENT OF THE IDEOLOGY OF EXTREMISM IN MODERN POLITICAL PRACTICE

Ilnaz I. Yangirov

Ufa University of Science and Technology

Abstract. In modern politics, a new trend of the most dangerous global problems of all mankind has emerged, namely extremism and its subspecies. The implantation of extremist ideology in the political field is becoming more and more extensive, ramified, consistent and touching upon the foundations of society. This problem proceeded in parallel with the development of society, influencing many processes both then and now. But already in modern times, political extremism as the pinnacle of the development of this phenomenon reveals its full potential and danger, threatening not only the security of an individual or group of people, but the state, countries and entire political blocs. For modern society, it is necessary to maintain the system of counteracting extremism, any of its manifestations, in a relevant and effective state, supporting the process of development and countermeasures for suppression, which is also parallel to historical events and processes.

Keywords: politics, ideologies, extremism, counteracting extremism, international politics, fight against terrorism.

Funding: Independent work.

Введение.

Возникновение термина, объясняющего суть феномена экстремизма, зафиксировано в конце двадцатого века, в период окончательного формирования политологических и иных гуманитарных наук как отдельных научных дисциплин.

К сожалению, в силу своей неоднозначной природы, споры и дискуссии о предмете, субъекте и категориях данного феномена остаются актуальными и в наш временной период. В большин-

стве случаев, ряд стран имеет общие позиции по этому вопросу, согласовываясь в правовом аспекте с такими правовыми документами как конвенции ООН (мировые, глобальные), общерегиональные законы (Африка, СНГ и т.д.) и союзнические инициативы внутри определенного политического блока (ШОС, БРИКС, НАТО, Евросоюз и т.д.).

Распространена практика использования собственных правовых наработок и инициатив для распознавания, категорирования и дальнейшего

противодействия экстремизму во всех его проявлениях. К сожалению, в силу разобщенности и децентрализации глобальных мировых процессов, ряд государств совершенно не подготовлен в правовой плоскости к решению вопросов, связанных с этим. Те находятся в определенной красной зоне опасности возникновения экстремистских идеологических ячеек и дестабилизация общественного порядка. Именно государства последней группы в большей мере нуждаются в актуальной и четкой терминологически-правовой составляющей, разделяющие категории экстремизма и представляющие способы эффективного противодействия, но даже страны, уже реализующие данные инициативы нуждаются в доработках и актуализации данных. Однако сам феномен экстремизма и его подвиды неразрывны с историей человеческого общества, имея истоки в далекой древности, представляющее собой части других процессов или факторов, что значительно затрудняют современные исследования и вводят в заблуждение политических деятелей, или злонамеренно используется в целях подавления гражданских инициатив и даже противодействие со стороны других государств [1].

Обсуждение.

Необходимо поэтапно систематизировать термин и феномен экстремизма, его суть и методики в течение постоянного процесса возникновения, деятельности и противодействия ему. Под экстремизмом, в период Древнего Мира, понимали существенную часть сепаратизма, но не как попытку и стремления к отделению, а политику постепенной автономии и независимости от руководящего центра. Феномен, если вспомнить историю, всегда негативно воспринимался правящими кругами и вызывал соответствующие процессы противодействия. Как пример подобного, можно взять историю Древнего Рима, в которой присутствовал эффективный социально-политический инструмент влияния граждан и плебса на Сенат, а именно оставление города. Подобное считалось настолько разрушительным во всех категориях, что руководящей элите приходилось прислушиваться и учитывать мнение большинства.

Другой пример, взятый из Древней Греции, можно связать с историческими событиями после смерти Александра Великого, а именно с Войной Диадохов, наследников. Сам процесс можно описать как дробление государства на составные части, при том, что они всё еще считались Эллинистическими, то есть, греческими и от Греции никак не отрекшались, становясь автономными царствами или империями, претендуя на другие «греческие» земли вокруг [2].

Во временный период раннего и позднего Средневековья, большая часть политической элиты обладала существенной автономией от государственной, королевской, власти, позволяя себе ведение самостоятельной политики, зачастую

даже в разрез с официальной линией государства. И для борьбы с подобным, главы государств были вынуждены большую часть своего правления противостоять врагам внутренним. Именно эффективность этих процессов, изобретательность и последовательность методов нивелирования влияния феномена экстремизма, его идеологии и акторов, в дальнейшем сформировали категории восприятия обществом, и государством, моментов противостояния между экстремизмом и его противодействием внутри политических элит.

Следовательно, можно сказать, что оба политических процесса – как экстремизм, воспринимаемый как идеология, так и противодействие экстремизму, как комплекс мер и методов нивелирования данной угрозы, находятся в постоянном активном взаимодействии, развитии и противопоставлении в течение всего исторического развития нашего вида. И изменения, происходящие в обществе, постепенный технический, социально-культурный, политический и другие прогрессы, являются определенными этапами или факторами развития противостояния двух политических процессов, распространению идеологии экстремизма и противодействие этому [2].

Следующий период, меняющий представление экстремизма в общественной политической мысли, связан с развитием экономических инструментов и методик, распространению технических новшеств, основанных на угле и паре, а также созданию новых социальных слоев и категорий. Смена восприятия идеологии экстремизма в общественном сознании, а также в политико-государственной доктрине, произошла по причине невозможности сепаратизма без крупномасштабной войны, усилению института государства и централизации власти.

Теперь, идеология экстремизма, его методы и акторы, представляли собой более закрытые группы, склонные к радикализму и терроризму. Основные методики, центры принятия решений и конечно же объект воздействия сменились с толпы, или же массы, объединённых по каким-либо этническим или же политическим причинам и целью автономной, но стабильной жизни, на более закрытые группы, чья основа была в экономический, радикально-национальный или же просто деструктивной позиции по отношению к действующему политическому режиму. Экстремизм перестал отождествляться с сепаратизмом, а стал более самостоятельной политической методикой воздействия на граждан, который мог привести к подобному. Универсальность, уникальность и самостоятельность данного феномена продиктована также тем, что смена целевой организации и исполнителей также была воспринята как попытка насаждения и борьбы за социальное и экономическое равенство. Именно в этот период развития идеологии экстремизма, в общественном сознании возникают такие понятия как революция и классовая борьба, целью которых было стремление к радикальному свер-

жению правящего класса и построению нового общества, что можно считать проявлением экстремизма, его наиболее радикальной формы, в современном понимании.

Примером «классического экстремизма» Нового Времени, можно считать Великую Французскую Революцию, чья основа – свержение монархического строя и выстраивание Первой Республики. Социальные беспорядки и экономический затяжной кризис стал причиной волнений, приведший в итоге к краху государственного аппарата, которое по итогу оказалось лишь сменой одной политической элиты на другую в рамках той же системы, а исполнителем в данном случае оказались молодые французские офицеры, поддержавшие очередной мятеж. По итогу же, быт и повседневность обычного гражданина не изменился, без учета последующего периода войн и конфликтов с соседями. Последующие волнения, государственные перевороты и другие политические процессы зачастую были подавлены силовыми методами и достигали незначительных успехов. И лишь конец Первой Мировой Войны стал одним из факторов возникновения примера более радикального, но в то же время полного проявления экстремизма Позднего Нового Времени, что мы можем увидеть в Февральской Революции в России.

Также, можно упомянуть и проанализировать смену государственного строя в Германии (Германская Империя), Турции (Османская Империя), Великобритании (Британская Империя), вновь Франции и крушение Австро-Венгерской Империи. Смена не просто политической элиты, а самого государственного аппарата по причине успешной революции и начало нового государственного строительства на обломках старого.

Изменение экономических, социальных, политических и любых иных директив, целей и интересов в соответствии с новым политическим образованием, а также градация государств на демократические, авторитарные и тоталитарные стали основой политического восприятия на последующие годы. Экстремизм стал не просто деструктивной политикой коренных преобразований общества, он стал полноправным, эффективным, высокопотенциальным инструментом влияния на общество, государства и человечество.

И полностью он раскрыл себя с самой негативной стороны в следующий, современный этап, что сформировался в период после окончания Второй Мировой Войны. Период в истории, названный Холодной Войной, противостояние между блоком НАТО во главе с США и странами Варшавского Договора во главе с СССР предоставили практический материал как феномен экстремизма становится полностью политической методологией и инструментом влияния одного государства, зачастую более сильного или технически совершенного, на другое государство. Карибский Кризис, когда независимая Куба под

влиянием СССР могла начать ядерную войну с США, что разрешилось практически чудом и примирением сторон. Или же более ранняя Корейская Война, когда страна была разорвана на части по идеологическим причинам на Северную Корею и Южную Корею, каждая со своим покровителем и политическим курсом. Эти события подтверждают, что устаревший феномен экстремизма, основываясь на подобных процессах, стал трансформироваться в более глобальный и не менее опасный феномен политического экстремизма, чья цель не просто смена общественной формации и структуры, но коренное изменение политической идеологии и культуры страны в интересах другой, более могущественной стороны.

Сформированный политический экстремизм носит за собой глобальный характер, универсальные подходы и реализует весь потенциал феномена экстремизма как метода насаждения идеологических, зачастую радикальных к прошлому, директив. Окончание периода Холодной Войны лишь сместило акценты, превратив борьбу идеологий в борьбу за ресурсы, где все элементы, представленные в данных феноменах, являются частью широкого инструментария.

Уже устаревшая, но всё ещё используемая западными политологами концепция имущественного разделения государств, представляет собой не только достаточно наивную систему оценки потенциала государств, но и основу и причины для влияния одних государств на другие, посредством глобализации человеческого общества или же просвещение других стран и народов. И хотя военные конфликты случались, по примеру Ливии или Ирака, но, в основном, большая часть манипуляций и процессов проходили за кулисами, вследствие чего в мире воцарилась неопределённая стабильность под эгидой однополярного мира на достаточный общемировой срок. Однако любые манипуляции рано или поздно переходят в открытый доступ, а терпение других государств на те или иные моменты и методики чужих силовых ведомств на их территории кончается. Это связано с теми фактами, что зачастую меняется политико-экономическая элита, которая использует уже сформированный экономический капитал своей страны в своих целях. А в силу природы общественно-экономической формации, подобные элиты заинтересованы в постепенной автономии, а в дальнейшем и независимости, если не для своей страны в целом, то для себя в частности – где государство становится инструментом достижения подобных целей [5].

Рассматривая практический материал, доступный в общественном доступе, мы можем сказать, что современный политический экстремизм, уверенные победы идеологии радикализации населения и смены власти по причине иностранного вмешательства, можно проследить в событиях «цветных революций» на Ближнем Востоке, Африке и Восточной Европе. Многие независимые политологи и политические деятели, анализируя

ситуацию, процесс и последствия данных событий, приходят к выводу об иностранном вмешательстве. Зачастую, каждая из подобных выступлений имеет ряд схожих, а порой и одинаковых моментов или событий, как в открытом моменте, так и за кулисами, что подтверждает факт общей методологии достижения целей насаждения со стороны и последующие противостояние в политическом, экономическом и иных спектрах. Самые элементарные события в открытом доступе — это рост гражданского недовольства, критика правящих структур и обвинение в росте авторитарности режима со стороны демократических стран Европы и Северной Америки, а также активная деятельность широко поддерживаемой в народе оппозиции. В тоже время, за кулисами, в закрытом доступе, проходят более существенные процессы.

Результаты.

В первую очередь, задолго до первых открытых столкновений между государством и гражданским обществом, происходит постепенное экономическое вливание в социальную и политическую сферу государства от сторонних, независимых на бумаге, организаций и предприятий. Денежные потоки, гранты и инвестиции, преследуют под собой расширение влияния другого государства на рынки страны, как продовольственные и производственные, так и на кузницу кадров. Последнее подразумевает за собой формирование интеллигенции и заинтересованного в изменениях слоя населения, с определенными политическими убеждениями, кураторами и целями. Можно сказать, что именно на этом этапе формируется оппозиция, чьи идеи радикальны для региона и преследуют цели других, третьих сил. Ярким примером можно считать деятельность USAID. После отказа прямого патронажа и спонсорства со стороны Правительства Соединенных Штатов, данная организация резко попала в опалу и большая часть её операций, проходящих по линии демократической партии, были раскрыты и осуждены. Как много организаций, что работают по линии республиканской партии нам не известно, однако, этот момент следует считать не победой независимых СМИ, а очередным витком противостояния двух партий в пока что мировом гегемоне — США. Не стоит забывать о влиянии Британских спецслужб, деятельность организаций под руководством ООН, НАТО и Евросоюза, а также более примитивные, но не менее действенные действия других развивающихся стран.

Во вторую очередь, кроме влияния на закрытые группы, происходит влияние на общественное мнение и гражданские институты. Следуя концепции «Окна Овертона», сторонние организации преследуют своей целью изменения общественного восприятия тех или иных процессов, событий и методов в угоду определенным политическим целям и директивам. Их кампании по пропаганде тех или иных ценностей постепенно меняют представление граждан о легитимности власти, законности действий силовых служб, корректности и справедливости социального обеспечения и верховенства права, а также мно-

гие другие моменты, в целях дестабилизации общества его же руками. И если первый момент формировал закрытые политические элиты оппозиционеров-руководителей, то уже второй момент предоставлял им платформу для влияния и существенную общественную поддержку. Иностранные кураторы могли специально раскачивать определенные моменты и события, демонстрируя в СМИ радикальную позицию и навязывая её населению, заранее концентрируя влияние на одном из своих представителей в лице руководителя от оппозиции. Как итог, на момент полной готовности, в случае беспорядков и эскалации ситуации, внутри государства присутствует сильный политический лидер от оппозиции и широкий пласт поддержки его доктрины и целей.

Третий момент, являющийся не менее важным, чем первые два, а именно механизмы противодействия экстремизму, их эффективность и структура. Неподготовленный государственный аппарат и силовые ведомства, при обнаружении иностранного влияния, зачастую запоздалого обнаружения, реагируют радикально и позволяют использовать это против себя. Разгон демонстрантов, тюремное заключение лидеров оппозиции и внедрение новых анти-иностраных законов, ограничивающих их влияние, воспринимаются обществом негативно в силу серьезной обработки пропагандой и становятся новой стезей конфликта, как основа претензий гражданского общества к своему собственному государству. Эффективная цензура и политика правового сдерживания иностранного вмешательства способна более качественно и без ярких негативных эффектов стабилизировать ситуацию в регионе, не позволяя какому-либо центру силы концентрировать вокруг себя гражданское общество, кроме государства.

Также следует отметить рациональность подхода в формировании государственно-правовой политики, которая будет направлена не только на уничтожение последствий влияния идеологии экстремизма, таких как коррупция и политическая нестабильность с последующим сепаратизмом или беспорядками, но и на нивелирование последующих угроз со стороны враждебных государств и их силовых ведомств. Например, в Российской Федерации, за последние пять лет активно обсуждается и дополняется закон об иностранных агентах, обязывающих тех или иных политических деятелей, заявлять о том, что их позиция не соответствует государственной политике, а сами они работают в интересах стороннего государства либо лиц, юридических или физических, их представляющих. Подобный список позволил исключить иностранное вмешательство и существенно усложнить деятельность иностранных злокачественных организаций на территории Российской Федерации. В тоже время, проводя эту линию дальше, государство сформировало законодательный акт об наказании за поиск экстремистских материалов в открытом доступе, что вызвало достаточно серьезные недовольства и разногласия не только со стороны гражданского общества, но и внутри государственного аппарата. Этот, на первый взгляд, негативный пример насаждения цензуры

в правом поле и в случае преднамеренного использования в целях насаждения и давления, может быть инструментом влияния силовых структур на обычных граждан. В силу того, что в нашей стране всё ещё не до конца сформирован тезис об экстремизме в целом, о политическом, экономическом, социальном и многих других его категориях, в частности.

Привлечение к ответственности за поиск запрещенных материалов также выглядит надуманно в силу технической невозможности, а также конституционных прав человека и гражданина в Российской Федерации. Однако, данный законодательный акт был принят и будет использован с осени 2025 года, вызывая сомнения и опасения со стороны, как обычных граждан, так и политологов, юристов и многих других заинтересованных [4].

С другой стороны, также ярким примером политико-правовой регламентации и регулирования проблемы можно считать законы Соединенных Штатов Америки о недопущении и пресечении иностранного вмешательства в их регионе. Такие же документы встречаются в законодательстве стран Евросоюза (Германия, Франция, Великобритания и другие), так и у стран Африки, Азии и других стран СНГ.

Эффективность системы противодействия варьируется от рекомендательных основ до государственных законов, неотчуждаемых и монолитных в своём исполнении. И хотя, высокий потенциал политического экстремизма позволяет ему влиять на государство и гражданское общество в любых странах, даже наиболее защищенных, правовая основа позволяет реагировать и предостерегает гражданское население, снижая как градус общественного недовольства, так и нивелируя последствия влияния.

Следует понимать, что политический экстремизм — это только негативно-деструктивный процесс разрушения государства, это ещё и стремление к постепенным преобразованиям государства в условиях современного миропорядка. Для отчуждения государственной деградации внутри самой себя, стагнации государственных органов и политической деятельности, умеренные идеи политического экстремизма необходимы. Подобное можно сравнить как получение постепенной устойчивости к яду в человеческом организме, что заключается в его периодическом минимальном употреблении.

Продолжая эту идею, государству необходимо точная формулировка тезиса политического экстремизма, его категорий, от момента умеренного стремления к реформированию внутри государства до его радикальных позиций.

Стремление государства к отчуждению иностранного влияния, но корректные правовые границы внутри государства для своих граждан, поддерживающие их свободу и мнение, предоставляют платформу для собраний и обсуждений. А также, необходимы рациональная политика сдерживания и цензура информации. На дан-

ный момент времени, деятельность Роскомнадзора, внутригосударственного органа насаждения цензуры и блокировки сторонних источников информации, вызывает недовольство среди простых граждан и ряда государственных чиновников. Причина подобного проста, кроме борьбы с насаждением идеологии экстремизма, данный государственный орган активно выполняет те или иные политические, а порой и экономические заказы, используя правовые расхождения и отсутствие точных формулировок для давления на организации, компании и предприятия внутри страны. Подобная политика, проходящая под эгидой Правительства Российской Федерации, наносит огромный ущерб репутации, как со стороны частных инвесторов, так и что более важно, со стороны собственного населения — выполняя третий пункт насаждения идеологии экстремизма — неэффективная система противодействия в информационной среде.

Ещё одной негативным фактором, с точки зрения политических и информационных специалистов, считается закрытость успешной работы силовых ведомств, которые зачастую не раскрывают общественности те или иные операции, даже спустя большое количество времени. Им в противовес представляют работу силовых ведомств США, которые активно распространяют в информационной среде наиболее безопасные факты их успешной деятельности и предотвращения терактов или иных преступлений.

Заключение.

Для Российской Федерации жизненно важно ориентироваться в новых, актуальных политико-информационных моментах и сфере, для построения эффективной системы противодействия экстремизму во всех его категориях, от политического и экономического до многих других.

Перед государственным аппаратом стоит серьезная задача точно сформулировать принципы, границы и директивы экстремизма для последующей системы противодействия его новым аспектам и формам, а также недопущению посторонних и вредных моментов насыщения или использования данных моментов в некорректных и деструктивных целях [3].

Правовое определение экстремизма как стремление к антигосударственной и антиобщественной деятельности в целях реализации интересов третьих лиц, стремление к постепенной социальной, культурной, политической и даже экономической дестабилизации внутри страны, а также поддержка подобных элементов с целью экономической или иной выгоды — необходимо закрепить в правом сегменте нашей страны.

Система противодействия экстремизму должна быть не только эффективной, но и беспристрастной, активно реагируя на деятельность любых сторон по внесению дестабилизации в общественный порядок, а также она должна находиться под строгим государственным контролем и общественной инспекцией в целях недопущения реа-

лизации частных интересов руками государства за счёт его репутации и ресурсов.

Кроме того, во внешней политике, политико-правовые достижения и категории должны быть

чётко переданы другим сторонам, странам-соседям и союзникам по ШОС, БРИКС для формирования общей системы оценки, анализа, выявления и дальнейшего противодействия феномену экстремизма в мировой политике.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Авдеев Ю.И. Политический экстремизм как явление политической борьбы: сущность, содержание и формы (теоретико-методологический аспект) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1996.
2. Ищенко С.А. Административно-правовые и другие аспекты экстремизма в современном обществе (история, становление и развитие) // Административное право и процесс. 2018. № 5. С. 13–22. EDN: ORWICL
3. Ковалев В.С. 2003. Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М. : РАГС. EDN: NHIFRT
4. Магомедов Ш.Б. Политический экстремизм и терроризм: причины возникновения и пути преодоления / Ш.Б. Магомедов, О.М. Гусейнов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-ekstremizm-i-terrorizm-prichiny-vozniknoveniya-i-puti-preodoleniya> (дата обращения 04.11.2024). DOI: 10.21779/2224-0241-2023-46-2-13-23 EDN: HLGVYA
5. Михайлов С.В. Юридический анализ дефиниции экстремизма // Судья. 2019. N Нечевин Д.К., Колодкин Л.М. Молодежный экстремизм и превентивные возможности этики ненасилия // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 53–60. С. 50–63. EDN: TFRYRZ

References:

1. Avdeev Yu.I. Political extremism as a phenomenon of political struggle: essence, content and forms (theoretical and methodological aspect) : abstract of dis. ... candidate of political sciences. M., 1996.
2. Ishchenko S.A. Administrative, legal and other aspects of extremism in modern society (history, formation and development) // Administrative Law and Process. 2018. № 5. P. 13–22. EDN: ORWICL
3. Kovalev V.S. Political extremism and the mechanism of countering it in modern Russia : abstract of dis. ... candidate of political sciences: 23.00.02. M. : RAGS, 2003. EDN: NHIFRT
4. Magomedov Sh.B. Political extremism and terrorism: causes and ways to overcome / Sh.B. Magomedov, O.M. Huseynov // Law Bulletin of Dagestan State University. 2023. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-ekstremizm-i-terrorizm-prichiny-vozniknoveniya-i-puti-preodoleniya> (date of application 11/04/2024). DOI: 10.21779/2224-0241-2023-46-2-13-23 EDN: HLGVYA
5. Mikhailov S.V. Legal analysis of the definition of extremism // Judge. 2019. Nechevin D.K., Kolodkin L.M. Youth extremism and preventive possibilities of ethics of nonviolence // Administrative law and process. 2019. № 7. P. 53–60. P. 50–63. EDN: TFRYRZ

Информация об авторе

Янгиров Ильназ Ильгизович

аспирант кафедры политологии
и связей с общественностью,
Уфимский университет науки и технологий
ORCID: 0000-0001-8979-297X
Ilnaz.yangirov@yandex.ru

Ilnaz I. Yangirov

Postgraduate Student of the Department
of Political Science and Public Relations,
Ufa University of Science and Technology
ORCID: 0000-0001-8979-297X
Ilnaz.yangirov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.09.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Сетевое издание / Online edition

№ 3 от 25.09.2025

Выходит 4 раза в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д-р истор. наук, канд. юрид. наук, профессор
Упоров Иван Владимирович

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

д-р истор. наук, доцент
Медведев Валерий Иванович

д-р истор., д-р социол. наук, профессор
Касьянов Валерий Васильевич

ШЕФ-РЕДАКТОР

д-р соц. наук, профессор
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 23.09.2025

Подписано к публикации 25.09.2025

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС77-79416 от 13 ноября 2020 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e-mail: id.yug2016@gmail.com